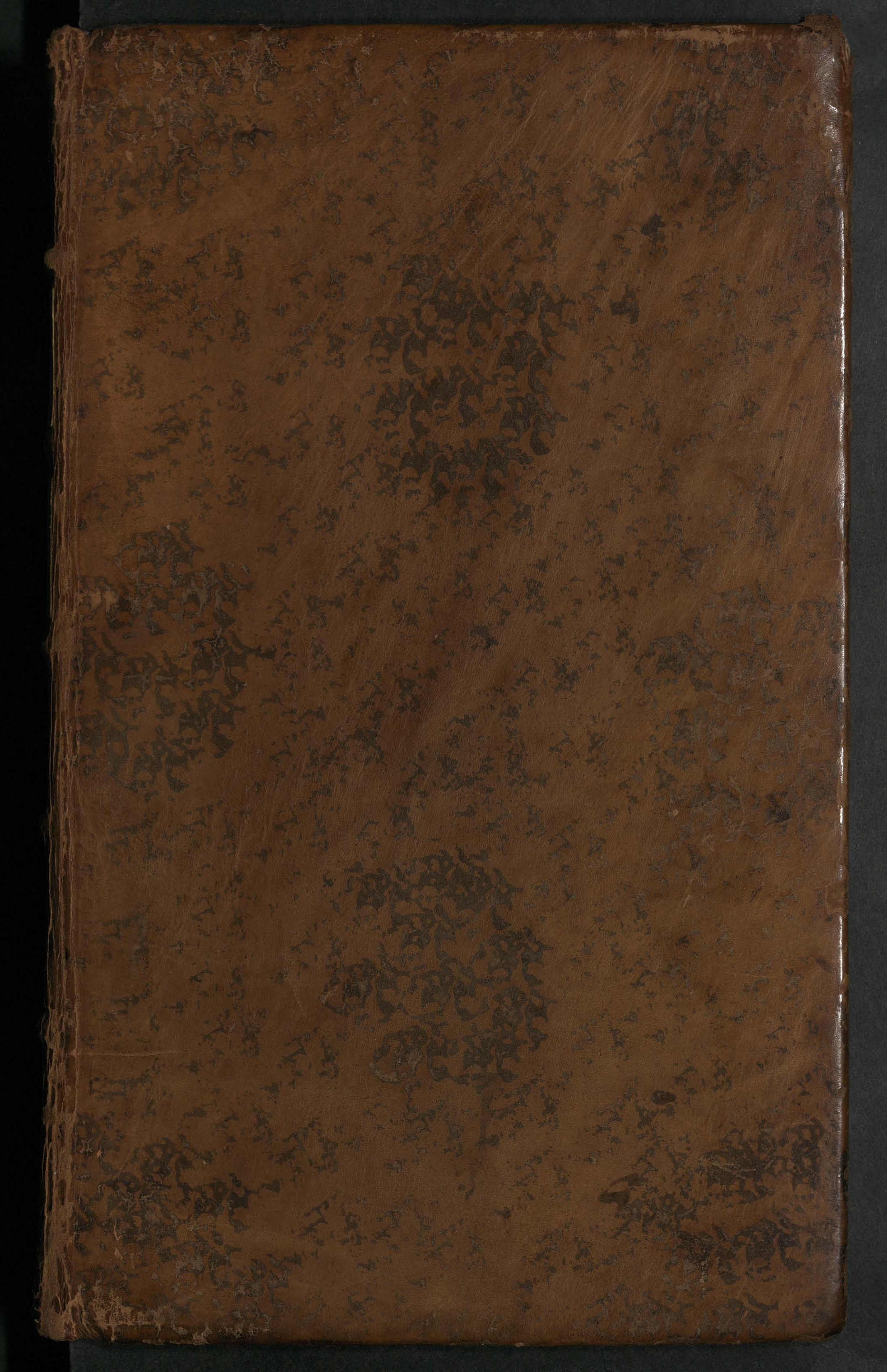
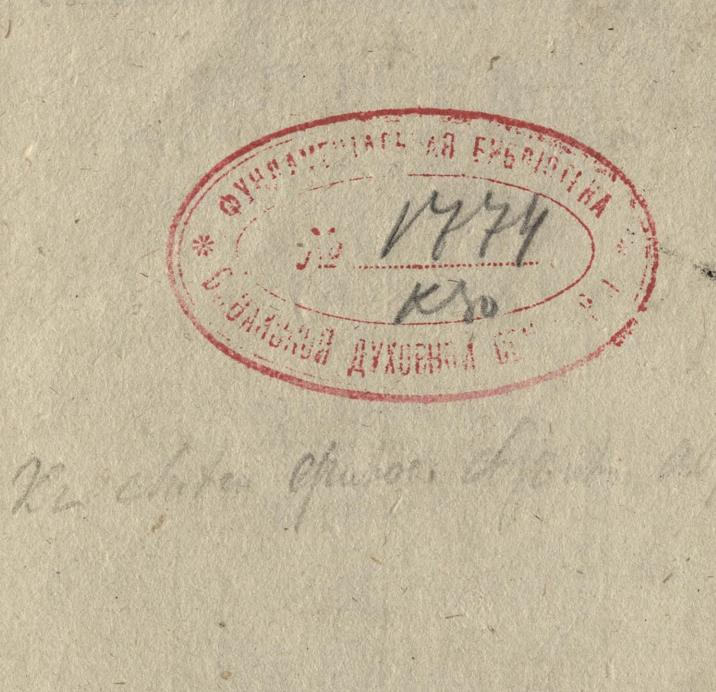
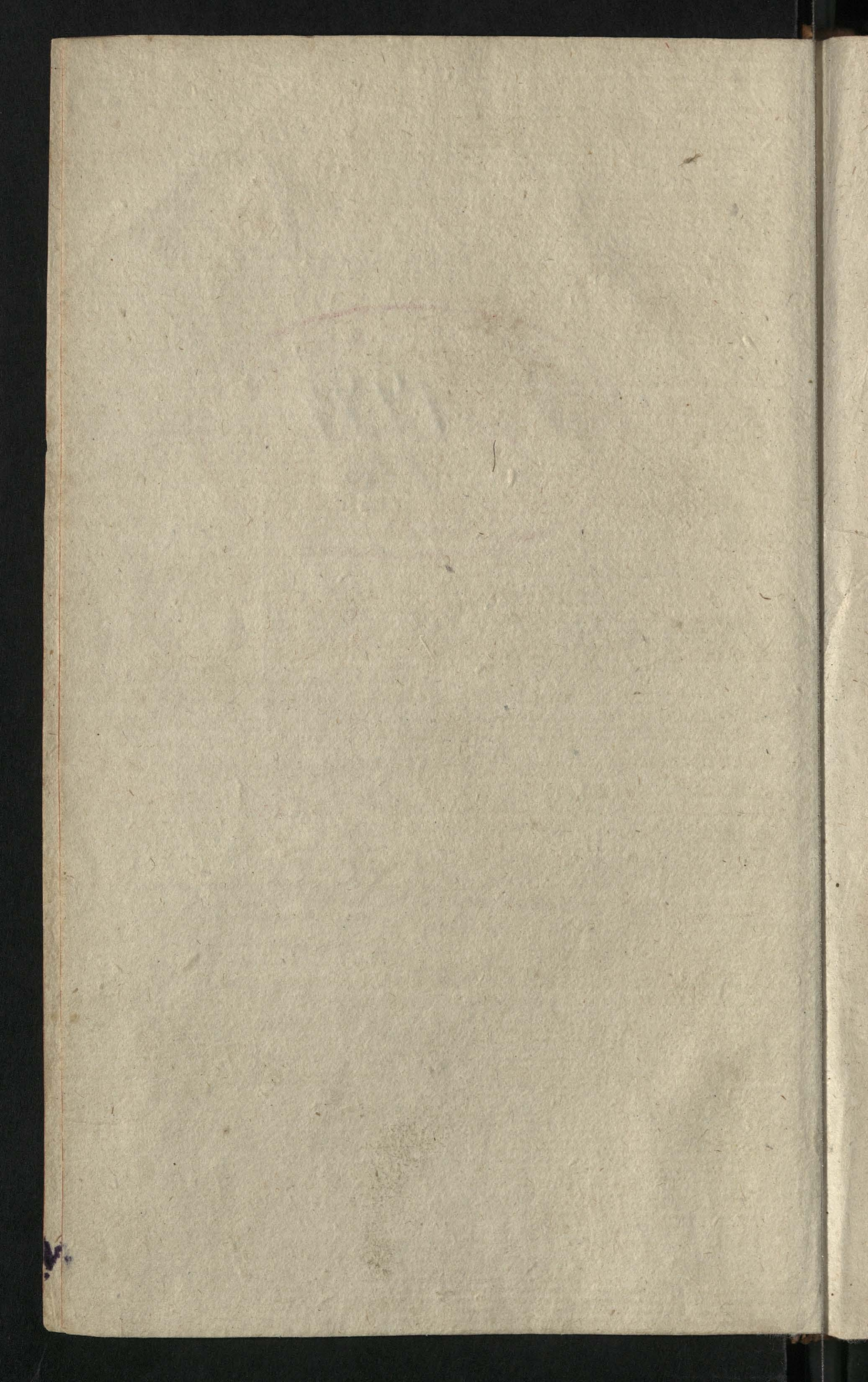

№ 1474

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

КЪ

ИСТИННОМУ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМУ СЧАСТІЮ,

ИЛИ

ОПЫТЪ

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫХЪ И ОТЧАСТИ ФИЛОСОФИЧЕСКИХЪ

РАЗСУЖДЕНІЙ

О

БЛАГОПОЛУЧІИ

ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

И

О СРЕДСТВАХЪ

КЪ ПРІОБРѢТЕНІЮ ОНАГО.

Частъ I.

Иждивеніемъ Н. Новикова и Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ,

ВЪ Университетской Типографіи,

у Н. Новикова, 1784 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ: Путеводитель къ истинному человѣческому щастію часть I, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ПРЕ-

ПРЕДИСЛОВІЕ

Здѣсь видите вы, дорогой читатель, предъ собою Опытъ нравоучительнымъ разсужденіямъ о такой матеріи, которая не инако какъ важною почесться можетъ, а именно о Благополучіи или Блаженствѣ человѣческой жизни. Я бы могъ ихъ безъ всякаго предисловія оставить, естьлибъ нѣкоторыя обстоятельства не принуждали меня сказать вамъ слова два напередъ объ оныхъ. Можетъ быть подумаете вы, что я сочиняя оныя подогрѣвалъ только старыя щи, или говорилъ о сей матеріи то, что говорено было уже довольно и безъ меня въ свѣтѣ; но сіе меня не беспокоитъ. Ежели удостоите ее прочтеніемъ, то найдете можетъ быть, что это и другаго рода кушанье, или по крайней мѣрѣ щи, да не такимъ манеромъ сваренныя, какъ вы думаете.

Вкусны ли они или не вкусны, о томъ надобно вамъ, а не мнѣ разсуждать. Повару всякое свое кушанье хо-

рошо кажется, и ему какъ о томъ судить, такъ и того желать не можно, чтобъ онъ на вкусъ всякаго ѣдока потрафилъ. Это дѣло извѣстное, и было бы излишнее того требовать. Сколько людей, столько разныхъ вкусовъ, и что одному хорошо, то другому дурно кажется. Что о томъ говорить! —— Но есть другой вопросъ, которой поважнѣй онаго: а именно: питательно ли оно или не питательно, здорово ли или вредно человѣку? Но о семъ не всѣ ѣдоки, а одни врачи разсуждать могутъ, и поваръ не всѣмъ, а имъ только въ семъ случаѣ отвѣтствовать долженъ.

Но какъ и врачи бываютъ не всѣ равные, а притомъ будучи такимъ же подвержены слабостямъ какъ и другіе человѣки, легко, либо по какимъ нибудь предразсудкамъ, либо по одному наружному виду поспѣшно заключая, погрѣшить могутъ, и не рѣдко называя кушанье такимъ, какимъ оно не бывало, и погрѣшаютъ: то легко статься можетъ, что и съ моимъ тоже самое случится.

чится. Для сей причины за нужное почелъ я симъ господамъ на ухо шепнуть, чтобъ они пожаловали не много остереглись и не съ лишкомъ скоро дѣлали свои рѣшенія, но благоволилибъ припомнить, что наружность бываетъ иногда и обманчива, да и повару иногда и самому отчасти врачебную науку знать, или по крайней мѣрѣ по предписанію какого нибудь Доктора кушанье свое составлять можно. —— Мое точно такого рода. И такъ пожаловалибъ они по одной только новости сего кушанья, и по наружнымъ его и можетъ быть съ ихъ правилами и мыслями не согласующимся признакамъ, не скоро заключали, но изслѣдовалибъ оное въ тонкость, да и тогда, буде что несходное съ ихъ правилами имъ *покажется*, не со мною бы, а съ тѣмъ господиномъ Докторомъ имѣли дѣло, котораго предписаніямъ я слѣдовалъ. Я тому уже не виноватъ, что лечитъ онъ людей иною методою, а виноватъ ли или не виноватъ только потому, что слѣдовалъ его предписаніямъ.

Но

Но въ семъ случаѣ пускай сами они разберутъ, долженъ ли я былъ, или не долженъ о безвредности оныхъ быть увѣренъ, когда будучи самъ долгое время боленъ и искавъ тщетно отъ многихъ Докторовъ и лекарей помощи, не пользу, а вящшей только вредъ отъ нихъ получилъ, и предписаніями помянутаго только Доктора при помощи Божеской наконецъ избавился, обмогся и благодарить Бога мало по малу прихожу въ состояніе и выздоравливаю? И великая ли въ томъ моя вина, когда я зная, что и многіе такой же болѣзни подвержены, а метода помянутаго Доктора въ нашемъ любезномъ отечествѣ не гораздо извѣстна, по долгу человѣчества вздумалъ и для нихъ такое же кушанье сварить, какое самому мнѣ принесло пользу, а не слѣдовалъ правиламъ и предписаніямъ иныхъ, коихъ о бесполезности, а отчасти и вредности искусился также собственнымъ своимъ опытомъ? Кто помянутой Докторъ и какъ онъ прозывается, о томъ не для чего мнѣ имъ сказывать. Естьли они о должности

своей прямо радѣютъ, и исторія ихъ науки; нынѣшнее оной въ свѣтѣ состояніе и всѣ обстоятельства касающіяся до ней имъ свѣдомы, то не можно, чтобъ новой сей Докторъ былъ имъ не извѣстенъ, онъ довольно знаменитъ въ свѣтѣ.

Но сего довольно для господъ лекарей. Что касается до прочихъ ѣдоковъ, то имъ о кушаньѣ моемъ слѣдующее только въ предувѣдомленіе скажу. Оно здорово, это правда. Яду въ немъ и отравы никакой нѣтъ. Съ сей стороны не можно имъ ничего опасаться, и вредъ отъ него тогда только они получатъ, когда сами уже съ лишкомъ много его объѣдаться станутъ. Но въ такомъ случаѣ и всякое кушанье и не только кушанье, но и лучшее лекарство въ ядъ обратиться можетъ, и тому уже не я буду виновенъ. Сколько имъ ѣсть, сама натура и разсудокъ ихъ научитъ. Вольно будетъ имъ не слѣдовать оной. Однако и то долженъ сказать, что оно не множко грубовато, и потому не на вся-

всякаго вкусъ придетъ. Инымъ можетъ быть покажется оно суровенько, другимъ съ лишкомъ солоно, третьимъ горьковато, инымъ кисло и такъ далѣе. Но что дѣлать, когда я поваръ не по модѣ и кушанье мое не Французское, а Нѣмецкое. Кто имѣетъ вкусъ съ лишкомъ нѣжной или желудокъ привыкшей къ однимъ только Французскимъ кушаньямъ, и о здоровьѣ своемъ мало радѣетъ, или будучи боленъ себя считаетъ совершенно здоровымъ: тотъ пожалуй себѣ онаго не кушай, а оставляй тѣмъ, которые радѣя получше о своемъ здоровьѣ соглашаются охотно глотать и горькія пилюли и кушать самыя грубыя и невкусныя имъ пищи, когдабъ только они имъ пользовали и они моглибъ увѣрены быть, что получатъ отъ того великія выгоды.

Наконецъ осталось мнѣ сказать, что можетъ быть я въ пріуготовленіи моего кушанья учинилъ многія поварамъ обыкновенно свойственныя и простительныя погрѣшности, то есть,

иныхъ

иныхъ приправъ не доложилъ, иныхъ переложилъ, иное не доварилъ, другое пережегъ и такъ далѣе. Но въ семъ случаѣ надѣюсь пріобрѣтетъ мнѣ извиненіе то, когда чистосердечно признаюсь, что я еще не совершенной поваръ, но не инако себя считаю, какъ ученикомъ поварскимъ, по которой причинѣ и не отважился я назвать кушанье мое кушаньемъ, а назвалъ его только опытомъ кушанья. Дальнѣйшее упражненіе и когда оно придетъ на вкусъ многихъ, побудитъ меня стараться о приведеніи впредь искусства своего въ лучшее совершенство.

Вотъ все, о чемъ хотѣлъ я васъ, дорогой читатель, предувѣдомить. Аллегорія сія столь удобопонятна, что вы надѣюсь избавите меня отъ труда изъяснять оную далѣе. Теперь судите сами какъ хотите, и дѣлайте, что вамъ угодно. Вы будете неотмѣнно принадлежать къ числу либо простыхъ и разнаго состоянія ѣдоковъ, либо врачей, то есть ученыхъ и Философовъ. Сіе слово можетъ вамъ служить

жить свѣчкою, которою въ состояніи вы будете разогнать темноту предслѣдующей Аллегоріи. Я желая вамъ получить такуюжъ пользу, какую я самъ имѣлъ: есмь.

Всегдашній Вашъ

Доброжелатель.

Писано въ моей кухнѣ
1772 года.

ВСТУПЛЕНІЕ

Истинное благополучіе или блаженство нынѣшней человѣческой жизни, было всегда великимъ предметомъ, къ которому и древнихъ и новыхъ вѣковъ многіе ученые люди равно какъ къ нѣкоей знаменитой цѣли направляли свои мудрствованія. Ежели безпристрастно разсудить: то матерія объ ономъ по справедливости и достойна того, чтобъ быть ими такъ много уважаемою, и къ изслѣдованіямъ до сего пункта принадлежащимъ прилагаемы были такіе усердные труды и старанія, какіе они въ разныя времена о томъ прилагали. Ибо кто не согласится въ томъ, что благополучіе есть такой пунктъ, котораго важность довольно изображена быть не можетъ? Не всего ли надобнѣе; не всего ли полезнѣе для насъ благополучіе наше? И надобно ли къ тому какія доказательства? Но когда благополучіе для насъ такая важная и столь

надобная вещь; то можетъ ли что полезнѣе и нужнѣе тѣхъ изслѣдованій быть, какія о немъ ученые и прежде предпринимали и нынѣ предпринимаютъ? Поистиннѣ можно сказать, что сколькобъ о томъ ни говорено было, но никогда не можно сказать, чтобъ было довольно. Матерія сія такъ обширна и сопряжена съ такими обстоятельствами, что всегда найдется многое, о чемъ говорить и надобно и можно. Однимъ словомъ, она можетъ всегда ученымъ людямъ подавать поводъ къ испытанію силъ разума своего въ разсужденіяхъ касающихся до сего пункта, тѣмъ наипаче, что сколь много о томъ по сіе время славными учеными мужами говорено ни было; однако она далеко еще вся не только не изчерпана, но такъ сказать и то совершенно еще не изслѣдовано, въ чемъ бы собственно истинное благополучіе состояло и какими точно способами или путями моглобъ наиудобнѣе пріобрѣтаемо быть.

Причиною тому были многiя обстоятельства, а между прочимЪ наиболѣе разнота и неосновательность Философическихъ системЪ, которымЪ помянутые вЪ древности ученые люди вЪ ученiяхЪ своихЪ слѣдовали. Всякой изЪ нихЪ держался той, которую имѣлЪ онЪ случай вЪ молодости своей выучить и затвердить, а потому уже и о сей матерiи разсуждалЪ такЪ какЪ его система отЪ него требовала: а какЪ по нещастiю не рѣдко мѣшались вЪ томЪ и пристрастiя ихЪ сердецЪ: то и произошла отЪ того та удивительная разнота, какая вЪ разсужденiяхЪ ихЪ о семЪ пунктѣ примѣчается. Ибо иное ли что могло отЪ того проистечь, кромѣ того, что всякой старался ковать желѣзо по своему образцу и приводить его вЪ такую форму, какая у него имѣлася обжимка.

ОтЪ сего натурально и проистекло то слѣдствiе, что многiе изЪ нихЪ не избавились отЪ великихЪ погрѣшностей, и забродили мыслями своими вЪ такiе Лабиринты, изЪ которыхЪ не

могли на конецъ ни какъ выдраться. Но сіе въ разсужденіи слабостей человѣческаго разума было бы и простительно, естьлибъ не дѣлалось чрезъ то въ сей важности сего пункта великаго ущерба и уменьшенія. Люди увидѣвъ между лучшими людьми толь великую въ разсужденіи сей матеріи несогласицу, не осмѣливались ни которому изъ нихъ твердо вѣрить: но паче болѣе склонны были къ заключенію, что всѣ они едва ли не кругомъ и не окололь себя ходятъ и сами чего ищутъ и что говорятъ подлинно не знаютъ. А изъ того впадали въ извинительное сомнѣніе, что истиннаго благополучія на свѣтѣ нѣтъ, или оно состоитъ не въ томъ, въ чемъ они утверждали, но въ томъ, въ чемъ большая часть смертныхъ людей оное полагаетъ и ищетъ.

Естьли въ тонкость и безпристрастно разобрать: то найдемъ, что причиною помянутыхъ погрѣшностей было наиболѣе: во первыхъ, удаленіе отъ натуры и недостаточное согласованіе

ваніе мыслей своихъ съ видимымъ распоряженіемъ оной, и нынѣшними ея обстоятельствами: во вторыхъ, недостаточное знаніе о внутреннихъ произшествіяхъ въ душѣ нашей и о дѣйствіяхъ силъ ея и желаній, и неприлаганіе о удобовозможномъ познаніи онаго надлежащаго старанія. Отъ перваго произошло то, что люди насильно старались черное бѣлымъ и обратно бѣлое чернымъ дѣлать и въ томъ незнающихъ людей увѣрять. А отъ втораго то, что глодали они по большой части одну скорлупу на орѣхѣ, а до ядра мало или вовся не дотрогивались, и чрезъ то мимо самой вещи ловили и разсматривали ея тѣнь и по оной дѣлали свои разбирательства.

Правда не льзя того сказать, чтобъ новѣйшіе вѣки не имѣли въ томъ предъ прежними несказаннаго преимущества. Науки пробудившись отъ своего прежняго и столь долговременнаго сна, и просвѣтивши умы человѣческіе, научили уже ихъ порядочнѣе мыслить и разсуждать: по чему мнѣнія новѣй-

шихъ Философовъ и въ разсужденіи сей матеріи, не только здравѣе и основательнѣе прежнихъ, но гораздо уже обстоятельнѣйшія. Но какъ и сіе просвѣщеніе не вдругъ сдѣлалось совершенно, а мало по малу приходило и приходитъ въ совершенство: то не могло и въ сіи вѣки того миновать, чтобъ нѣкоторые не впадали хотя другаго роду, однако въ подобныя томужъ погрѣшности. Къ вникновенію въ сокровенную внутренность души нашей, требовалось великаго искусства, глубокихъ разумовъ и долговременныхъ и прилѣжныхъ примѣчаній и опытовъ. Ибо когда сія благородная часть существа нашего, отъ глазъ нашихъ, такъ на примѣръ какъ воздухъ и другія невидимыя вещи, скрыта; то и не осталось другаго средства, какъ наиприлѣжнѣйшимъ образомъ и въ самую тонкость примѣчать ея видимыя и примѣтныя дѣйствія, предпринимать къ объясненію иныхъ вещей собственные опыты, и по тому уже дѣлать какъ о существѣ, такъ о силахъ и свойствахъ оныхъ свои заключенія.

ченія. Но какъ не всякой имѣетъ довольно охоты пуститься на толь великой и толь многихъ предосторожностей требующей подвигъ, и не всякой имѣлъ довольно въ томъ терпѣнія: то натурально и не могло сіе познаніе инако какъ весьма тихими стопами отъ времени до времени возрастать и увеличиваться, и притомъ не быть со многими замѣшательствами сопряженно. А по тому чѣмъ прилѣжнѣе принялись стараться о познаніи души, тѣмъ основательнѣйшія разсужденія начали появляться въ свѣтѣ и о благополучіи нашемъ.

Нынѣ третей уже вѣкъ идетъ, какъ учинено было тому прямое начало, и во все сіе время не было безъ людей, которые приводя прочія части наукъ въ лучшее совершенство, между прочимъ и о приведеніи помянутаго познанія въ лучшее совершенство прилагали свои старанія. Успѣхи ихъ въ томъ были разные. Чѣмъ болѣе наблюдаема была кѣмъ безпристрастность, тѣмъ лучшей и успѣхъ тотъ въ томъ

получалъ. На конецъ срединѣ нынѣшняго вѣка предоставлено было тѣмъ въ особливости прославиться. Нѣкоторые люди имѣли особливое счастіе получить въ томъ успѣхъ вожделенной, и съ сего времени попали мы на лучшую тропу ведущую насъ, такъ сказать, къ окну, въ которое мы нѣсколько болѣе въ тайное сіе свѣтилище заглянуть и о внутренности его разсуждать можемъ. Потомки наши и послѣдующіе вѣки, можетъ быть, будутъ еще насъ въ семъ случаѣ счастливѣе.

Между тѣмъ должны мы довольствоваться тѣмъ, что имѣемъ. И какъ самое сіе сдѣлало людей способнѣйшими уже и къ основательнѣйшимъ разсужденіямъ о истинномъ благополучіи и о средствахъ къ достиженію онаго, и показало, имъ такъ сказать надежнѣйшей и прямѣйшей путь къ оному ведущей: то самое сіе и побудило меня въ пользу моихъ согражданъ испытать силы свои въ разсужденіяхъ о толь великой и важной матеріи: тѣмъ наипаче, что новыя сіи открытія не такъ

еще

еще въ свѣтѣ знакомы, чтобъ были всѣмъ вѣдомы, а того меньше въ нашемъ любезномъ отечествѣ, гдѣ и прежнія предъ толь малымъ и короткимъ временемъ сдѣлались извѣстными.

Сіе въ состояніи уже пріобрѣсть мнѣ извиненіе въ томъ, что я отваживаюсь говорить о такой матеріи, о которой говорено было уже довольно въ свѣтѣ и такими людьми, предъ которыми я себя не инако какъ молокососомъ почитаю. Всѣмъ извѣстно, коль многіе на свѣтѣ ученые люди пріобрѣли себѣ тѣмъ безсмертную славу! . . . . Но Боже меня сохрани, чтобы я похотѣлъ оную у нихъ похищать или ихъ опорочивать. Слава ихъ да останется всегда съ ними и въ своемъ цвѣтѣ! Однако сіе не мѣшаетъ мнѣ сказать, что и они были такіежъ люди, какъ я, и всѣ мы, то есть, способные къ погрѣшностямъ. Источникъ сихъ погрѣшностей я изобразилъ, и признаваю, что они въ томъ не виноваты, что иногда погрѣшали. Не они причиною тому были, что въ

ихъ времена не болѣе о душѣ нашей знали нежели нынѣ. Они сами, можетъ быть, перемѣнилибъ свои мнѣнія естьлибъ жили въ нынѣшнее время. И такъ я не иное что предпринимаю дѣлать какъ вкратцѣ говорить о томъ, что они говорили, съ тою только разницею, что слѣдовать буду не такимъ правиламъ какимъ, они слѣдовали, но въ основаніе всѣмъ разсужденіямъ своимъ положу помянутыя учиненныя вновь въ душевныхъ нашихъ силахъ и свойствахъ оныхъ открытія и примѣчанія, которыя имъ были неизвѣстны: и все сіе единственно только на опытъ и для того, дабы подать чрезъ то поводъ другимъ и разумнѣйшимъ меня людямъ, къ дальнѣйшимъ о сей матеріи размышленіямъ и побудить къ приведенію ея въ лучшее совершенство.

Но какъ всякая новая вещь сопряжена съ тѣмъ слѣдствіемъ, что бываетъ съ начала темновата естьли не сказано будетъ нѣсколько словъ напередъ объ оной: то самое сіе и принуди-

нудило меня какъ сіе Вступленіе разсужденіямъ моимъ предпослать, такъ нѣсколько словъ и объ нихъ читателю моему сказать въ предувѣдомленіе. --- Въ нихъ находиться будутъ двоякаго роду изслѣдованія. Во первыхъ есть ли или нѣтъ истинное благополучіе въ свѣтѣ и можетъ ли оно или не можетъ человѣкомъ пріобрѣтаемо быть? Во вторыхъ, какими средствами оное наиудобнѣе пріобрѣтать бы можно было. Въ обоихъ родахъ сихъ испытаній буду я слѣдовать помянутымъ открытіямъ и правиламъ новѣйшихъ Философовъ. Извѣстное отвращеніе, какое имѣемъ мы обыкновенно къ сочиненіямъ великаго пространства, и опасность, чтобъ одинъ видъ величины книги не прогналъ у многихъ охоту къ прочтенію оной, не дозволитъ мнѣ входить въ самую подробность, и утверждать всѣ предложенія мои ясными доводами и тонкими Философическими доказательствами; но принуждать станетъ стараться вмѣщать ее колико можно въ тѣснѣйшіе предѣлы. Я готовъ бы для

сего

сего согнуть все, такъ сказать, въ колечко, и сдѣлать книгу мою такъ малою, какъ хотѣлъ бы можетъ быть читатель: но со всѣмъ тѣмъ предвижу, что всѣ старанія мои въ семъ случаѣ будутъ безплодны. Ибо хотя то и правда, что можнобъ все на короткихъ словахъ пересказать, но что будетъ отъ того пользы? Не одни ли верьхушки я принужденъ буду въ семъ случаѣ схватывать, и не дамъ ли ядро орѣха только на языкѣ подержать, а о вкусѣ онаго узнать отъиму способы? Нѣтъ! къ такому роду сочиненій я не привыченъ, да и за самую излишность почитаю и трудиться въ таковыхъ. Я оставляю то другимъ, кто желаетъ время и труды свои симъ образомъ по пустому тратить, а самъ не хочу людей, такъ сказать, только по губамъ мазать. Желаніе мое напротивъ того состоитъ въ томъ, чтобъ читателямъ моимъ подать обо всемъ столь ясное понятіе, какое только мнѣ безъ дальнаго увеличиванія книги имъ подать можно: дабы сдѣлать чрезъ то книгу свою

свою для нихъ сколько можно полезнѣйшею.

Для сихъ причинъ и прошу благосклонныхъ читателей мнѣ то отпустить, есть ли я въ послѣдующемъ не всегда держаться буду главнаго моего предмета, но входить иногда въ нѣкоторыя посторонности. Важность и надобность иныхъ вещей можетъ быть станетъ меня къ тому иногда по необходимости принуждать: а желаніе принесть чрезъ то читателямъ вящшую и существительнѣйшую пользу побуждать къ такимъ предпріятіямъ, и посторонностямъ. Объ одной изъ сихъ посторонностей я напередъ уже вижу, что мнѣ ее предпріять будетъ надобно: а именно, чтобъ прежде приступленія къ предложенію собственныхъ средствъ и правилъ къ удобнѣйшему пріобрѣтенію благополучія предпослать нѣсколько цѣлыхъ разсужденій, касающихся вообще до существа нашихъ желаній, до ихъ свойствъ и до другихъ касающихся до нихъ примѣчанія достойныхъ обстоятельствъ: какъ

какЪ на примѣрЪ о природномЪ оныхЪ состояніи, о сдѣлавшемся между ними замѣшательствѣ и поврежденіи, о происшедшемЪ отЪ того такЪ называемомЪ нравственномЪ злѣ, о вредныхЪ отЪ него слѣдствіяхЪ, и о генеральныхЪ правилахЪ кЪ удобнѣйшему истребленію и уменьшенію онаго и такЪ далѣе. Не поскучайте ими дорогой читатель! Но паче, прочтите ихЪ со вниманіемЪ, буде хотите прямо прочими разсужденіями моими пользоваться. Они суть камни, положенные вЪ фундаментЪ всему моему зданію, и знаніе обЪ нихЪ будетЪ вамЪ не безполезно. Вы найдете вЪ нихЪ то, чего вЪ другихЪ книгахЪ не скоро найтить можете, а сверьхЪ того они нѣкоторымЪ образомЪ вЪ состояніи будутЪ наградить весь тотЪ недостатокЪ, которой вЪ сей книгѣ находиться будетЪ и которой принадлежитЪ до самаго подробнаго практическаго руководства, кЪ которому не входя вЪ великое пространство мнѣ ни коимЪ образомЪ приступить будетЪ не можно. Ибо изЪ помянутыхЪ

разсужденій можете вы буде пожелаете сами уже послѣ, какъ изъ нѣкоего источника почерпать заключенія, что вамъ дѣлать и какъ къ чему съ начала приступать надобно.

Но не одну сію пользу вы отъ нихъ получите. Они правда хотя и не совсѣмъ тѣсно сопряжены съ главнымъ моимъ предметомъ: но по крайней мѣрѣ къ великому объясненію прочей матеріи служить будутъ, а сверьхъ того получите вы чрезъ нихъ хотя не полное, а нѣкоторое уже понятіе о самыхъ тѣхъ новыхъ открытіяхъ, о которыхъ я упоминалъ выше; слѣдовательно отчасти уже узнаете, что по изслѣдованіямъ новѣйшихъ философовъ о внутренности души нашей и о свойствахъ ея силъ извѣстно. Однимъ словомъ вы можете чрезъ то уже познакомиться нѣсколько съ своею душею, страстьми, склонностьми и желаніями, и узнаете что это въ насъ за звѣри, и какъ съ ними намъ лучше ладить и подъ свою власть ихъ приводить можно, и чрезъ то

сдѣ-

сдѣлаетесь способнѣйшими къ толь нужному, славному, и похвальному самихъ себя обладанію: умалчивая о томъ, что безъ того и вся прочая матерія будетъ вамъ темна и неудобопонятна, и вы не зная сего не можете прямо и оною пользоваться.

Вотъ все, о чемъ хотѣлъ я упомянуть въ семъ первомъ отдѣленіи моей книги. Теперь время приступить мнѣ къ самому дѣлу.

РАЗ-

РАЗСУЖДЕНІЕ I.

О благополучіи вообще и о исканіи онаго.

Всѣмъ намъ то сродно, чтобъ благополучія себѣ желать, и я не надѣюсь, чтобъ нашелся кто нибудь на свѣтѣ, которой бы счастливымъ быть не хотѣлъ. Сіе природное всѣмъ желаніе является въ насъ съ самаго младенчества, и тогда еще, когда мы сами себя совершенно не познали, и продолжается до тѣхъ поръ, покуда смерть глаза наши закроетъ. Какого бы званія кто ни былъ, или въ какихъ бы обстоятельствахъ ни находился, но ежели дѣла его разсмотрѣть: то найдется, что всѣ они на желаніи благополучія основаны были. Однимъ словомъ, не погрѣшая сказать можно, что желаніе благополучія не только каждому человѣку

свойственно, но и знатнѣйшее предъ всѣми прочими желаніями есть.

Сіе общее желаніе сродное себѣ и дѣйствіе во всѣхъ производитъ. Ибо какъ каждое желаніе насъ къ удовлетворенію себя понуждаетъ, такъ равномѣрно и желаніе благополучія безпрестанно принуждаетъ насъ всѣ свои силы и возможности къ пріобрѣтенію благополучія своего употреблять, и всякой часъ о томъ стараться, по чему и натурально каждой человѣкъ не только благополучія желаетъ но его и ищетъ.

По симъ двумъ обстоятельствамъ казалося бы то безсомнѣнно, что благополучію на свѣтѣ быть и отъ многихъ сыскивану и пріобрѣтаему быть надлежало. Ибо когда изъ опыта видимъ, что въ каждомъ человѣкѣ желаніе къ нему есть: то не должно ли заключать, что оно отъ великаго Создателя нашего не втунѣ намъ дано. Когда мы о семъ всевысочайшемъ существѣ довольно знаемъ,

емъ, что всѣ дѣла его премудры и совершенны, и ни одного изъ нихъ напраснаго и нестройнаго нѣтъ и быть не можетъ: то льзя ли намъ подумать, чтобъ онъ такое всеобщее и во всѣхъ нашихъ дѣлахъ наивеличайшее участіе имѣющее желаніе тщетно въ насъ вложилъ, и мы совершенія онаго напрасно ищемъ? Таковое мнѣніе конечно бы беззаконно и такое было, которое съ свойствами великаго нашего Зиждителя несогласно.

Но не должно ли по справедливости удивляться, когда толь великой истиннѣ мы, такъ сказать, противное видимъ? Не извѣстно ли, что сколько мы благополучія своего усердно желаемъ и ищемъ, столько же и жалуемся на то, что его нѣтъ и мы никогда найти его не можемъ? Ибо хотя то и правда, что мы многихъ людей на свѣтѣ счастливыми называемъ, и совершенно благополучными ихъ быть думаемъ: но можетъ ли сіе довольнымъ почесться?

ся? Мы какъ посторонніе люди по внѣшнему только виду и обстоятельствамъ такъ объ нихъ заключаемъ; но какъ мы всего скорѣй въ такомъ случаѣ обмануться можемъ: то сего конечно недостаточно. А надобно чтобъ они сами въ томъ могли признаться, и о себѣ то беспристрастно засвидѣтельствовать: но сего-то мы почти и не находимъ. Человѣкъ какими бы преимуществами счастія одаренъ ни былъ и сколь бы много не имѣлъ причины себя благополучнымъ почитать, но никогда сего не сдѣлаетъ. Всегда ему чего нибудь не достаетъ, и онъ благополучіе свое несовершеннымъ почитая, завсегда онаго еще ищетъ. Спроси кого хочешь или короче войди въ самаго себя и чистосердечно разсмотри, доволенъ ли ты совершенно своимъ состояніемъ, такъ всегда тому противное увидишь. Поди въ огромныя палаты, которыя ты благополучія обиталищемъ почитаешь, и спроси тамъ у самыхъ тѣхъ, кои любимцами счастія быть кажутся: ты такой

кой же отвѣтъ, какъ въ самой мизирнѣйшей хижинѣ отъ бѣднѣйшаго человѣка получишь: А именно: что состояніе ихъ весьма еще нетаково, какимъ ты его почитаешь: и что къ благополучію ихъ еще очень многаго не достаетъ. Однимъ словомъ: кого бы ты ни спросилъ, всѣ то же тебѣ, буде не захотятъ сами себя обманывать, скажутъ. Не должноли жъ по сему противное первому положенію и то заключать, что благополучія на свѣтѣ нѣтъ, когда толь многіе миліоны людей оное тщетно сыскать стараются?

Но отъ чегожъ бы такое удивительное несогласіе, или лучше сказать противорѣчіе дѣлалось? И которой же стороны при толь сомнительныхъ обстоятельствахъ наилучше держаться, когда первая неоспоримымъ доказательствомъ, а вторая ежедневными опытами подтверждается? Какія мѣры въ такомъ случаѣ принимать: когда слѣдуя одной согрѣшишь предъ Создателемъ, а слѣ-

довать другой ежедневные опыты или такъ сказать, собственные глаза наши намъ запрещаютъ? . . .

Для самаго сего, и былъ сей пунктъ всегда предметомъ многихъ трудовъ наиученнѣйшими и мудрыми людьми единственно для того предпринимаемыхъ, чтобъ какое нибудь посредство тутъ сыскать. И вотъ что изъ всѣхъ ихъ разсужденiй и заключенiй выходило на конецъ. А именно:

Во первыхъ, что совершенное благополучiе есть и ему не быть не можно. Во вторыхъ, что оно совсѣмъ не въ томъ состоитъ, въ чемъ большая часть людей его полагаетъ. Въ третьихъ, что въ самомъ совершенствѣ его въ нынѣшней жизни получить не льзя, а только до нѣкотораго знатнаго градуса или степени доводить можно, полученiе же совершеннаго предоставлено будущей жизни. А въ четвертыхъ на конецъ, что и помянутой градусъ съ тѣмъ только условiемъ прiобрѣсть можно,

жно, когда благополучіе прямымЪ и натуральнымЪ путемЪ и надлежащими способами искано и пріобрѢтаемо будетЪ.

По сему можно уже намЪ теперь на томЪ вопросЪ отвѢтствовать, для чего люди благополучія не находятЪ. ИзЪ вышеписаннаго слѢдуетЪ уже само собою и каждому усмотрѢть можно, что они во первыхЪ вЪ мнѢніи своемЪ о благополучіи обманываясь не вЪ томЪ его полагаютЪ, вЪ чемЪ оно дѢйствительно состоитЪ, а во вторыхЪ не зная его не тою и дорогою кЪ нему идутЪ и не тѢми средствами ищутЪ, какими надлежало.

КакЪ же по сему намЪ и дивиться тому, что они благополучія своего не находятЪ, когда большая часть людей не только его собственно не знаютЪ но и узнать никогда не стараясь, только принятому однажды мнѢнію и склонностямЪ своимЪ слѢдуютЪ? Не самое ли то же представляютЪ они, какЪ слѢдующей примѢрЪ одного развратнаго человѢка столицу Государя своего сЪ великимЪ раченіемЪ ищущаго?

Одинъ человѣкъ вздумалъ бы на примѣръ итти къ Государю своему и просить себѣ отъ него награжденія, котораго онъ себя достойнымъ признавалъ. Положимъ, что родился и выросъ онъ въ деревнѣ, и никогда того не слыхивалъ гдѣ Государь живетъ и какъ тотъ городъ прозывается, а при томъ до глупости самолюбивъ и такъ упрямъ былъ, что не хотѣлъ ни у кого о томъ спросить, но обо всемъ довольное знаніе самъ имѣть надѣялся. Онъ отправившись въ путь пошелъ по первой дорогѣ, которая ему попалась и вышелъ на другую, которая была болѣе первой. Тутъ увидѣлъ онъ многихъ другихъ людей по той же дорогѣ идущихъ ибо она лежала къ одному городу и была большая. Онъ наслышавшись съ младенчества, что Государь живетъ въ городѣ, тотчасъ пошелъ по ней и съ нетерпѣливостію ожидалъ когда къ нему прибудетъ. Вскорѣ послѣ того увидѣлъ онъ его, и обрадовашись всею силою своею поспѣшать въ него началъ. На конецъ достигъ онъ до сего города. Но какъ оной весьма еще не тотъ былъ, гдѣ Госу-

Государь живетъ: то онъ втунѣ его тутъ найтить старался. Однако слѣдуя своему упрямству не хотѣлъ никого спросить, гдѣ бы Государя ему сыскать возможно было; а услышавъ только, что въ нѣсколькомъ оттуда разстояніи другой и гораздо болѣе сего городъ есть, заключалъ, что Государя для того только въ семъ городѣ нѣтъ, что онъ невеликъ, и думая, что онъ конечно въ томъ большомъ городѣ живетъ, туда далѣе путь свой продолжать началъ. Хотя по упрямству своему онъ и ни у кого о дорогѣ туда не спрашивалъ, а пошелъ по той, которая туда лежать ему казалась, но такъ случилось, что онъ не ошибся и чрезъ нѣсколько времени благополучно туда прибылъ. Однако онъ и тутъ Государя не сыскалъ. Ибо и сей городъ еще далѣко отъ его резиденціи отстоялъ. Со всѣмъ тѣмъ хотя сей человѣкъ и увидѣлъ свою ошибку однако безпрестанно въ своемъ упрямствѣ пребывая оную исправить не хотѣлъ. Онъ услышавъ, что въ дальномъ оттуда отстояніи есть городъ гораздо еще

сего больше, туда итти положилъ; но выбирая опять самъ дорогу, по несчастію со всѣмъ не по той пошелъ, которая туда лежала. Сія дорога заводя его сперва въ разные небольшіе городки и мѣстечки, села и деревни, которые онъ всѣ безъ всякаго примѣчанія проходилъ, на конецъ въ лѣса и не проходимыя пустыни его завела. Тутъ принужденъ онъ былъ и голодъ и всякую нужду претерпѣвать, а временемъ отъ часу болѣе заблуждаясь въ такія мѣста заходилъ, гдѣ отъ звѣрей и разбойниковъ великой опасности подверженъ былъ. На конецъ вышелъ онъ опять на дорогу и пришелъ въ городъ. Но упрямство его и тѣмъ еще не преоборолось; но онъ опять о настоящей дорогѣ не распровѣдавъ на удачу путь свой продолжать началъ, но чѣмъ далѣе онъ шелъ, тѣмъ болѣе всякимъ бѣдствіямъ и опасностямъ подвергался и искомаго мѣста ни какъ найтить не могъ. Часто принужденъ онъ былъ на дорогѣ ночевать, часто заходя въ степи по нѣскольку дней пищи и питія лишаться, часто тонуть и нѣсколько разъ въ

руки разбойниковъ попадаться, которые его съ ногъ до головы ободрали. Многажды предпринималъ уже онъ и назадъ возвращаться, но чрезъ то еще больше заблуждался. А симъ образомъ изъ города въ городъ переходя всю свою жизнь въ безпрестанномъ безпокойствѣ и во многихъ трудахъ и опасностяхъ препроводя, до тѣхъ поръ онъ сіе дурачество свое продолжалъ, покуда силы его ему служить не перестали. Тогда не оставалось ему другаго, какъ остаться на одномъ мѣстѣ и питаясь людскимъ подаяніемъ о суетномъ своемъ предпріятіи и тщетныхъ трудахъ, но уже поздно раскаяваться.

Не глупое ли сего человѣка было предпріятіе? И не смѣшноль бы на него смотрѣть, когда бы онъ на примѣръ симъ образомъ скитаясь изъ Кіева въ Казань, изъ Казани въ Тобольскъ, изъ Тобольска въ Архангельской городъ, оттуда въ Астрахань и такъ далѣе сумазбродствуя ходилъ? Но сколь недостаточнымъ дѣломъ сіе ни кажется, и

коль то ни справедливо, что едва ли сему подобной глупецъ на свѣтѣ сыщется. Однако ежели сей примѣръ къ поступкамъ большой части людей сравнить: то почти самое то же хотя въ другомъ образѣ мы найдемъ.

Ибо не истинное ли подобіе тому, когда человѣкъ не зная въ чемъ благополучіе состоитъ и какими средствами пріобрѣтается, также не спрося никого о томъ и не распровѣдавъ на передъ о истинныхъ способахъ, оное, искать предпринимаетъ? не также ли и прнужденъ онъ будетъ заблуждаться и всуе труды свои употреблять: и не всему ли томужъ неминуемо на конецъ онъ себя подвергнуть будетъ долженъ. Ежедневные опыты доказываютъ намъ сію истинну, и одинъ только примѣръ взятой изъ человѣческой жизни можетъ насъ въ справедливости того удостовѣрить.

Возмемъ только въ примѣръ благополучіе свое въ богатствѣ полагающаго и ищущаго человѣка, и посмотримъ не то же ли самое станетъ онъ дѣ-

лать

лать какЪ тотЪ человѣкЪ, о которомЪ я выше говорилЪ, и разумнѣе ли его онЪ поступитЪ. НамЪ только одни званія да не многія обстоятельства перемѣнить надобно. Вмѣсто государя положимЪ искомое благополучіе, а городЪ пускай будетЪ богатство, вЪ которомЪ онЪ его найти чаетЪ. КакЪ тотЪ сумазбродной человѣкЪ для того только обстоятельно провѣдать не старался, гдѣ и вЪ какомЪ мѣстѣ Государь его живетЪ, что твердо вЪ мнѣніи своемЪ удостовѣренЪ былЪ, что онЪ вЪ большомЪ городѣ живетЪ и онЪ его безЪ проводника сыскать можетЪ, такЪ и сей для того освѣдомиться о томЪ напередЪ не хочетЪ, вЪ чемЪ истинное благополучіе состоитЪ, что безсомнѣнно оное вЪ богатствѣ полагаетЪ, и вЪ семЪ мнѣніи пребывая по примѣру того первую дорогу беретЪ, которая только слѣдЪ кЪ богатству показуетЪ. Путешествіе сЪ сопряженными при томЪ трудами и безпокойствами того, сравнимЪ на примѣрЪ сЪ тѣми трудами и безпокойствами, которые сей человѣкЪ при снисканіи себѣ богатства необхо-

димо

димо имѣть долженъ. Всякому извѣстно, что оно намъ даромъ не достается, и коль многихъ трудовъ и безпокойствъ оно намъ стоитъ. Но станемъ далѣе продолжать. Какъ тотъ пришедъ на конецъ въ городъ, Царя въ немъ не нашелъ и путь свой далѣе въ другой и большей городъ продолжать началъ, такъ и сей то же самое сдѣлаетъ. Вмѣсто перваго того и небольшаго города, пускай не весьма великое богатство будетъ. Не также ли и онъ какъ тотъ обрадуется его увидѣвъ, и не почтетъ ли себя уже при концѣ пути своего, когда къ оному приближится и вступитъ? Но долго ли сіе мнимое его благополучіе продлится, и что выльется на конецъ? Не также ли и онъ какъ тотъ чрезъ короткое время себя обманувшимся почтетъ, и по томъ о продолженіи пути своего помышлять станетъ? Каждому извѣстно, что мы малымъ богатствомъ не довольны, и какъ скоро его въ нѣкоторомъ градусѣ получимъ, такъ еще множайшаго возжелаемъ. Не точное ли подобіе тому, что какъ тотъ Царя

въ

въ томъ городѣ не нашедъ, такъ сей благополучія въ маломъ богатствѣ не нашедъ, онаго гораздо въ величайшемъ искать похочетъ. Вотъ оба они и до большаго города доходятъ, и оба опять обманувшись желаемаго не находятъ. Вящшее богатство насъ только къ величайшему побуждаетъ, а удовольствовать конечно не въ состояніи. Что иное остается тогда какъ слѣдовать стремленію сему? Однако обстоятельства могутъ перемѣниться, и дорога столь же бѣдственна быть можетъ, какъ тому была злополучна. Вмѣсто того, что тотъ не тою дорогою пошелъ; положимъ что сей также заблудился и не примѣтно такія средства къ полученію богатства употреблять началъ, которыя не правы и законамъ противны. Не заведетъ ли сей путь и сего въ дебри и пустыни преужасныя? Не будетъ ли и онъ также многимъ опасностямъ подверженъ? Не также ли и онъ многія ночи не спать, по нѣскольку дней ни пить, ни ѣсть, и во многія бѣды и напасти впадать и отъ нихъ съ великою иногда нуждою изба-

избавляться станетъ? И не можно ли также сказать, что какъ тотъ весьма глупо сдѣлалъ, что примѣтивъ заблужденіе свое не воротился; такъ и сей неразумнѣе былъ, когда зная, что неправыя средства всегда зло за собою приносятъ, а не смотря на то на нихъ отважился, и уже очевидно бѣдствія видя, на путь правой возвратиться не помышлялъ? Да хотя бы сіи заблужденія и не съ неправыми средствами сравнить: то случающіеся намъ нечаянные убытки, незапныя помѣшательства намѣреніямъ и разрушеніе замысловъ нашихъ, и раждающіяся отъ того печали, досады и прочихъ родовъ душевныя прискорбія; не тѣ же ли самыя пустыни, лѣса и пропасти непроходимыя? Не видимъ ли мы многихъ людей отъ такихъ ударовъ во гробъ, или отъ великой печали въ совершенное отчаяніе себя ввергающихъ? А сколько здоровья чрезъ то теряется, я уже и не упоминаю. Не то же ли самое сіе какъ утопать, въ руки разбойниковъ впадать, и всего послѣдняго спокойствія своего лишаться? И не также ли и при семъ случаѣ

мно-

многіе сна, пищи и питья по нѣсколь-ку дней лишаются? Не воздыхаютъ ли иногда о прежнемъ состояніи своемъ, и не желаютъ ли, но уже поздно, чтобъ они никогда толь опаснаго пути не предпринимали?

Коль согласно было путешествіе сихъ двухъ человѣкъ съ начала и по сіе время: такъ и продолженіе и конецъ не можетъ быть различенъ. Какъ тотъ всю свою жизнь при безпрестанныхъ трудахъ, безпокойствахъ и опасностяхъ, скитаясь симъ образомъ понапрасну, препроводитъ, и на конецъ либо всѣ силы свои истощивъ, въ какомъ нибудь отдаленномъ углѣ жить и нужнѣйшимъ образомъ потерявъ все питаться станетъ; либо въ сихъ путешествіяхъ и жизнь свою окончитъ, будучи либо звѣрьми разтерзанъ, либо разбойниками убитъ, либо водою потопленъ: такъ и сей, либо всю жизнь свою съ безпрестанными заботами, печалями и безпокойствами препровождая втунѣ благополучія своего искать станетъ: или также будучи какимъ ни-

будъ несчастнымъ ударомъ пораженъ, жизни своей лишится. А хотя бы и всего того не случилось, и онъ бы величайшее богатство на свѣтѣ получилъ, то и съ тѣмъ желаемаго бы благополучія не нашелъ: ибо сопряженныя съ великими богатствами тысячныя безпокойства, всегдашнія заботы, хлопоты и печали конечно не таковы, чтобъ человѣка благополучнымъ быть допустили.

И такъ не можетъ ли насъ одинъ сей примѣръ въ справедливости положенія моего удостовѣрить? Но каковъ согласенъ сей примѣръ съ путешествіемъ того сумазброднаго человѣка, таковы согласны и всѣ прочіе. При исканіи благополучія въ чести, славѣ, большихъ чинахъ и въ роскошахъ то же самое произойдетъ, какъ отъ исканія его въ богатствѣ.

Но какъ большая часть людей единственно въ сихъ вещахъ благополучіе полагаютъ и ищутъ: то можетъ ли что иное послѣдовать какъ то, что

они

они никогда его не находятъ. Они до тѣхъ поръ его не сыщутъ, покуда прямою дорогою не пойдутъ, и въ томъ его искать не станутъ, въ чемъ натура ему быть опредѣлила. Сколькобъ кто не презиралъ сіи, толь многократно уже повторяемыя слова: но всегда на томъ останется, что натура не перемѣнится и порядокъ ее для упрямства ихъ не передѣлается.

Такимъ образомъ изъ всего вышеписаннаго слѣдуетъ само собою то, что человѣку прежде всего прямое о благополучіи понятіе получить надобно, а потомъ уже приступать къ своему путешествію, и оное пріобрѣтать начинать. Разсмотримъ же теперь, въ чемъ бы такомъ сіе благополучіе состояло.

РАЗСУЖДЕНІЕ II.

О томъ, въ чемъ бы собственно состояло благополучіе человѣческое?

Всякое положеніе бываетъ тѣмъ основательнѣе, чѣмъ больше утвердится доказательствами и очевидными доводами. Сіи доказательства а особливо, когда они ясны и удобопонятны могутъ насъ скорѣе и лучше увѣрить, нежели тысяча увѣреній въ пустыхъ словахъ состоящихъ. Человѣкъ уже отъ природы таковъ, что однимъ увѣреніемъ никогда не доволенъ, и прежде не увѣрится совершенно ни въ чемъ, покуда самъ того не узнаетъ, по чему бы именно то такъ, а не инакъ было. Чего ради и мнѣ по сему поступить теперь слѣдуетъ. Я бы могъ безъ дальныхъ изслѣдованій сказать, въ чемъ наше благополучіе состоитъ, но для помянутой причины того дѣлать не

не хочу. Многіе словамЪ моимЪ не повѣрятЪ какЪ бы я ихЪ вЪ томЪ ни увѣрялЪ, а особливо когда они не согласны сЪ ихЪ мнѣніемЪ будутЪ. Я пойду лучше другою дорогою, и вникая нѣсколько глубже вЪ обстоятельства принадлежащія до благополучія, заставлю ихЪ самихЪ то усматривать, и ту истинну изЪ нихЪ извлекать, которую я утвердить стараюсь. Сами они пускай будутЪ толь великой вещи рѣшителями!

РазсмотримЪ же теперь какія именно тѣ вещи суть, вЪ которыхЪ мы обыкновенно благополучіе полагаемЪ, и разберемЪ всѣ случающіяся при томЪ обстоятельства подробно. Но прежде нежели мы далѣе пойдемЪ, надобно напередЪ намЪ о значеніи слова благополучія согласиться, дабы послѣ отЪ разнаго разумѣнія никакого несогласія не произошло. Я разумѣю подЪ симЪ словомЪ самое то, что просто хотя не правильно СчастливымЪ состояніемЪ, а отЪ ученыхЪ верьховнѣйшимЪ или высочайшимЪ БлагомЪ, или просто Блажен-

женствомъ называется. Или яснѣе сказать самую лучшую вещь, которой человѣкъ въ своей жизни желаетъ, и которая для него по мнѣнію его дѣйствительно лучше. Мнѣ кажется, что никто въ томъ спорить не станетъ, что сія вещь не иное что, какъ благополучіе наше; ибо возжелаллибъ человѣкъ чего инаго, когда бы только онъ совершенно благополучнымъ былъ, и благополучіе не цѣль ли всѣхъ нашихъ желаній есть?

Слѣдуя сему значенію станемъ же теперь разсматривать, какую вещь мы всего лучше на свѣтѣ почитаемъ? Я не буду къ мнѣнію однихъ ученыхъ людей привязываться, но стану вообще и обо всѣхъ людяхъ говорить. Но какое удивительное несогласіе увидимъ мы при семъ случаѣ? Благополучія хотя всѣ до одного желаютъ, но въ мнѣніи своемъ объ немъ весьма много другъ отъ друга отходятъ и не согласны. Ежели мнѣ различныя мнѣнія однихъ древнихъ ученыхъ и славныхъ мужей описывать, то конца бы не на-

нашелЪ. Блаженный АвгустинЪ учитель западной церкви упоминаетЪ, что вЪ тогдашнія времена больше трехЪ сотЪ такихЪ различныхЪ мнѣній о верьховнѣйшемЪ благѣ было. КратЪ искалЪ высочайшаго блага вЪ счастливомЪ мореплаваніи; СимонидЪ вЪ дружествѣ; АрхипЪ вЪ выигрышѣ баталіи; ЕпикурЪ вЪ роскошахЪ; АнтисѳенЪ вЪ славѣ послѣ смерти; ѲемистоклЪ вЪ знатности рода, и вЪ прочемЪ тому подобномЪ. Но всѣ сіи ихЪ мнѣнія болѣе вЪ удивленіе насЪ привесть, нежели кЪ сему моему намѣренію служить намЪ могутЪ. Обратимся лучше кЪ самимЪ себѣ и ко всему человѣческому обществу.

ТутЪ мы хотя не столь великое, однако довольное уже несогласіе найдемЪ. ОдинЪ почитаетЪ благополучіемЪ своимЪ то, а другой совсѣмЪ иное. АдріанЪ на примѣрЪ ничего бы болѣе не хотѣлЪ какЪ богатымЪ быть. ВЪ великомЪ стяжаніи полагаетЪ онЪ все благополучіе свое и того только желаетЪ. Ему кажется, что когда бы

только онъ богатъ былъ, то бы ничего другаго не потребовалъ, и состоянiемъ своимъ доволенъ былъ. Бетулiй всего лучше великолѣпной домъ, множество служителей и великiя деревни почитаетъ. Вафронъ того бы только хотѣлъ, чтобъ въ богатомъ платьѣ ходить и въ великолѣпномъ екипажѣ ѣздить. Гулозъ напротивъ того разумнѣе ихъ и желаетъ, чтобъ онъ только въ бѣдности не находился и никакой нужды не претерпѣвалъ. Дамонъ счастливымъ бы себя почелъ, когда бы имѣлъ дѣтей и наслѣдниковъ по себѣ. Ерастъ, когда бы никогда и никакой печали не имѣлъ. Ипполитъ, когда бы за всегда здоровъ былъ.

Напротивъ того Клеонъ имѣетъ героической духъ и желаетъ только въ славѣ находиться. Прiобрѣтенiе славнаго имени, наилучшимъ ему благополучiемъ кажется, и онъ всего паче того и желаетъ. Леодинъ, устремляетъ все желанiе свое къ тому, чтобъ только въ знатномъ достоинствѣ находиться и многими другими повелѣвать.

Мак-

Максимъ о томъ только помышляетъ, чтобъ всѣ почитали его. Неолидъ, чтобъ быть въ состоянїи непрїятелямъ своимъ отмстить: и прочее тому подобное.

На конецъ, Оронтъ покойную и роскошную жизнь только любитъ, и потому единственно то за благополучїе себѣ почитаетъ, чтобъ всегда хорошее кушанье и питье имѣть. Полїевктъ желаетъ только множество друзей и съ ними веселую по своему нраву компанїю имѣть. Симилий доволенъ бы былъ, когда бы ни до чего дѣла имѣть онъ не могъ, но всю жизнь свою въ лѣности и праздности препроводить могъ. А Трифонъ наконецъ благополучїя своего въ любострастїи и въ веселомъ обхожденїи съ женскимъ поломъ ищетъ.

Вотъ какая различность въ мнѣнїяхъ и желанїяхъ человѣческихъ, и каждой со мною согласится, что не только сїе, но еще вящшее различїе между человѣческими желанїями найдется.

ся. Но отъ чего бы все сіе происходило? Ученые приводятъ въ доказательство тому разные Темпераменты или свойства натуры человѣческой, и по различности оныхъ имъ болѣе склонности къ однимъ нежели къ другимъ вещамъ приписываютъ. Имѣетъ ли сіе мнѣніе основаніе свое или нѣтъ, я того разбирать не хочу, да и къ намѣренію моему не принадлежитъ. Мы обратимся опять къ благополучію человѣческому.

При толь различныхъ мнѣніяхъ о вещахъ благополучіе составляющихъ, необходимо намъ опять затрудненіе явится, а именно избраніе изъ нихъ, которое бы наиважнѣйшее было? Хотя всѣ ихъ нѣкоторымъ образомъ и можно въ три пункта соединить, а именно въ желаніе богатства, вовторыхъ чести, а наконецъ роскошной и сластолюбивой жизни; но которое изъ сихъ трехъ благополучіе наше составитъ: то едва ли опредѣлить возможно. Но чтобъ рѣчь сію не распространить, положимъ на примѣръ: чтобъ во

всѣхъ

всѣхъ сихъ вещахъ совокупно человѣческое благополучіе полагалось, и человѣкъ тогда бы благополученъ былъ, естьлибъ и великую честь и богатство, и всѣ удобности къ препровожденію роскошной и веселой жизни имѣлъ.

Но хотя мы разныя желанія людей симъ образомъ и согласили, однако сего еще не довольно. Намъ должно еще разсмотрѣть, твердо ли сіе положеніе, и можетъ ли оно съ прочими нашими обстоятельствами согласоваться? И для того спрошу: таково ли сіе благополучіе, чтобъ всякому человѣку его получить возможно было? Можетъ ли всякой человѣкъ или по крайней мѣрѣ большая часть людей до того достигнуть, чтобъ они въ такомъ высокомъ градусѣ и честь и богатство и всѣ средства къ роскошной жизни имѣли, чтобъ никакого пріумноженія сему своему мнимому благополучію не желали?

Вѣрно могу надѣяться, что всѣ противное тому въ отвѣтъ мнѣ скажутъ.

жутъ. А когда это быть не можетъ? Когда всѣмъ человѣкамъ до всего вышеупомянутаго достигнуть не возможно; когда не льзя имъ всѣмъ и знатнымъ и богатымъ быть и роскошми въ высочайшемъ градусѣ наслаждаться; когда сіе, говорю, нестаточное дѣло: то самое сіе неосновательность сего пожеланія намъ доказываетъ. Человѣки всѣ имѣютъ единоравное къ благополучію своему стремленіе. Они всѣ его желаютъ. Имъ всѣмъ и получить его должно! Не слѣдуетъ ли изъ сего само собою, что и вещамъ, въ которыхъ благополучію состоять такимъ же быть надлежитъ, которыя бы всякому человѣку пріобрѣсть возможно было?

Такимъ образомъ хотя и втунѣ но принужденъ противное многимъ сказать; что благополучіе конечно, въ богатствѣ, чести, и роскашахъ не состоитъ, и состоять не можетъ. Что дѣлать, когда мы натуры перемѣнить не можемъ, и она останется всегда такою, какою однажды устроена! Совсѣмъ

всѣмъ тѣмъ знаю, что многіе симъ доказательствомъ будутъ не довольны и мысли свои конечно не перемѣнятъ. Богатство и честь съ роскошми, всегда высочайшими благими пребудутъ, и не смотря на всѣ представленія и доказательства единымъ средствомъ къ благополучію почитаться будутъ. Что дѣлать, когда мы столь упрямы, что насильно хотимъ черное признавать бѣлымъ, хотя бы насъ собственные наши глаза о противномъ увѣряли?

Однако чтобъ не совсѣмъ опечалить богатство и честь обожающихъ: то надобно признаться, что хотя сіи вещи благополучія нашего и не составляютъ однако совсѣмъ ненужными почесться не могутъ. Всякая вещь можетъ въ пользу намъ служить, когда только правильнымъ образомъ употребится. Но мое намѣреніе не въ томъ состоитъ, чтобъ о томъ теперь говорить. Мнѣ надобно продолжать прежнюю матерію мою.

Когда

Когда симъ образомъ благополучіе не въ богатствѣ, не въ чести и не въ роскошахъ состоитъ: то покрайней мѣрѣ въ чемъ нибудь иномъ ему состоять надобно. Разсмотримъ же для того нѣсколько ближе желанія наши и обстоятельства, которыя до нихъ касаются. Можетъ быть найдемъ мы нить, по которой до клубка добраться можемъ, или слѣдъ путь къ благополучію показующей.

Намъ надобно вопервыхъ разсмотрѣть, для чего бы именно мы всѣхъ вышеупомянутыхъ вещей желали? Или что бы такое то собственно было, чего мы при полученіи того себѣ ожидаемъ? Я разбирая обстоятельства сихъ желаній нахожу, что каковы они съ наружнаго виду сами собою и ни различны, но конецъ или предметъ всѣхъ ихъ едва ли не одинъ; а именно Веселіе. Многимъ покажется сіе не вразумительно; и для того не обходимо мнѣ сіе объяснить надобно. И такъ возмемъ въ примѣръ человѣка желающаго богатства, и вникнемъ нѣсколько ближе въ обстоятельства желаній его.

Адрі-

Адріанъ, желаетъ богатства и почитаетъ въ немъ благополучіе свое. Но не для того ли онъ его желаетъ, что получивъ оное надѣется въ состояніи быть множество желаній своихъ удовольствовать, которыя въ немъ есть, и кои удовольствовать онъ не въ состояніи будучи, нѣкоторой родъ внутренняго неудовольствія и досады отъ того терпитъ: а отъ сего исполненія желаній своихъ не веселія ли одного онъ желаетъ, которое тогда получить отъ того можетъ? На примѣръ: онъ будучи не богатъ, принужденъ многіе недостатки претерпѣвать. И домъ у него не таковъ, какого бы на примѣръ онъ себѣ желалъ; и платье хуже людскаго; и слугъ, лошадей и другаго ничего нѣтъ. Онъ видитъ ежедневно какъ другіе знакомцы его живутъ: какъ достаточнѣе его, какъ все надобное имѣютъ и ни въ чемъ нужды не претерпѣваютъ. Онъ радъ бы имъ всѣмъ сердцемъ своимъ послѣдовать: но достатокъ не дозволяетъ ему сего. Доходы малы; денегъ нѣтъ; съ нуждою ихъ на необходимое

до-

достаетъ. Все сіе досаждаетъ ему и его безпокоитъ. Онъ завидуетъ богатымъ, называетъ ихъ благополучными, а себя несчастнымъ, желаетъ быть такимъ же какъ они и все то имѣть, что они имѣютъ: а все сіе ни чрезъ что иное получить чаетъ, какъ чрезъ одно только богатство. Но для чего онъ всего того съ такою нетерпѣливостію желаетъ? Не для тоголь, что чрезъ то веселѣе жить надѣется? И не одно ли веселіе ожидаемое отъ исполненія множества удовлетворенія требующихъ желаній, есть концемъ всѣхъ помышленій его? . . . . Чувствуемое при одномъ воображеніи сего желаннаго богатства увеселеніе его свидѣтельствуетъ намъ о справедливости сего заключенія. . . . . Посмотрите только какою предварительною радостію наполняется его сердце, когда онъ воображая только богатство самъ съ собою на примѣръ говоритъ. Ну! когда бы я таковъ богатъ былъ? Ну! когда бы у меня столько-то и столько тысячь было? А! . . . Что бы тогда такое было! я бы былъ благополу-

лучнѣйшей человѣкъ въ свѣтѣ, и могъ бы тѣмъ веселиться, чѣмъ бы только вздумалъ. Не играетъ ли и не прыгаетъ ли уже напередъ его сердце отъ радости! А радость сія не свидѣтельствуетъ ли о истиннѣ моего предложенія?

Не для тоголь Дамонъ дѣтей и наслѣдниковъ себѣ имѣть желаетъ, что ими веселиться надѣется? Радость при одномъ воображеніи сіяетъ изъ глазъ его, и онъ ничего не получивъ веселится уже помышляя, каковы бы дѣти его были хороши, какъ бы могъ ими повелѣвать, и какое бы увеселеніе при старости они ему дѣлали. Какое же веселіе въ самомъ дѣлѣ имѣть онъ уповаетъ, когда одно напоминаніе такъ много его веселитъ? И не сіе ли одно веселіе предметомъ всего безмѣрнаго его желанія есть?

Симъ образомъ разбирая, и при всѣхъ прочихъ случаяхъ то же самое мы найдемъ. Славыль чести, высокаго ли достоинства, роскошной ли жиз-

ни, хорошаго ли дому, или прочаголь тому подобнаго, ктобъ желалъ: но когда всѣ сіи желанія раздробить, то въ самомъ своемъ основаніи будутъ они всѣ одинаковы. Изо всѣхъ выльется на конецъ веселье, и веселья одного все чрезъ полученіе оныхъ вещей ищутъ.

Сіе открытіе будетъ дѣйствительно намъ служить на путь къ благополучію выходящимъ. Ибо когда мы теперь знаемъ, что одно веселіе и радость есть та вещь, которой всѣ люди генерально желаютъ и ищутъ: то не трудно уже намъ слѣдуя симъ путемъ и до прямаго благополучія добраться и о существѣ онаго правильное заключеніе сдѣлать. Не доказываютъ ли вышеобъявленныя обстоятельства, что намъ его не въ вещественныхъ вещахъ, но собственно въ душевномъ состояніи искать надобно? Не слѣдуетъ ли изъ нихъ, что не богатство собственно собою и не честь съ прочими вещами насъ благополучными сдѣлать могутъ: но тѣ многія увеселенія, которыя мы при томъ имѣть бу-

будемъ? Ибо возмемъ только въ примѣръ слѣдующее: одному человѣку, давалибъ великія сокровища, но только съ тѣмъ, чтобъ онъ до нихъ не касался, а довольствовалсябъ только тѣмъ, что они его. Станетъ ли сей человѣкъ за благополучіе свое сіи великія сокровища почитать? Мнѣ кажется, что онъ конечно отъ нихъ откажется; ибо довольно знаетъ, что они ему ни малаго увеселенія не принесутъ, когда употребленіе оныхъ не въ его власти состоять будетъ. Не очевидное ли сіе доказательство, что онъ благополучіе не собственно въ богатствахъ, но въ сопряженныхъ съ онымъ увеселеніяхъ ищетъ. И не тожели выдетъ на конецъ, что не вещественныя вещи сами собою, какъ то сокровища, домы, дѣти, честь, пища и питье и прочія тому подобныя вещи, а только одно душевное состояніе, какъ то: Веселіе благополучіе человѣческое составляетъ.

Но сего еще не довольно. Намъ надобно далѣе симъ путемъ итти и прочія обстоятельства разсматри-

вать. Мы нашли, что благополучіе наше одно веселіе составляетъ, и что богатства, чести и роскошей для того желаемъ, что они множество увеселеній принесть могутъ. Но какъ въ свѣтѣ много есть и богатыхъ и славныхъ и во всѣхъ роскошахъ жизнь свою препровождающихъ, которые чрезъ то многія увеселенія имѣть могутъ: то явится опять вопросъ, для чегожъ бы они себя благополучными быть не почитали? Для чегожъ бы жаловались еще, что они не довольны и что не смотря на то, къ благополучію многаго имъ еще не достаетъ. Я другаго не нахожу, кромѣ того, что конечно веселіе ихъ не смотря на всѣ сіи полученныя вещи не совершенно; что конечно при всемъ томъ многія помѣшательства веселіямъ своимъ они имѣютъ, и чрезъ то скуки, досады, прискорбія и неудовольствія чувствуютъ. А сіе въ самомъ дѣлѣ и справедливо, и насъ самое сіе и обманываетъ, когда мы ихъ благополучными почитаемъ. Намъ кажется, что когда они богаты, велики и славны и всѣ преимущества свѣта

сего имѣютъ: то уже могутъ дѣлать все, что хотятъ, и никакого недостатка въ увеселеніяхъ своихъ имѣть не могутъ: но въ томъ-то мы ужасно и обманываемся. Они при всѣхъ своихъ выгодахъ и не смотря на всѣ мнимыя увеселенія, тысячи всегда имѣютъ неудовольствій. То одно, то другое всегда ихъ духъ тревожитъ, и безпокойство наводя въ порядкѣ увеселеній ежечасное помѣшательство дѣлаетъ; а чрезъ то уменьшается цѣна увеселеній ихъ и всѣ сладости оныхъ какъ желчью огорчаются. Не самая ли сія причина есть, для которой они благополучія своего чувствовать не могутъ?

Чтожъ слѣдуетъ изъ сего иное, какъ не сіе, что благополучію человѣческому въ такомъ веселіи состоять надлежитъ, которое бы всегда безпрерывно, твердо и такое было, чтобъ никакія помѣшательства ему не мѣшали. Оно дѣйствительно въ томъ и состоитъ и въ томъ всегда полагаемо быть должно. Ибо принять только

вЪ разсужденіе. Не почтетЪ ли всякой за истинное и совершенное себѣ благополучіе, когда бы онЪ всегда веселЪ, всегда вЪ радости и никакой скуки, печали и неудовольствія не имѣлЪ и имѣть бы не опасался? Можетъ ли что нибудь прелѣстнѣе и драгоцѣннѣе такого состоянія быть, и недостойноли оно именемЪ истиннаго и совершеннаго благополучія называться.

Но гдѣжЪ намЪ [скажутЪ на сіе многіе] такого совершеннаго благополучія искать? ВЪ какихЪ вещахЪ можно такое безпрерывное и цѣлое веселіе найтить, которое бы никакого помѣшательства никогда не имѣло? Поистиннѣ [скажутЪ они далѣе] сіе невозможное дѣло, и сами теперь мы скажемЪ, что не только богатство, честь и роскошЪ, но ничто на свѣтѣ намЪ сего пріобрѣсть не можетЪ. Мы рождены уже такЪ, что вся наша жизнь безпрерывною цѣпью печалей и досадЪ назваться можетЪ. Не успѣемЪ мы родиться, какЪ знакЪ чувствуемаго неудовольствія уже слезами и крикомЪ

жомЪ своимЪ изЪявляемЪ. А вЪ продолженіи жизни нашей не каждой ли день мы множество вЪ скуку, неудовольствіе и печаль насЪ приводящихЪ вещей и случаевЪ надЪ собою видимЪ. Можно ли когда нибудь отЪ того освободиться, и не доказываетЪ ли сіе, что такого совершеннаго благополучія никому на свѣтѣ получить не возможно?

Все сіе весьма справедливо, и противЪ правды спорить никому не можно. Однако можно мнѣ на то сказать, что я еще и не говорилЪ того, чтобЪ такое совершенное благополучіе вЪ нынѣшную жизнь на свѣтѣ получить кому возможно было: а утверждалЪ только, что истинному благополучію ни вЪ чемЪ, какЪ вЪ такомЪ безпрерывномЪ веселіи состоять должно. А тоже и теперь еще говорю, и мнѣніе сіе защищая на всѣ возраженія отвѣтствовать готовЪ какія бы ни вздумалЪ мнѣ кто дѣлать.

Естьли кто вздумаетЪ собственнымЪ моимЪ оружіемЪ меня преоборая

представить, что сіе съ собственными моими словами согласоваться не можетъ, и напомянуть, что я выше сего самъ утверждалъ, что когда всѣ люди имѣютъ врожденное въ себѣ желаніе къ благополучію, такъ ему такому и быть надобно, чтобъ всѣмъ его получить возможно было: то я на сіе возраженіе, которое по справедливости наивеличайшимъ почесться можетъ, слѣдующее отвѣтствую:

Все сіе положенію моему ни мало не мѣшаетъ. Ибо хотя то и правда, что никому въ сей жизни такого благополучія получить не возможно: но можетъ ли кто достовѣрно утвердить, что жизнь человѣческая не далѣе сего временнаго свѣта продолжается? Войдетъ ли кто изъ имѣющихъ здравой разсудокъ въ такое дурачество, чтобъ съ окончаніемъ сей жизни, и совершенное окончаніе всего нашего существа полагать. Поистиннѣ сіе самое неразумнѣйшее и всему здравому разуму противное и такое мнѣніе будетъ, которое только стра-

стьми

стьми изъ преисполненнаго сердца проистекать можетъ. Всѣ прочіе довольно знаютъ, что намъ другая и гораздо совершеннѣйшая и такая жизнь предстоитъ, которая конца имѣть не будетъ. Всѣ мы въ томъ безсомнѣнно и наитвердѣйшими доказательствами удостовѣрены. А хотя бы кто и всему тому не вѣря противное тому заключать похотѣлъ: то самое же то, чѣмъ онъ меня преодолѣть думаетъ, и самое то врожденное во всѣхъ стремленіе къ благополучію можетъ ему доказательствомъ служить: а именно, когда мы видимъ, что во всѣхъ людяхъ не выключая ни однаго человѣка, неутушимое желаніе жить и благополучнымъ быть врождено: а безпрестанно жить и совершенное благополучіе получить въ семъ свѣтѣ ни какъ не можно, и потому сіе желаніе тщетное быть кажется. Богу же какъ всесовершеннѣйшему существу ничего втунѣ и напраснаго сдѣлать ни какъ не возможно: а желанія сіи ни кѣмъ инымъ, какъ имъ въ насъ вложены, и потому тщетными и не-

 испол-

исполненными быть ни какъ не могутъ: то не само ли собою изъ сего слѣдуетъ, что мы конечно не для одной нынѣшней жизни произведены, но что намъ безсомнѣнно другая и такая жизнь назначена, въ которой бы мы все то получить могли, чего въ нынѣшней жизни получить не можемъ. А именно безпрестанно жить и совершеннымъ благополучїемъ наслаждаться. Вотъ короткое доказательство безсмертїю души нашей, и при томъ такое, которое опровергнуто быть не можетъ.

Такимъ образомъ можемъ мы изъ всѣхъ вышеупомянутыхъ обстоятельствъ слѣдующїя истинны извлечь и усмотрѣть. Вопервыхъ, что истинное благополучїе не отъ богатства, не отъ чести, не отъ роскошей и не отъ прочихъ вещественныхъ вещей собственно зависитъ. . . Во вторыхъ, что оно единственно въ веселїи происходящемъ отъ исполненїя нашихъ желанїй состоитъ. Въ третьихъ, что сему веселїю безпрерывному и непоколеби-

любимому быть надобно, ежели ему совершенное благополучіе составлять. Въ четвертыхъ: что такого веселія намъ въ нынѣшней жизни пріобресть ни какъ не можно. А въ пятыхъ: что такое счастливое состояніе человѣкъ только въ будущей жизни получить и онаго надѣятся можетъ.

Знаю что многіе при семъ нѣкоторое неудовольствіе почувствуя скажутъ: по сему-де намъ въ нынѣшнюю жизнь никакого благополучія ожидать и искать не можно. Но симъ въ утѣшеніе слѣдующее служить можетъ.

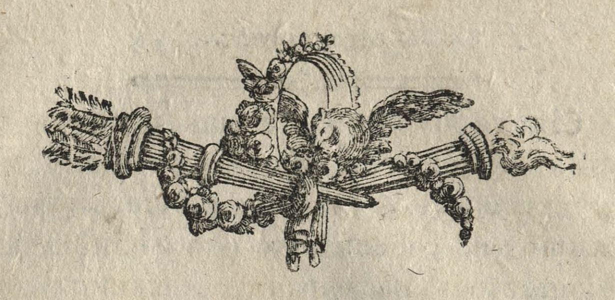
Всеблагій Создатель созидая насъ для великихъ намѣреній, и между прочими назначивая къ безконечной и блаженнѣйшей жизни, а для особливыхъ своихъ судебъ напередъ на сію кратковременную жизнь насъ опредѣляя, конечно не былъ столь жестокосердъ, чтобъ насъ на одну только бѣдность и всегдашнюю печаль и скуку и несчастную жизнь осудить. Нѣтъ! сіе не согласно былобъ съ его безконечными совершенствами, и намъ сего коне-

конечно приписать ему никакъ не можно. Правда, хотя такъ уже и сдѣлалось, что мы чрезъ преступленіе свое, всему тому не минуемо себя подвергли и маловременную сію жизнь, многогорестною и несчастною для себя сдѣлали: однако великій сей производитель на все то не смотря, по человѣколюбію своему всѣ средствы къ тому употребить не преминулъ, чтобъ все оныя прискорбія, печали и труды наши, покрайней мѣрѣ сдѣлать намъ сносными, и ихъ нѣкоторымъ образомъ усладить. Чего ради не вовся лишены мы всего благополучія, но всеблагій Зиждитель еще далѣе поступя, насъ въ такое состояніе привелъ, что мы до знатной степени благополучія достигнуть можемъ, такъ что хотя мы совершеннаго благополучія получить нынѣ и не можемъ, однако чрезъ употребленіе старанія своего и правильныхъ средствъ, себя уже до того довесть можемъ, что онымъ въ высокомъ градусѣ наслаждаться и чрезъ то предвкушеніе будущаго блаженства имѣть можемъ.

Сія да будетъ шестая и самая та истинна, которая къ теперешнему моему намѣренію наиглавнѣйше принадлежитъ и собственно до нынѣшняго благополучія касается, а именно: что хотя въ нынѣшнюю жизнь благополучія совершеннаго получить и не льзя, однако можно намъ оное въ знатномъ градусѣ имѣть. Или яснѣе сіе предложеніе изображая: хотя намъ такого веселія надѣяться не льзя, которое бы безпрерывно и непоколебимо было, однако оное до знатнаго совершенства и до того довесть можно, чтобъ оно большую часть нашего нынѣшняго времени и жизни занимало.

Вотъ краткое изслѣдованіе въ чемъ состоитъ существо благополучія нынѣшней жизни! Теперь пойдемъ далѣе и посмотримъ, великой ли успѣхъ мы въ томъ и подъ какимъ условіемъ имѣть и до сколь великаго градуса мы оное довести можемъ. Послѣдующее разсужденіе сдѣлаетъ сему пункту нѣкоторое объясненіе.

РАЗ-

РАЗСУЖДЕНІЕ III.

О разныхъ степеняхъ благополучія человѣческаго.

Когда нѣтъ уже никакой возможности, чтобъ человѣкъ въ нынѣшнюю кратковременную жизнь могъ пріобрѣсть истинное и совершенное себѣ благополучіе; и когда истинна сія довольно доказана и такъ очевидна, что не остается въ томъ никакого сомнѣнія: то не самая ли была бы глупость естьлибъ кто похотѣлъ себя тѣмъ ласкать и сталъ бы искать невозможнаго и такъ сказать усильно противъ рожна прать. Но не должно ли по справедливости въ семъ случаѣ довольствоваться тѣмъ участкомъ онаго, какой намъ снискать можно, и къ пріобрѣтенію котораго по милости человѣколюбиваго нашего Создателя не лишены мы еще споco-

способовъ. Когда нѣтъ у насъ столько достатка, чтобъ построить себѣ огромной и всѣми спокойностьми снабденной каменной домъ; то не самая ли неволя велитъ довольствоваться уже и деревяннымъ и такимъ какой построить находимся мы въ силахъ. Не лучше ли имѣть по крайней мѣрѣ какой нибудь домъ нежели не имѣть никакого, и жить безъ всякаго покрова, и быть подвержену всѣмъ суровостямъ погодъ, какъ то зною, дождю, вѣтру, стужѣ, морозу, мятелямъ и прочему тому подобному. Не ради ли мы въ такомъ случаѣ, не только дому но и бѣднѣйшей хижинѣ или самому шалашу могущему насъ хоть нѣсколько укрыть отъ помянутаго безпокойства? А равно такъ и съ благополучіемъ нашимъ. Сіе сравненіе очень прилично оному. Каменнымъ огромнымъ домомъ можно почесть совершенное благополучіе, а разнаго рода прочее строеніе, разныя возможныя степени онаго, суровости же воздуха и погодъ разныя печали и несчастія жизнь нашу огорчающія. Все сіе я для того говорилъ, чтобъ тѣмъ дока-

доказать, что какъ между оными строеніями есть великая разница и одни имѣютъ гораздо болѣе спокойностей нежели другія, и шалашъ напримѣръ хотя можетъ насъ укрыть отъ дождя, ненастья, и прочихъ суровостей погодъ, но не такъ хорошо какъ землянка, а сія не таково хорошо какъ хижина, а сія не такъ какъ порядочная хотя черная изба, а предъ сею порядочной деревянной домъ несравненное имѣетъ уже преимущество: такъ точно и того благополучія, которое мы здѣсь найтить можемъ, могутъ быть разныя степени, изъ которыхъ одна можетъ быть совершеннѣе другой, а та третей и такъ далѣе. Все зависитъ отъ того какой родъ зданія для укрывательства отъ непогодъ и съ какими предосторожностьми мы себѣ соорудить пожелаемъ и сколько трудовъ къ тому приложимъ. Похотимъ когда мы, не хотя поднять дальнихъ трудовъ, довольствоваться бѣднымъ шалашомъ, шалашъ мы и имѣть будемъ и съ нимъ тотъ градусъ спокойства какой ему свойственъ,

но въ семъ случаѣ не для чего и пенять, что много еще зла и беспокойства мы имѣть будемъ, отъ которыхъ шалашъ укрыть насъ будетъ еще не въ состояніи: умалчивая о томъ, что какъ прочность сего рода строенія очень мала и кратковременна, такъ равно и пріобрѣтенной имъ покой подверженъ будетъ скорому и частому уничтоженію и подрыву. Хижина требуетъ уже множайшихъ трудовъ для построенія: но за то можетъ и насъ уже болѣе укрыть отъ суровостей погодъ и подолѣе простоять безъ поврежденія. Для построенія порядочной избы требуется трудовъ еще болѣе: но за то можемъ мы уже въ ней отъ всѣхъ суровостей погодъ надежнѣе укрыться, и недостатокъ будетъ только тотъ, что простое состояніе сего рода строенія не можетъ снабдить насъ всѣми спокойностьми, порядочному и совершенному дому свойственными. Съ простою избою много сопряжено еще обстоятельствъ, которыя насъ беспокоить могутъ. Наконецъ порядочной деревянной домъ можетъ

уже наградить и сей недостатокъ и насъ не только отъ всѣхъ суровостей погодъ защитить, но и внутри себя пріобрѣсть намъ всѣ желаемыя спокойства: но за то не гораздо ли больше и трудовъ для построенія онаго потребно.

Сіе есть истинное подобіе разнымъ степенямъ благополучія, которое мы въ сей жизни снискивать и пріобрѣтать можемъ. Какъ при всѣхъ оныхъ строеніяхъ все зависитъ отъ мѣры прилагаемыхъ трудовъ, стараній и хорошаго во всемъ распоряженія, а даромъ и безъ трудовъ ничего не достается: такъ и при исканіи благополучія, величина и совершенство онаго будетъ согласоваться съ употребленными къ тому нашими трудами и стараніями; и какъ въ разсужденіи строенія вся прочность, красота и спокойность онаго зависитъ отъ надлежащаго выбора матеріаловъ, сдѣланія хорошаго фундамента, употребленія при строеніи всѣхъ предосторожностей и наблюденія приличныхъ къ тому пра-

правилъ: такъ и прочность и совершенство нашего благополучія зависѣть будетъ отъ выбора истинныхъ а не ложныхъ средствъ, отъ положенія напередъ хорошаго фундамента, надлежащаго распоряженія нашихъ дѣлъ и предпріятій и наблюденія пристойныхъ притомъ правилъ и осторожностей. Наконецъ, какъ всякое деревянное строеніе подвержено можетъ быть со временемъ многимъ несчастнымъ приключеніямъ могущимъ его либо повредить, либо разрушить до основанія: такъ равно и снисканная всякая степень благополучія въ нынѣшней жизни не освобождена отъ такихъ же бѣдствій, могущихъ его очень скоро повредить или разрушить до основанія, и чрезъ то ввергнуть насъ опять въ прежнее беспокойное состояніе. И какъ помянутыя поврежденія строенію отъ двоякихъ причинъ произойтить могутъ, то есть, либо отъ собственнаго нашего небреженія и неупотребленія всегда надобныхъ починокъ и осторожностей, либо отъ постороннихъ и совсѣмъ не отвратимыхъ при-

чинъ, какъ напримѣръ, отъ вихрей и пожаровъ: такъ равно и зданіе благополучія нашего отъ двоякихъ причинъ можетъ претерпѣвать бѣдствіе, изъ которыхъ однимъ мы собственно сами, а другимъ посторонніе и неотвратимые случаи могутъ быть причиною.

Теперь былобы съ лишкомъ пространно; естьлибъ похотѣлъ я далѣе въ сіе сравненіе углубляться и сравнивать всѣ частные случаи и обстоятельства касающіеся до вещественнаго строенія, съ таковымижъ частными обстоятельствами душевнаго или невещественнаго зданія нашего благополучія. Довольно когда вообще скажу, что всѣ обстоятельства онаго ни съ чѣмъ лучше сравнены быть не могутъ, какъ съ обстоятельствами деревяннаго разныхъ родовъ строенія. И сего довольно уже къ изъясненію того, что всякому о разныхъ степеняхъ того благополучія заключать должно, которое намъ въ сей жизни пріобрѣсть можно.

И такъ не трудно уже будетъ всякому заключить, что степени благополучія не можно быть никакъ одной и одинакой, но необходимо надобно быть имъ разнымъ. Тотъ же примѣръ и сравненіе можетъ намъ сіе наияснѣйшимъ образомъ доказать. Ибо какъ не всѣ на свѣтѣ люди могутъ одинакой доброты зданія себѣ воздвигать, такъ не всѣ и до одинакой степени благополучія себя доводить. Какъ многіе ни силъ, ни достатка, ни знанія, ни потребной охоты къ сооруженію себѣ хорошаго и всѣми спокойностьми снабденнаго дому имѣть не могутъ, но одинъ всегда имѣть будетъ многія предъ другими въ томъ выгоды и преимущества: такъ равно многіе и къ пріобрѣтенію знатной степени благополучія не всегда могутъ имѣть всѣ потребныя къ тому знанія, охоту и трудолюбіе. А изъ сего не слѣдуетъ ли само собою, что изъ людей лѣнивые и мало о себѣ радящіе завсегда будутъ жить когда не на дворѣ и безъ всякаго покрова, такъ по крайней мѣрѣ въ малыхъ и негодныхъ хижинахъ, а ра-

чительные и прилѣжные въ хорошихъ и покойныхъ домахъ будутъ покоемъ наслаждаться.

Однако для всего вышеупомянутаго не должножъ всякому отчаяваться, и не имѣть надежды соорудить себѣ когда нибудь домъ довольно покойной, или пріобрѣсть довольно уже знамениту степень благополучія. Утѣшеніемъ для сихъ можетъ служить то, что при исканіи благополучія все не отъ достатка и богатства, какъ при строеніи, но болѣе отъ охоты и старанія зависитъ; слѣдовательно въ случаѣ худаго успѣха по большой части всякой самъ себѣ всю вину приписывать долженъ. При семъ невещественномъ строеніи матеріалы всѣ уже готовы и не надобно ихъ ни купить, ни съ трудомъ доставать, ни издалека привозить; но мы носимъ ихъ всѣ съ собою и потребна только охота къ употребленію оныхъ и знаніе къ выбору лучшихъ и прочнѣйшихъ. Благій Создатель нашъ, толь милосердъ

сердЪ былЪ кЪ роду человѣческому, что не только не отнялЪ ни у кого способовЪ кЪ пріобрѣтенію довольно уже знаменитой степени временнаго благополучія, или кЪ построенію довольно уже покойнаго дому: но преподалЪ кЪ тому всѣ желаемыя средства и далЪ полное и ясное наставленіе. И такЪ ктожЪ тогда виноватЪ будетЪ, когда не похотимЪ мы послѣдовать предписаніямЪ сего премудраго Архитектора, но слѣдуя болѣе глупому своему разуму и развращеннымЪ стремленіямЪ сердца, будемЪ прямо итти на супротивЪ, и домы свои не изЪ пристойныхЪ и твердыхЪ матеріаловЪ строить, а по мнимому своему благоусмотренію употреблять кЪ тому такіе матеріалы, которые всего меньше приличны кЪ такому строенію, какЪ напримѣрЪ: ледЪ, снѣгЪ, солому и маленькія палочки. Можно ли изЪ всего того сгородить большой крѣпкой и прочной домЪ? И есть ли смѣшнѣе того, ктобЪ хотѣлЪ такого роду домЪ громостить себѣ на тонкомЪ льду или на самой

водѣ? Совсѣмъ тѣмъ естьли въ тонкость разобрать: то многіе симъ образомъ домъ благополучія своего не только городятъ; но досадуютъ еще и слышать не хотятъ, естьли кто суетность ихъ изобличать и лучшія средства предлагать имъ станетъ.

Но время уже мнѣ сію Аллегорію оставить и говоря яснѣе приступить къ моему намѣренію и изъяснить, въ чемъ бы собственно сіи разныя степени благополучія состояли, дабы можно было всякому имѣть яснѣйшее о томъ понятіе.

Мнѣ можно все сіе на трехъ почти словахъ изобразить. Ибо какъ по изслѣдованію нашему истинное и совершенное благополучіе ни въ чемъ иномъ, какъ въ безпрерывномъ и такомъ веселіи состоитъ, которое бы не пресѣкаемо было никакими печалями и неудовольствіями, и до какого намъ въ нынѣшную жизнь достигнуть нѣтъ возможности: то не слѣдуетъ ли само собою, что собственныя части благополу-

получія суть веселія, а недостатки или несовершенства и помѣшательства онаго печали и неудовольствія? Слѣдовательно и то благополучіе, которое человѣку въ нынѣшнюю жизнь пріобрѣсть можно, не въ иномъ, какъ въ такой жизни состоять можетъ, въ которой съ одной стороны наслаждался бы онъ колико можно множайшими веселіями, а съ другой колико можно болѣе освобожденъ былъ отъ всякихъ неудовольствій, какъ то скукъ, досады, унынія, горести, печали и прочихъ тому подобныхъ непріятныхъ чувствій? А изъ сего не легколи всякому заключить можно, что разныя степени земнаго благополучія единственно въ разномъ количествѣ помянутыхъ веселій и претерпѣваемыхъ неудовольствій состоятъ, и что человѣкъ тѣмъ счастливѣе и благополучнѣе, чѣмъ болѣе онъ въ жизнь свою увеселеній, а меньше печалей и всякаго рода неудовольствій имѣть будетъ; а тѣмъ благополучіе его гораздо меньшей степени будетъ, чѣмъ болѣе напротивъ того онъ печалей и неудовольствій,

а меньше радостей и веселій имѣть будетъ?

Изъ сего заключенія произтекаютъ сами собою слѣдующія слѣдствія: первое, что для вышеупомянутаго обстоятельства степеней благополучія не инако можетъ быть какъ чрезвычайно много. Второе, что самую высочайшую степень благополучія, до какой человѣкъ въ нынѣшнюю жизнь достигнуть можетъ, собственно означить и изобразить нѣтъ никакого способа. Третіе, что собственныя средства къ пріобрѣтенію благополучія не въ иномъ чемъ состоять могутъ, какъ въ снискиваніи множайшихъ увеселеній и въ отдаленіи отъ себя сколько можно всѣхъ неудовольствій, какого бы они почти рода ни были.

Въ семъ послѣднемъ по справедливости состоитъ все великое искусство находить благополучіе. Однако не могу же и того не сказать, что сколь въ не многихъ словахъ оно замыкается,

столь

столь великую напротивъ того слова сіи имѣютъ силу и столь великое требуется къ тому раченіе, а не менѣе того и разсмотреніе отъ человѣка. Ибо надобно знать, что не всѣ извѣстные намъ въ свѣтѣ роды увеселеній могутъ составлять части сего благополучія, но только одни тѣ, которые къ тому премудрымъ Строителемъ нашей натуры назначены и съ его святою волею согласны; а другіе напротивъ того производя послѣ множайшія печали и досады и причиняя намъ существительной вредъ, благополучію болѣе мѣшать, нежели поспѣшествовать могутъ: такъ напротивъ того и не всѣ неудовольствія въ нынѣшней жизни прямо оному мѣшаютъ, но есть такія, которыя не только помѣшательства благополучію нашему не сдѣлаютъ, но будучи основаніемъ и средствами къ полученію многочисленныхъ увеселеній оному поспѣшествовать могутъ. Однимъ словомъ все пріумноженіе оныхъ веселій и отдаленіе неудовольствій не должно выходить изъ своихъ предѣловъ, но распола-

полагаемо быть такъ, чтобъ чрезъ исканіе нынѣшняго и несовершеннаго благополучія, не могли мы послѣ лишиться совершеннаго ожидающаго насъ въ будущей жизни, но напротивъ того чтобъ было оно средствомъ къ полученію онаго.

РАЗ-

РАЗСУЖДЕНІЕ IV.

Касающееся вообще до средствъ къ достиженію до благополучія.

Всякое дѣло можемъ мы съ лучшимъ и надежнѣйшимъ успѣхомъ въ дѣйство произвести, когда напередъ тѣ способы съ прилѣжаніемъ и въ самую тонкость разсмотримъ, чрезъ которые намъ оныя въ дѣйство производить надобно. Послѣдуя сему неложному правилу, разсмотримъ же теперь и тѣ средства, чрезъ которыя намъ благополучіе наше искать слѣдуетъ.

Средства къ пріобрѣтенію нашего благополучія состоятъ вообще въ снисканіи веселія и въ отдаленіи отъ себя печалей и неудовольствій. Намъ надобно умножать свои увеселенія и уменьшать сколько можно неудовольствія,

ствія, буде хотимъ быть благополучными. Но можно ли намъ разсуждать о томъ, какимъ образомъ намъ сіе наиспособнѣе въ дѣйство производить, когда напередъ поближе не познакомимся съ сими веселіями и неудовольствіями; не узнаемъ ихъ существа и съ прилѣжаніемъ не разсмотримъ, чтобъ такое собственно было веселіе и неудовольствіе? Правда не льзя того сказать, чтобъ оба сіи слова и всѣ вообще подъ ними разумѣваемыя пріятныя и непріятныя чувствія человѣческія не были каждому по одному званію своему довольно извѣстны. Кто не знаетъ напримѣръ, что такое веселіе, радость, удовольствіе, утѣха, и забава, или печаль, горесть, скука, досада, неудовольстіе, грусть, смущеніе, уныніе, беспокойство и прочія тому подобныя разныя званія непріятныхъ нашихъ ощущеній? Но для нашего намѣренія сего знанія не довольно: намъ надобно ближе веселіе и неудовольствіе разсмотрѣть и узнать, чтобъ такое оно собственно было? Отъ чего начинается, пріумножается умень-

уменьшается и уничтожается, дабы чрезъ то могли мы знать, какимъ образомъ наиспособнѣе можно намъ какъ первыя въ себѣ производить и увеличивать, такъ вторыя уменьшать или вовся уничтожать стараться.

Въ семъ разобраніи необходимость велитъ намъ почерпнуть нѣчто изъ Философіи. Но какъ и между Философами не всѣ одинакого о томъ мнѣнія, то послѣдуемъ тѣмъ, которыхъ мнѣнія сходнѣе съ правдою и согласнѣе съ самою практикою. (*)

Мы

(*) Чтобъ избавить себя отъ всѣхъ критикъ: то за необходимое почитаю здѣсь сказать, что я какъ въ семъ случаѣ такъ и во всѣхъ послѣдующихъ и до души и внутреннихъ ее дѣйствъ и склонностей касающихся разсужденіяхъ, послѣдовалъ мнѣніямъ новѣйшихъ Философовъ, которыхъ Система хотя въ свѣтѣ довольно прославилась, но у насъ въ Россіи не уповаю, чтобъ многимъ была извѣстна. И сіе для того, чтобъ въ случаѣ естьли кому покажется что сомнительно: то сіе произходитъ отъ несогласныхъ мнѣній ихъ Системы съ тою, которой я заблагоразсудилъ слѣдовать; почему и доказательства тому да соблаговолятъ они искать въ той Философіи, а меня освободить отъ нареканія.

Мы начнемъ съ веселія и разсмотримъ напередъ, что такое оно и отъ чего въ насъ дѣлается. Ежели мы хотя малое примѣчаніе на произходящія въ душѣ нашей дѣйствія употребимъ, то скоро увидимъ, что веселіе не отъ чего инаго, какъ отъ исполненія какого нибудь нашего желанія дѣлается. Не видимъ ли мы то ежедневно, что когда мы чего нибудь желали и то сдѣлается, тогда мы обрадуемся и сдѣлаемся веселы? Не короткое ли это и не очевидное ли доказательство, что веселію тому одно желаніе предшествовало, которое въ насъ до того времени было и исполненія требовало? Но чтожъ бы мы веселіемъ при томъ называли какъ не то состояніе души, въ которомъ она тогда находилась, когда помянутое исполненіе желанія ее происходило? То и подлинно и въ самомъ дѣлѣ такъ и въ томъ не остается ни какого сомнѣнія: ибо хотя и случается часто, что мы бываемъ и тогда веселы, когда никакого желанія повидимому не предшествовало; однако мы въ томъ обманываемся и за-

заключаемъ только по наружному виду, а въ самомъ дѣлѣ хотя мы и не ощущали никакого желанія, но оно дѣйствительно было. Ибо надобно знать, что не всѣ желанія души намъ извѣстны и не всѣ ихъ мы, такъ сказать, ощущаемъ; но есть много сокровенныхъ, которыхъ мы никогда почти не ощущаемъ, хотябъ они въ высочайшемъ градусѣ въ насъ дѣйствовали; и такое-то сокровенное желаніе насыщается или удовлетворяется тогда, когда при сдѣлавшемся веселіи мы ни о какомъ предшествующемъ желаніи не свѣдомы. Я могъ бы сію истинну доказать многими примѣрами, естьлибъ только не завело меня сіе въ великое пространство; чего ради довольно будетъ одного слѣдующаго для объясненія. На примѣръ, я нимало не желалъ и не ожидалъ себѣ ни отъ кого подарка, но какъ одному пріятелю моему вздумалось ко мнѣ прислать, то обрадовался я тому и чувствую веселье. Кажется, что при семъ случаѣ никакого моего желанія не предслѣдовало, однако это только такъ кажется, а

желаніе дѣйствительно было, а именно тайное и хотя не собственно къ подарку стремящееся, однако такое, которое мы вообще къ пріумноженію своего добра въ себѣ имѣемъ: а какъ тотъ подарокъ добро мое пріумножаетъ, то и часть помянутаго общаго желанія насытившись веселіе произвела. А тоже и о прочихъ тому подобныхъ случаяхъ разумѣется.

Равнымъ образомъ и неудовольствія наши со всѣми прочими непріятными чувствіями, кои такъ много веселію, слѣдовательно и благополучію нашему мѣшаютъ, ни отъ чего инаго, какъ отъ тѣхъ же въ душѣ нашей находящихся желаній происходятъ. Всѣ сіи ощущенія хотя разными званіями называются, но въ самомъ основаніи своемъ отъ одного и того же источника проистекаютъ, а именно, отъ раздраженія или неисполненія желаній или отъ того, когда противное онымъ дѣлается. Ибо хотя то и правда, что печаль отъ неудовольствія, а скука отъ досады нѣкоторымъ образомъ

зомъ отличными быть кажутся и дѣйствительно различны, но сіе только отъ нѣкоторыхъ особливыхъ съ раздраженіемъ желаній нашихъ сопрягающихся обстоятельствъ и условій происходитъ, и различныя сіи чувствованія болѣе разными степенями неудовольствія нежели въ самомъ дѣлѣ отмѣнными и особливыми почесться могутъ; равно какъ тоже самое и въ разсужденіи разности между веселіемъ, радостію и удовольствіемъ примѣчается. Но что обстоятельно и въ подробность разбирать было бы съ лишкомъ пространно и принадлежитъ болѣе къ Философіи, нежели къ теперешнему намѣренію. Здѣсь же надобно при однихъ начальныхъ и общихъ причинахъ веселія и неудовольствія оставаться.

Такимъ образомъ утверждаю я, что всѣ сіи разными званіями изображаемыя душевныя состоянія, какъ то печаль, горесть, скука, досада, неудовольствіе, грусть, смущеніе, уныніе, безпокойство и прочее тому подобное, единственно отъ раздраженія

нашихъ желаній происходятъ. А сіе и доказать безъ всякаго труда можно, и для удостовѣренія въ томъ весьма малое примѣчаніе потребно; ибо возмемъ только нѣсколько примѣровъ въ разсужденіе; напримѣръ Трифонъ теперь въ превеликомъ неудовольствіи и печали находится, ибо онъ получилъ письмо, которымъ его увѣдомляютъ, что онъ того чина получить не можетъ, котораго просилъ, добивался и надѣялся онъ. Размотримъ же отъ чего въ немъ неудовольствіе и печаль произошла? Ежели послѣдовать обыкновенному нашему мнѣнію, то кажется, что сіе неполученіе чина его безпокоитъ, увѣдомляющее же въ томъ письмо его въ печаль ввергнуло и въ немъ неудовольствіе произвело. Но можетъ ли письмо какъ само по себѣ бездушная вещь или по крайней мѣрѣ сіе увѣдомленіе, которое такое же ничтожное обстоятельство, какое нибудь дѣйствіе а особливо въ душѣ произвесть, когда оно само отъ другой причины зависитъ и къ произведенію дѣйствъ способности не имѣетъ. Нѣтъ! сіе

сіе такъ только намъ кажется, а ежели ближе сіе обстоятельство разсмотрѣть и вникнуть въ самую душу человѣческую, въ которой сіе неудовольствіе произошло: то найдется совсѣмъ тому иная причина. Въ Трифонѣ превеликое желаніе было оной чинъ получить, и онъ его какъ своего величайшаго благополучія ожидалъ и надѣялся, а сему желанію противное произошло и оно не удовольствовалось, а отъ того самого и произошла въ душѣ его та перемѣна и состояніе, которое у насъ подъ именемъ неудовольствія и печали извѣстно.

Въ справедливости сего думаю каждой согласится; ибо въ томъ никто не усомнится, что въ Трифонѣ напримѣръ такого желанія не было. Онъ и самъ о томъ вѣдалъ. Однако случаются иногда такіе же случаи, о какихъ я выше говоря о веселіи упоминалъ, а именно, что мы иногда будучи въ скукѣ, въ досадѣ, печали и неудовольствіи ни о какомъ желаніи не свѣдомы, которое бы при томъ не

исполнялось. На примѣръ Іустинъ печалится и горюетъ, что его жена больна. Клеонъ въ превеликую досаду приведенъ, что его сосѣдъ обидѣлъ и землю его отнялъ. Хрисанфу скучно жить въ деревнѣ и въ уединеніи и прочее тому подобное. Но ежели разсмотрѣть, то тоже самое выдетъ, а именно, что въ Іустинѣ было всегда желаніе, чтобъ жена его была здорова; въ Клеонѣ, чтобъ все имѣніе его было въ цѣлости; въ Хрисанфѣ быть всегда между людьми и въ компаніяхъ, а всѣмъ симъ желаніямъ ихъ противное дѣлается и они отъ того неудовольствіе чувствуютъ. Однимъ словомъ какія бы сомнительныя обстоятельства въ разужденіи обоихъ сихъ пунктовъ ни случились: но вообще можно утвердить, что всѣ роды веселія и неудовольствія единственно отъ исполненія или отъ неисполненія желаній нашихъ происходятъ.

Чтобъ лучше можно было намъ понять какимъ образомъ сіе происходитъ: то представимъ все сіе себѣ

въ

въ какомъ нибудь вещественномъ подобіи. Многочисленныя и разныя въ душѣ нашей желанія, по разнымъ ихъ дѣйствіямъ, свойствамъ и примѣчаемымъ обстоятельствамъ, можно уподобить многимъ разнымъ вещамъ. Я разсуждая, которое бы сравненіе къ теперешнему случаю было приличнѣе, нахожу слѣдующее. Желанія въ семъ случаѣ можно намъ сравнить съ нѣкакими живыми и всегда голодными звѣрками въ душѣ нашей находящимися и временемъ на цѣпяхъ прикованными, а временемъ съ цѣпей спускаемыхъ и по волѣ ходящихъ. Сіи звѣрки имѣлибъ такое свойство, что могутъ спать и просыпаться и во время сна лежать смирно и спокойно, а когда проснутся или разбужены чѣмъ будутъ: то голодъ ихъ начинаетъ дѣйствовать, и чѣмъ чаще они будутъ разбужаемы, тѣмъ болѣе умножается ихъ алчность во время сего голоду по мѣрѣ онаго, тревожатся они минутно, мечутся на цѣпяхъ, рвутся и стараются ихъ прервать и получить волю. Удастся имъ сіе, то дѣлаются они необузданными,

 начи-

начинаютъ бѣгать, всюду соваться, и во всей душѣ производить многія замѣшательства. Когда же въ обоихъ сихъ случаяхъ увидятъ они кусокъ пищи: то того часа обрадуются, начинаютъ заблаговременно махать хвостомъ и ластиться; когда же получатъ то и болѣе того радуются, прыгаютъ, играютъ и веселятся; поелику великъ или не великъ былъ ихъ голодъ. Когда же напротивъ того вмѣсто удовольствованія ихъ пищею кто или что нибудь станетъ ихъ дразнить, намѣряться ихъ бить: то приходятъ они въ злобу, ярость и бѣшенство, рычатъ, ревутъ, мечутся и свирѣпствуютъ, и сіе до тѣхъ поръ продолжается, покуда они мало по малу опять усмирѣютъ и въ прежнее состояніе возвратятся или опять заснутъ или усыплены будутъ. Когда же случится такъ, что вмѣсто кормленія и драженія они по шерсти глажены и приласкиваемы и уговариваемы будутъ: то въ такомъ случаѣ хотя они и не гораздо радуются, однако и не бѣсятся, но стоятъ смирно, или еще маханіемъ

ніемъ хвоста нѣкоторой знакъ удовольствія оказываютъ.

Какія перемѣны отъ всего того въ человѣкѣ произходятъ, не трудно теперь будетъ всякому усмотрѣть, а именно, когда какой звѣрокъ или желаніе спитъ и лежитъ смирно: тогда человѣкъ о насыщеніи или исполненіи онаго и не помышляетъ. Какъ скоро проснется, то человѣкъ не только уже о той вещи думаетъ и помышляетъ, но старается исполнить и получить желаемое, то есть удовольствовать звѣрка мечущагося и желающаго пищи. Когда же онъ увидитъ вблизи исполненіе желанія своего, или когда начинаетъ оно уже исполняться, тогда не получивъ, радуется и веселится напередъ, такъ какъ звѣрокъ машетъ хвостомъ и ластится. Когдаже исполнится желаніе или звѣрокъ получитъ пищу, то человѣкъ чувствуетъ веселіе, и чѣмъ болѣе было желаніе или звѣрокъ голоднѣе, тѣмъ болѣе и человѣкъ радуется и веселится. Далѣе, какъ въ звѣркѣ радость сія не долго

продлится, но скоро минуется; такъ тоже и съ человѣкомъ бываетъ. Напротивъ того біеніе и раздражненіе звѣрка можно уподобить противнымъ желаніямъ нашимъ произшествіямъ, а ярость, злобу и бѣшенства звѣрка съ нашими печалями, досадами и неудовольствіями. Слѣдовательно чѣмъ болѣе звѣрокъ раздраженъ будетъ, тѣмъ и досада и печаль наша намъ чувствительнѣе. Наконецъ третье состояніе то, когда желаніе наше не исполняется, однако и противное ему не происходитъ, а человѣкъ льстится надеждою, что оно нѣкогда исполнится. Сіе можно уподобить съ глаженіемъ и приласкиваніемъ звѣря, чрезъ что желаніе или звѣрокъ усмиряется и дѣлается кроткимъ, а мы не ощущаемъ тогда ни радости, ни печали, а спокойны духомъ. Чтожъ касается до извѣстныхъ и не извѣстныхъ нашихъ желаній, то можно уподобить первыя такимъ напримѣръ звѣркамъ, которыебъ жили наружи и были видимы, а вторыя такимъ, которыебъ держались въ конурахъ и были не видимы и потому о пребыва-

ніи

ніи въ насъ первыхъ мы имѣемъ, а о вторыхъ не имѣемъ свѣденія, а чувствуемъ только слѣдствія насыщенія или раздраженія оныхъ. Вотъ аллегорическое уподобленіе могущее о произшествіяхъ въ душѣ нашей подать намъ довольно уже ясное понятіе.

Изслѣдовавъ симъ образомъ отъ чего веселіе и неудовольствіе въ человѣкѣ дѣлается, не трудно уже намъ будетъ и то усмотрѣть, чрезъ что веселіямъ нашимъ поспѣшествуемо быть можетъ и они вновь производимы и пріумножены, а неудовольствія уменьшаемы быть. Ибо когда всякое веселіе отъ исполненія какого нибудь явнаго или сокровеннаго желанія въ насъ происходитъ: то не слѣдуетъ ли само собою, что чѣмъ болѣе и чаще наши желанія насыщаемы или помянутые выше сего звѣрки кормлены будутъ, тѣмъ больше и чаще имѣть мы будемъ веселіе и радость? Напротивъ того, чѣмъ рѣже нашимъ желаніямъ случаться будутъ помѣшательства или звѣрки раздражниваны, тѣмъ меньше и рѣже

имѣть мы будемъ печалей, досадъ и неудовольствій? А изъ всего того не то ли слѣдствіе произойдетъ, что и благополучіе наше чрезъ то будетъ болѣе?

Знаю, что теперь многіе меня остановятъ и сдѣлаютъ слѣдующее и по мнѣнію ихъ весьма важное возраженіе. Пускай все сіе такъ! Скажутъ они мнѣ: пускай благополучіе состоять будетъ во многихъ и частыхъ веселіяхъ и въ малыхъ и рѣдкихъ неудовольствіяхъ, и пускай первыя отъ насыщенія, а вторыя отъ раздраженія желаній нашихъ происходятъ; но скажи пожалуй: въ нашей ли воли то состоитъ, чтобъ желанія наши всегда исполнялись и въ силахъ ли мы не допустить до того, чтобъ имъ никогда или очень рѣдко препятствія и оскорбленія случались? Не доказываетъ ли противное тому ежедневное искусство? Не видимъ ли мы всякой день тысячи примѣровъ, доказывающихъ намъ, что человѣкъ далеко не въ состояніи желанія свои исполняться насильно заставлять, равно какъ силою

своею

своею отвратить, чтобъ имъ никакого противнаго дѣйствія не произходило. Коль многія и безчисленныя имѣемъ мы въ жизнь нашу желанія и коль малая часть изъ оныхъ совершается: напротивъ того коль великія тьмы оныхъ остаются не только безъ исполненія, но претерпѣваютъ и противодѣйствіе, а все то отвратить въ нашей ли возможности и власти состоитъ? Не отъ постороннихъ ли и такихъ вещей и обстоятельствъ сіе исполненіе оныхъ зависитъ, которыхъ распоряженіе отнюдъ не въ нашей власти состоитъ. Не всякой ли день принуждены мы противъ воли и хотѣнія своего видѣть, что желаніямъ нашимъ противное дѣлается, а совсѣмъ тѣмъ отвратить того не въ состояніи? А при такихъ обстоятельствахъ какимъ же образомъ намъ веселія свои пріумножать, а уменьшать печали и неудовольствія?

Признаюсь, что возраженіе сіе справедливо и съ наружнаго вида составляетъ великую важность. Однако дозвольтежъ

тежъ и мнѣ сказать противъ его нѣсколько словъ. Я еще не все выговорилъ и можетъ быть найдутся вещи, могущія доказать, что извѣстное мнѣ сіе возраженіе далеко не составляетъ такой важности, какую имѣть оно съ перваго вида кажется. Правда, не могу въ томъ спорить, что не въ нашей власти состоитъ распоряженіе постороннихъ вещей и обстоятельствъ, отъ которыхъ исполненіе или неисполненіе нашихъ желаній зависитъ. Извѣстное то и не оспоримое дѣло; однако дозвольтежъ и мнѣ спросить: о всѣхъ ли желаніяхъ нашихъ можно то генерально утвердить и нѣтъ ли напротивъ того или не могутъ ли многія и такія быть, которыхъ исполненіе отчасти въ совершенной нашей власти состоитъ, отчасти отъ такихъ постороннихъ вещей зависитъ, которыхъ распоряженіе состоитъ въ нашей волѣ, и къ тому либо не многіе труды и старанія, либо одно только наше хотѣніе потребно? А равномѣрно не бываютъ ли многія и неудовольствія, печали и досады, которыхъ уни-

уничтоженіе или по крайней мѣрѣ уменьшеніе зависитъ собственно отъ насъ и отъ хотѣнія нашего? Кому не извѣстно, что одарены мы къ тому потребною силою и не лишены способовъ могущихъ облегчать сіи непріятныя чувствованія? Знаю, что многіе не будутъ знать, что мнѣ на сіи вопросы отвѣтствовать; но напротивъ того тѣ, которымъ дѣйствія души нашей и касающіяся до нихъ обстоятельства короче знакомы безпрекословно въ томъ со мною согласятся.

Когда же сіе справедливо, что желанія въ насъ не одинакаго состоянія, но обстоятельства касающіяся до нихъ подвержены великой многоразличности: то не выслушавъ всего предложенія моего прежде времени и обвинять меня ничѣмъ не можно. Я еще того никогда и не говорилъ, чтобъ всѣ наши желанія могли удовольствованы и насыщены быть; и того не требовалъ, чтобъ всѣ неудовольствія нами отвращаемы были: но знаю и утверждаю самъ, что какъ многія желанія

ланія, на всѣ старанія наши не смотря, останутся безъ исполненія, такъ и многія неудовольствія не отвратимы; а по тому и утверждалъ, что благополучіе наше не можетъ быть совершенно. Однако сіе не приноситъ съ собою того слѣдствія, чтобъ и всѣ желанія не могли нами насыщаемы, а не удовольствія отвращаемы быть. Въ семъ случаѣ тщетно бы они премудрымъ Создателемъ въ насъ и врождены были, но чего утвердить все благоразуміе запрещаетъ; но напротивъ того надобно знать, что какъ въ прочихъ вещахъ, такъ и въ семъ случаѣ непостижимая премудрость нашего Создателя удивленія достойна.

Сей великой натуры нашей Строитель не вложилъ съ начала въ насъ ни одного такого желанія, которое бы не могло исполнено и насыщаемо быть: но съ тѣмъ только различіемъ что не всѣ они въ нынѣшнюю жизнь исполненія ожидать могутъ, но по большей части исполненіе предоставлено будущей жизни. Но сего было еще не доволь-

вольно. Самыя тѣ, которыя исполнены быть могутъ, сдѣланы разнаго и такого состоянія, дабы исполненіе нѣкоторыхъ зависило отъ самихъ насъ и былобъ не съ великимъ трудомъ сопряжено, а другихъ отъ постороннихъ вещей и сопряжено съ множайшими трудностьми. Намѣренія великаго Создателя притомъ клонились къ тому, чтобъ мы дѣлали сами между сими желаніями разбирательство и не давалибъ волю имъ по своему хотѣнію въ насъ дѣйствовать и нами обладать; но чтобъ владѣли мы оными и производя въ себѣ болѣе такія, которыя легко исполнены быть могутъ, могли во всегдашнее время производить въ себѣ веселія и радости. Отъ такихъ же, которыхъ исполненіе не таково легко, но трудное и зависящее отъ постороннихъ и не въ нашей власти состоящихъ вещей и обстоятельствъ, колико можно остерегались, ихъ угнѣтали и не допускалибъ имъ дѣйствовать и чрезъ то не допускалибъ себя сколько можно до неудовольствій, печалей и досадъ, а чрезъ все то былибъ соб-

ственнаго своего благополучія соорудителями и поспѣшествователями.

ВотЪ каково было намѣреніе великаго Создателя. И онЪ ли уже виноватЪ тому, что мы сему предписанію, имѣя совершенную волю, не слѣдуемЪ; но полюбивЪ болѣе сЪ труднымЪ исполненіемЪ спряженныя желанія, ихЪ однихЪ вЪ себѣ возбуждаемЪ, ихЪ однихЪ вЪ себѣ питаемЪ, имЪ однимЪ дали совершенную волю собою обладать и ихЪ однихЪ насыщать стараемся, позабывЪ, что сіе отЪ постороннихЪ и не вЪ нашей власти состоящихЪ причинЪ вещей и обстоятельствЪ зависитЪ? ЧемужЪ теперь дивиться, что рѣдко они насыщаются; что большая часть оныхЪ, на всѣ наши старанія не смотря, остаются безЪ исполненія и мы чрезЪ то всю нашу жизнь вЪ безчисленныхЪ заботахЪ, печаляхЪ, досадахЪ и неудовольствіяхЪ провождаемЪ? Не довольно ли уже сего будетЪ вЪ отвѣтЪ на сдѣланное мнѣ возраженіе? Не означалась ли теперь истинная всѣмЪ неисполненіямЪ желаній

ній нашихъ причина, и не правду ли я говорилъ, что помянутое возраженіе не такой еще великой важности, каково оно намъ съ перваго вида представляется.

Но какъ же намъ при такихъ обстоятельствахъ быть и чтожъ намъ дѣлать, спросятъ меня можетъ быть теперь нѣкоторые? То, отвѣтствую, что буде хотимъ благополучными быть: то надобно намъ всѣ желанія свои поприбрать хорошенько себѣ въ руки, обуздать тѣ, которыя слишкомъ увеличились и получили надъ нами могущество и волю, привесть ихъ себѣ въ послушаніе, дѣлать между всѣми желаніями разбирательство, не допускать усиливаться и дѣйствовать имъ безъ разбору, но возбуждать въ себѣ болѣе такія, которыя легко удовольствованы быть могутъ, и при исполненіи которыхъ не бываетъ дальнихъ препятствъ и затрудненій: тѣже, которыхъ исполненіе либо противно воли нашего Создателя, либо со многими препятствіями сопряжено, колико можно усмирять

и угнѣтать, или по крайней мѣрѣ въ такое состояніе приводить, чтобъ они насъ не беспокоили, но мы отъ пребыванія ихъ въ себѣ ни радости, ни веселья, однако на противъ того ни печали, ни неудовольствія не имѣли; но онибъ были спокойны; которое посредственное и при исканіи благополучія весьма достопамятное состояніе происходитъ отъ того, когда одному какому нибудь желанію не дѣлается исполненія, однако и прямо противнаго ему дѣйствія не совершается, то есть, оно не раздражается, но напротивъ того надежда есть, что оно нѣкогда исполнится и мы въ томъ не имѣемъ сомнѣнія: отъ чего желаніе наше тогда уже насъ не тревожитъ и не беспокоитъ, но мы въ разсужденіи его находимся тогда въ такомъ состояніи, которое подъ именемъ спокойства извѣстно. Наконецъ, чтобъ во всѣхъ неожидаемыхъ и незапно насъ постигающихъ противныхъ случаяхъ, прискорбностяхъ и неудовольствіяхъ не давали волю имъ усиливаться, но всѣ силы свои прилагали къ усмиренію начальной тому причины и

чрезъ

чрезъ то къ облегченію оныхъ. Вотъ все то вообще, что намъ дѣлать надобно и вотъ въ чемъ состоитъ все искуство находить себѣ благополучіе.

Да скажутъ мнѣ можетъ быть нѣкоторые. Это мы всѣ слышимъ и все сіе былобъ хорошо, да то бѣда, что по пословицѣ говоря, всякой разъ въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Всякой ли въ состояніи такой разборъ между желаніями дѣлать и ими по произволенію своему дѣйствовать? Въ силахъ ли мы все то въ дѣйство производить, что вы говорили?

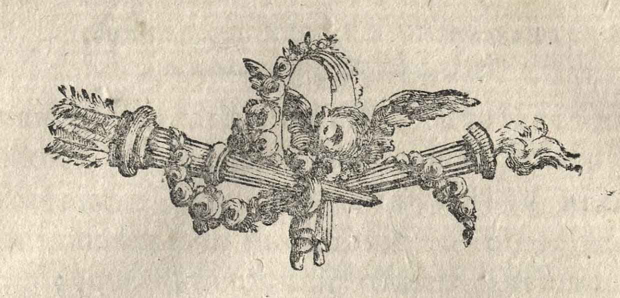
Конечно въ силахъ. Отвѣтствую на сіе и сомнѣнія въ томъ конечно быть не можетъ. Не многія слова могутъ намъ сію истинну доказать. Когдабъ не было возможности намъ сіе въ дѣйство производить и мыбъ къ тому потребной силы не имѣли, то не для чего бы и Создателю нашему сдѣлать такой распорядокъ, о какомъ я выше говорилъ. На что бы дѣлать часы, когда не снабдить ихъ пружиною,

чрезъ которую моглибъ они имѣть свое дѣйствіе? Не должноль бы тогда то же было о Богѣ заключить, какъ о часовомъ мастерѣ, то есть, что онъ тщетно и бесполезное дѣло сдѣлалъ и напрасно трудился. Но можно ли сіе учинить, не учинивъ великаго предъ нимъ беззаконія? Нѣтъ! любезные читатели! Великой Создатель Нашъ не таковъ. Онъ ничего напраснаго не дѣлалъ, а по сему Святѣйшему правилу поступилъ Онъ и въ семъ случаѣ. Сдѣлавъ распоряженіе, какъ чему быть и происходить, не преминулъ снабдить насъ и всѣми потребными къ произведенію того въ дѣйство силами, а именно: для разсматриванія и узнаванія всего одарилъ насъ разумомъ, а для возбужденія и укрощенія желаній нашихъ и для обладанія оными снабдилъ насъ драгоцѣнною свободностью, или произволомъ, какъ такою души нашей силою, которая какъ и разумъ насъ надъ скотами и другими животными далеко превозноситъ. Однимъ словомъ, онъ ничего не упустилъ, чтобъ сдѣлать насъ къ тому способными; и уже

уже не онъ виноватъ, что мы не хотимъ сами преимуществами сими пользоваться и сіи драгоцѣнныя силы, сіи другія преимущества не къ тому употреблять, къ чему они назначены.

Теперь не знаю уже я, чтобъ могъ мнѣ кто возразить что важное. Ибо естьлибъ кто вздумалъ сказать, что не всѣмъ намъ все сіе довольно извѣстно, и что очень мало такихъ, которые о желаніяхъ нашихъ и касающихся до нихъ обстоятельствахъ не имѣютъ ни малѣйшаго свѣденія: то на сіе коротко скажу, ктожъ намъ не велитъ о томъ стараться? Ктожъ запрещаетъ входить въ себя и нѣсколько ближе самихъ себя узнать стараться. Не употребляемъ ли мы неописанные труды и не препровождаемъ ли цѣлой вѣкъ въ узнаваніи постороннихъ и по большей части такихъ вещей, безъ знанія которыхъ мы всегдабъ пробыть могли? Но что нужнѣе того, какъ самихъ себя знать? Какая вещь ближе къ намъ и драгоцѣннѣе самихъ себя? И не ужъ ли во всю нашу

жизнь не можно найтить свободнаго времени, которое бы на узнаніе себя мы употребить могли. Я умалчиваю уже о томъ, что сему всѣмъ прочимъ знаніямъ предшествовать бы надлежало? И такъ не бѣдная ли сія и не самая ли пустая отговорка будетъ? А не многимъ чѣмъ лучше могутъ быть и другія, какія въ возраженіе противъ сего пункта предложены быть могутъ.

РАЗСУЖДЕНІЕ V.

О существѣ и свойствахъ желаній человѣческихъ вообще.

Когда благополучіе человѣческое состоитъ въ множайшемъ количествѣ веселій, а въ меньшемъ числѣ неудовольствій и печалей; и когда веселіямъ и неудовольствіямъ начальною причиною суть наши желанія, которыхъ отъ насыщенія первыя, а отъ раздраженія вторыя происходятъ; и потому при исканіи благополучія своего все зависитъ отъ того, чтобъ мы старались о исполненіи нашихъ желаній, а не допускали до того, чтобъ имъ противное дѣлалось; желаніяже наши не всѣ равно легко и удобно удовольствованы быть могутъ, и потому намъ между

ими разборъ дѣлать надобно, и какъ съ одной стороны стараться должно такія угнѣтать и усмирять, которыхъ насыщеніе со многими препятствіями сопряжено, такъ напротивъ того такія въ себѣ возбуждать и питать надобно, которыя легко удовольствованы быть могутъ: то изъ всего сего не слѣдуетъ ли само собою, что буде хотимъ при исканіи благополучія своего желаемой успѣхъ имѣть, то необходимо и прежде всего надобно намъ поближе съ желаніями нашими познакомиться, и узнать всѣ тѣ изъ касающихся до нихъ обстоятельствъ, о которыхъ знаніе къ сему великому намѣренію потребно. Ибо натурально можемъ ли мы прямо приступить къ дѣлу, когда не будемъ знать не только то, какія бы собственно изъ безчисленнаго множества нашихъ желаній были тѣ, которыя легко и удобно и которыя съ трудомъ и неудобно могутъ насыщаемы быть: но и о томъ не будемъ имѣть свѣденія, какого существа наши желанія, какія имѣютъ свойства и чѣмъ собственно можемъ

мы

мы ихъ возбуждать и увеличивать или обратно угнѣтать и уменьшать.

Великая и необходимая надобность сего знанїя причиною тому, что я для лучшаго усмотренїя не за излишнее почелъ изъяснить сїе примѣромъ. Іоаннъ имѣлъ бы, напримѣръ, великое желанїе получить себѣ одно добыточное мѣсто. Онъ добивается уже нѣсколько лѣтъ сего чина; не жалѣетъ ни трудовъ, ни хлопотъ, ни убытковъ и употребляетъ все, что только можно. Но всегда мѣшаетъ ему либо то, либо другое и всегда встрѣчаются неожидаемыя и неотвратимыя почти препятствїя. Бѣднякъ измучился и весь испрожился, но и ничего не получаетъ. Сїе приводитъ его въ превеликое огорченїе. Онъ досадуетъ самъ на себя, на правительство, на властей, на соперниковъ и на все въ свѣтѣ. Денно и нощно тужитъ и горюетъ о потерянныхъ напрасныхъ трудахъ и прожитыхъ всуе многихъ деньгахъ и приходитъ почти въ отчаянїе. Что ему въ такомъ случаѣ дѣлать?

По силѣ вышеписаннаго правила слѣдуетъ ему стараться сіе желаніе чина какъ такое, которое не легко удовлетворено быть можетъ, но великія препятствія имѣетъ, уменьшить, или по крайней мѣрѣ успокоить стараться. Но бѣдной не знаетъ какъ за то и приняться. Онъ радъ бы самъ о семъ чинѣ позабыть, но не можетъ. Всякой день вспоминается онъ ему вновь, возбуждаетъ въ немъ къ себѣ желаніе и досаду, что бездѣльники, или иныя какія обстоятельства ему въ томъ помѣшательство дѣлаютъ, а по сему не слѣдуетъ ли ему прежде узнать, чѣмъ и какимъ образомъ можно ему желаніе свое уменьшить и въ такіе предѣлы привесть, чтобъ оно его болѣе не беспокоило? Хрисандръ жалуется, что вся жизнь его не иное что есть, какъ сущее сплетеніе горестей, досадъ, заботъ, печалей и неудовольствій, и что онъ не помнитъ, когда бы былъ веселъ и имѣлъ бы какую нибудь радость и удовольствіе. Изъ вышеписаннаго заключилъ бы онъ, что конечно въ немъ дѣйствуютъ болѣе такія жела-

желанія, которымъ быть не надобно и кои благополучію его мѣшаютъ; и что надобно ему такія возбуждать въ себѣ старанія, которыя бы благополучію его поспѣшествовали, а прежнія сокращать и уменьшать: но Хрисандръ не знаетъ объ нихъ ничего, и не только какъ сіе въ дѣйство наиудобнѣе производить, но и того никогда не слыхивалъ, какія бы то именно желанія были. Не крайняя ли же ему надобность имѣть о томъ достаточное свѣденіе и можетъ ли онъ безъ того предпріять, что надобно?

Для сихъ причинъ, не бесполезное бы дѣло было, естьлибъ въ пользу всѣхъ желающихъ искать себѣ истиннаго благополучія, разобрать въ тонкость все, что до желаній нашихъ вообще и до разныхъ ихъ свойствъ, дѣйствій и другихъ обстоятельствъ въ особливости касается. Но я долженъ признаться, что сколь сіе дѣло съ одной стороны полезно, столь съ другой трудно и съ теперешнимъ моимъ намѣреніемъ не согласно. Вопервыхъ

выхъ для того, что матерія сія такъ пространна, что въ границы сочиненія сего далеко вмѣщена быть не можетъ: вовторыхъ, будучи самою философическою, такъ тонка и глубокомысленна, что многимъ, а особливо не учившимся высокимъ наукамъ, совсѣмъ почти будетъ не понятна, и потому на нихъ только скуку нагнать, а пользы принесть никакой не въ состояніи будетъ. По которой причинѣ и не отваживаюсь я приступить къ сему дѣлу, но предоставлю желающимъ все то въ подробности знать, освѣдомляться о томъ въ извѣстной подъ именемъ Телематологіи новой и полезнѣйшей философической наукѣ. Самъ же по мѣрѣ силъ своихъ постараюсь въ пользу любезныхъ моихъ читателей сообщить имъ хотя не полное, но такое всему тому изображеніе, которое бы для нихъ было удобопонятно и по нуждѣ моглобъ уже достаточно быть для поданія имъ по крайней мѣрѣ о самонужнѣйшихъ вещахъ довольно яснаго понятія.

Cie

Сіе учиню я теперь слѣдующимъ порядкомъ: сперва скажу имъ вкратцѣ все то, что имъ о существѣ желаній нашихъ знать необходимо надобно, а потомъ раскажу о нѣкоторыхъ общихъ желаній нашихъ свойствахъ, о которыхъ знаніе не меньше будетъ надобно какъ и прочее. Все сіе буду я стараться изображать колико можно простѣйшимъ и наияснѣйшимъ образомъ и для лучшаго въ томъ успѣха; гдѣ надобно брать для вспоможенія себѣ разные примѣры и аллегорическія уподобленія, и желаю только, чтобъ вы, дорогой читатель, послѣдующими строками не поскучили, но удостоили бы своего вниманія.

И такъ что касается до начальнаго существа всѣхъ нашихъ желаній: то довольно, когда скажу, что всѣ наши безчисленныя желанія не иное что суть, какъ долго продолжающіяся и такъ сказать въ привычку обратившіяся дѣйствія одной изъ главныхъ силъ души нашей, которая извѣстна подъ именемъ Воли. Ибо надобно знать

что

что душа наша имѣетЪ двѣ главныя силы, изЪ которыхЪ первая и начальнѣйшая называется УмЪ, или смыслЪ и посредствомЪ которой мы мыслимЪ, а вторая общимЪ именемЪ называется Воля. И сія есть самая та, которая производитЪ вЪ насЪ всякія хотѣнія и отЪ которой всѣ наши дѣла происходятЪ.

Обѣ сіи силы хотя наитѣснѣйшимЪ образомЪ и такЪ между собою сопряжены, что одна безЪ другой, а особливо воля безЪ смысла быть никакЪ не можетЪ; и какЪ первая вЪ другой, такЪ и вторая вЪ первой взаимно дѣйствуетЪ: однако сами между собою весьма различны и дѣйствія ихЪ весьма не одинакія.

Примѣчанія достойно, что главныя сіи душевныя силы не бываютЪ никогда безЪ дѣйствія, но дѣйствуютЪ безпрестанно, и что самое сіе составляетЪ жизнь души нашей. Что сіе справедливо, то докзываютЪ наши сновидѣнія; ибо когда мы и спимЪ и

тѣло отдыхаетъ, а душа не знаетъ сего отдохновенія, но работаетъ безпрестанно, по чему мы и во снѣ мыслимъ и хотимъ.

Частныя, или единичныя дѣйствія первой силы, то есть, ума называются собственно Мыслями; а собраніе многихъ объ одной вещи мыслей Помышленіемъ; а сравненіе однихъ мыслей съ другими Разсужденіемъ. Не входя въ подробное и къ намѣренію нашему не надобное Логическое истолкованіе всѣхъ ума нашего дѣйствій, скажу только то, что сія главная сила души нашей побуждается къ дѣйствію и къ произведенію разныхъ мыслей разными причинами. Во первыхъ тайнымъ нѣкакимъ врожденнымъ побужденіемъ. Во вторыхъ наружными вещами и предметами. Въ третьихъ дѣйствіями второй силы или хотѣніями. Въ четвертыхъ наконецъ собственными своими прежними дѣйствіями.

Чтобъ сіе яснѣе изобразить, представлю примѣры. Во первыхъ нечаян-

но и безъ всякаго намѣренія происходящія иногда въ насъ мысли доказываютъ первое положеніе. Во вторыхъ, одному человѣку не случилось бы напримѣръ, никогда видѣть и слышать о славномъ плодѣ Ананасѣ и онъ не имѣлъ бы объ немъ никогда мысли. Но какъ скоро онъ его увидитъ, то и произойдетъ въ немъ мысль о Ананасѣ; слѣдовательно посторонняя сія вещь и наружной предметъ, дѣйствуя чуднымъ устроеніемъ натуры въ его чувство, зрѣніемъ называемое, принуждаетъ умъ произвесть новую и прежде не бывалую мысль о Ананасѣ; а такимъ образомъ наружныя и нами видимыя, слышимыя, вкушаемыя, обоняемыя и осязаемыя вещи и предметы производятъ и ежеминутно большую часть нашихъ мыслей. Въ третьихъ, я не помышлялъ бы теперь ни мало о ѣдѣ, а мыслилъ о другомъ, но вдругъ мнѣ захотѣлось ѣсть и тогда тотчасъ произойдутъ помышленія о пищѣ; слѣдовательно тогда хотѣніе ѣсть побуждаетъ умъ производить мысли о пищѣ. А что сіе дѣйствительно такъ: то

то всякому и то можетъ служить доказательствомъ, что когда мы похотимъ, то можемъ умъ нашъ нѣсколько часовъ сряду объ одной вещи думать заставить. Въ четвертыхъ, что самыя мысли объ одной вещи могутъ умъ нашъ побудить къ произведенію другихъ мыслей; въ томъ также доказательства дальнаго не требуется. На примѣръ, я вспомнилъ теперь Москву, такъ помышленіе объ ней произведетъ во мнѣ мысли и о Иванѣ Великомъ.

Естьли что есть чудное и непостижимое, такъ можно почесть то, что сіи единичныя дѣйствія ума или мысли, будучи однажды произведены, не престаютъ длиться долгое время: но по наступленіи другихъ мыслей, такъ сказать, только засыпаютъ и дожидаются до того времени, покуда случится уму произвесть опять новую и подобную тойже мысли, тогда тотчасъ равно какъ просыпается прежняя спящая мысль и возъимѣетъ прежнее дѣйствіе, къ которому просыпанію

можетъ умъ и такъ ее принудить. Сіе происхожденіе называется Память, а чѣмъ чаще такія одинакія объ одной вещи мысли разбужаемы бываютъ, тѣмъ живѣе и долговременнѣе, или тверже становится о томъ наша память.

Наконецъ великаго примѣчанія достойна еще одна важная сила нашего смысла, извѣстная у Философовъ подъ именемъ внутреннаго ощущенія, или свѣденія, или самая та, которую просто называемъ мы Разумомъ. Посредствомъ сей силы имѣемъ мы какъ о самихъ себѣ и о пребываніи нашемъ въ свѣтѣ, такъ и о самыхъ дѣйствующихъ въ насъ мысляхъ знаніе, и тѣмъ несказанно возвышены предъ прочими животными, которыя, по всему видимому, сей силы не имѣютъ и по тому называются безсмысленными, или свойственнѣе сказать, не разумными. Пребываніе помянутой въ смыслѣ нашемъ силы производитъ весьма великія и важныя во всѣхъ мысляхъ нашихъ дѣйствія. Какія они, о томъ было бы слишкомъ пространно говорить:

рить: и довольно, когда скажу, что все то, что мы называемъ здравымъ разсудкомъ и совершеннымъ дѣйствіемъ разума, единственно отъ ней зависитъ. Впрочемъ какая отмѣна во всѣхъ мысляхъ произойдетъ, какъ скоро дѣйствіе сей силы какимъ нибудь случаемъ пресечется, или сдѣлается ей помѣшательство имѣть полное свое дѣйствіе: то можно усмотрѣть изъ состоянія смысла въ малолѣтномъ рабенкѣ, также опьянившагося, въ горячкѣ лежащаго и бредящаго, и съ ума сшедшаго человѣка, въ которыхъ во всѣхъ послучаю главная сія сила тогда не дѣйствуетъ.

Вотъ все, что о первой силѣ души нашей для нашего намѣренія при теперешнемъ случаѣ сказать находилъ я за нужное. Но какъ не многія сіи примѣчанія для послѣдующихъ за симъ дальнѣйшихъ изслѣдованій будутъ очень важны: то да позволено мнѣ будетъ въ пользу слабыхъ и къ тонкостямъ не привыкшихъ умовъ для лучшаго удобопонятія изъяснить все сіе

 ка-

какимЪ нибудь аллегорическимЪ уподобленіемЪ.

И такЪ ежели хотѣть кому о дѣйствіяхЪ силЪ нашего смысла яснѣйшее имѣть понятіе, то надобно единичныя мысли представить себѣ вЪ вещественномЪ видѣ и вЪ подобіи нѣкакихЪ живыхЪ разнаго рода птичекЪ, которымибЪ была напримѣрЪ душа наша наполнена. Сіи птички имѣлибЪ свойство засыпать, спать и просыпаться. Большая часть изЪ нихЪ находилась бы всегда во снѣ, а не спалабЪ только самая малая и такая часть, какая по неизвѣстному намЪ устроенію души вЪ одно время дѣйствовать только можетЪ. По чему можно сказать, что сія малая часть находится всегда на работѣ и смѣняется ежеминутно другими разбужающимися птичками и по смѣнѣ засыпаетЪ. Главныя силы смысла нашего, извѣстныя подЪ именемЪ Памяти, Разсудка, Остроумія и прочихЪ тому подобныхЪ, представляли бы напримѣрЪ нѣкотораго рода начальниковЪ надЪ помянутыми птич-

птичками, и дѣйствіе ихъ состоялобъ въ томъ, чтобъ птичекъ смѣнять, будить, дѣлать между ними разборъ и сравненія, расчитать на разныя партіи, производить разныя ими екзерциціи и прочее тому подобное. Помянутая же примѣчанія наидостойнѣйшая сила, Свѣденіе, представляла бы главнаго надъ всѣми птичками начальника и учредителя, которой обо всѣхъ дѣйствующихъ и не спящихъ птичкахъ имѣетъ вѣденіе и можетъ какъ всѣми почти птичками, такъ и вышеупомянутыми нижними начальниками командовать и повелѣвать; и отъ присутствія и учрежденія сего главнаго начальника происходилъ бы весь извѣстной въ помышленіяхъ и разсужденіяхъ нашихъ порядокъ: а безъ него приходило бы все въ превеликое замѣшательство и безпорядицу. Ибо упомянутыя нижнія командиры не въ состояніи одни наблюдать весь нужной порядокъ и составлять то, что мы называемъ разумомъ.

Далѣе надобно себѣ воображать, что дѣйствіе помянутыхъ работныхъ

птичекъ состояло бы, напримѣръ, въ чрезвычайно проворномъ и разноманерномъ летанiи и въ произношенiи разныхъ гласовъ и пѣнiя и что дѣйствiя сiи начинаются того момента, какъ скоро они проснутся или разбужены будутъ. Пѣнiе бы ихъ было не обходимо для многихъ причинъ надобно, а особливо для нашихъ желанiй. Но сего довольно будетъ о первой душевной силѣ; теперъ приступимъ ко второй или Волѣ.

О сей второй и подъ именемъ Воли извѣстной силѣ примѣчается вообще, что дѣйствiя ее предполагаютъ всегда напередъ мысли и воображенiя, и распоряжаются по онымъ какъ по нѣкоей модели или обращу. Частныя, или единичныя дѣйствiя воли называются Хотѣнiями, которыя на разные роды раздѣлены быть могутъ, но здѣсь о томъ говорить будетъ пространно. Довольно когда скажу, что простое хотѣнiе не должно смѣшивать съ Желанiемъ. Первое продолжается очень не долго и престаетъ скоро,

скоро, напротивъ того Желаніемъ или Стремительствомъ называется такое хотѣніе, которое и безъ намѣренія и безъ предпріятія нашего нѣсколько времени не преставая продолжается. Напримѣръ: хотѣніе есть то, когда человѣкъ хочетъ сѣсть, лечь, встать, итти, бѣжать, что нибудь руками дѣлать и говорить; что весьма коротко продолжается и престаетъ. А желаніе управляетъ уже частными и мелкими хотѣніями и есть то, когда человѣкъ хочетъ напримѣръ богатымъ или славнымъ быть, которое хотѣніе не только одинъ часъ, но нѣсколько лѣтъ или во всю жизнь продолжается безпрерывно. Сего рода безпрерывныхъ дѣйствій или желаній находится въ душѣ нашей не только безчисленное множество, но они подвержены великой между собою многоразличности имѣютъ разныя свойства и сопряжены съ различными обстоятельствами. И какъ намъ наиболѣе до нихъ нужда, то оставляя прочее, изъяснимъ нужное къ вѣденію объ нихъ сколько можно яснѣе и подробнѣе.

КЪ достиженію сего конца необходимо надобно мнѣ употребить также какое нибудь уподобленіе, ибо безЪ того будетЪ сія матерія для иныхЪ темновата и скучна: но признаюсь, что мнѣ всего труднѣе найтить такую вещь, которая бы могла прямо и во всемЪ сЪ нашими желаніями сравнена быть. Однако сколько мнѣ кажется всего способнѣе уподобить ихЪ нѣкоторымЪ образомЪ разнаго рода звѣркамЪ, такЪ какЪ я ихЪ отЪ части уже и вЪ предслѣдующемЪ разсужденіи уподоблялЪ онымЪ. Чего ради изображу то такоюжЪ Аллегоріею.

И такЪ ежели хотите вы, дорогой читатель, о дѣйствіяхЪ воли и желаній нашихЪ и о ихЪ между собою, равно какЪ и сЪ мыслями сопряженій и разныхЪ касающихся до нихЪ обстоятельствЪ, или паче о всѣй душѣ нашей и дѣйствіи и вЪ тѣлѣ получить краткое, но ясное понятіе; то послѣдуйте за мною воображеніемЪ своимЪ вЪ слѣдующую Аллегорію.

Спер-

Сперва вообразите себѣ, чтобъ человѣкъ самъ собою представлялъ бы нѣкотораго рода Корабль, или хитрѣйшаго устроенія и изъ безчисленныхъ между собою связанныхъ машинъ составленнную и плавающую по морю вмѣстѣ съ безчисленнымъ множествомъ другихъ разнаго рода большихъ и малыхъ подобныхъ ему или не подобныхъ судовъ Мельницу.

Сей корабль управляемъ бы былъ въ своемъ плаваніи чрезъ движеніе и дѣйствіе устроенныхъ во внутренности и наружности онаго машинъ. Сіи машины имѣлибъ между собою чудное сопряженіе и въ нужнѣйшемъ между ними мѣстѣ вложена бы была нѣкая живая и отъ всѣхъ ихъ существомъ своимъ отмѣнная вещь, которую сравнимъ напримѣръ съ нѣкакимъ одушевленнымъ и во всегдашнемъ произвольномъ движеніи находящимся Каютомъ.

Кругомъ сего мѣста находились бы самоважнѣйшія машины, а отъ другихъ проведеныбъ были, равно какъ про-

проволоки и канаты, которыхЪ бы концы находились сЪ каютомЪ вЪ неизвѢстномЪ хотя намЪ, но такомЪ содержанiи, что каютЪ при каждомЪ движенiи своемЪ могЪ бы до нѢкоторыхЪ изЪ нихЪ дотрогиваться и чрезЪ то приводить машины вЪ кораблѢ вЪ дѢйствiе; а тѢмЪ и весь корабль принуждать кЪ движенiю и плаванiю.

ВотЪ краткое аллегорическое уподобленiе тому, какЪ душа наша сопряжена сЪ тѢломЪ. Все тѢло наше представляетЪ корабль, руки, ноги и всѢ прочiе члены наружные, а внутреннiя наши части, внутреннiя машины. Нервы наши, струны, веревки и канаты, а душа каюту. Теперь пойдемЪ далѢе.

Представьте себѢ далѢе, чтобЪ вЪ помянутомЪ каютѢ запертобЪ было безчисленное множество животныхЪ. Сiи животныя былибЪ двоякого рода. Одни изЪ нихЪ походилибЪ на разнаго рода ПтичекЪ, а другiя разнаго рода на ЗвѢрковЪ. И почтите первыми наши-

ши мысли, а вторыми наши хотѣнія и желанія вообще.

Все сіе сдѣлано не попустому, но для того, чтобъ нужное и многоразличное движеніе каюта, и чрезъ то дѣйствія всѣхъ машинъ и корабля зависѣлобъ отъ дѣйствія находящихся въ каютѣ звѣрковъ; а какимъ образомъ имъ дѣйствовать назначено учить ихъ птичкамъ своимъ пѣніемъ. Слѣдовательно собственными управителями долженствовалибъ быть птички, или мысли; а производителями или работниками звѣрки или хотѣнія. И сіи послѣднія не моглибъ безъ первыхъ никоимъ образомъ дѣйствовать.

Теперь представьте себѣ далѣе, что между всѣми помянутыми птичками и звѣрками устроеныбъ были отъ натуры многоразличные и преудивительные порядки и распоряженія и приданыбъ имъ были разныя свойства и совершенства.

Первое и примѣчанія достойнѣйшее распоряженіе состоялобъ въ томъ, что не

не всему оному великому множеству птичекъ и звѣрковъ назначено производить свои дѣйствія вдругъ, но только по нѣкоторому не большему количеству оныхъ разомъ съ тѣмъ, чтобъ они могли во всякое время смѣняться другими. И когда сіи дѣйствуютъ, или такъ сказать, работаютъ, тогдабъ другія находились въ такомъ состояніи, которое подобно сну. Чего ради и придана имъ способность засыпать и просыпаться, какъ о томъ уже упоминалъ и послѣ упомяну подробнѣе.

Второе распоряженіе сдѣлано такое, что для помянутаго нужнаго дѣйствованія машинами могутъ они изъ сна своего на смѣну другимъ разбужаемы быть разными образами. Во первыхъ своими собратіями, то есть птичками и звѣрками, какъ на примѣръ птички другими птицами, равно какъ и звѣрками, а звѣрки отъ части также звѣрками, но наиболѣе птичками. Во вторыхъ дѣйствіемъ машинъ въ кораблѣ находящихся и принуждающихъ

щихъ иногда весь каютъ къ принужденному и не такому движенію, какое бы ему было надобно, но къ такому, какое для сохраненія цѣлости судна не обходимо требуется. Въ третьихъ разными наружными вещами и предметами. Сіе послѣднее распоряженіе всего болѣе примѣчанія достойно и происходитъ сіе такимъ образомъ. На караблѣ снаружи находится нѣсколько особыхъ и наихитрѣйшаго устроенія машинъ, подобныхъ напримѣръ трубамъ, музыкалическимъ инструментамъ и прочему тому подобному, въ которыхъ постороннія вещи и предметы, такъ какъ бы на примѣръ, вѣтеръ, стужа, теплота и всякія вещи моглибъ производить дѣйствіе и принудить ихъ дѣлать то, къ чему они назначены. Сіи машины какъ скоро начнутъ дѣйствовать, какъ протянутыми отъ себя особыми струнами съ непостижимою скоростію простираютъ свое дѣйствіе до самаго каюта и принудивъ его къ особому движенію разбужаютъ въ немъ нѣсколкихъ птичекъ, а сіи уже разбужаютъ и звѣрковъ.

Первая изъ сихъ чудныхъ машинъ подобна нѣкакимъ двумъ Зеркаламъ и укрѣпленнымъ на поверьхости корабля въ особомъ и не подалеку отъ каюта находящемся мѣстѣ, и устроеніе которой всего для насъ чуднѣе. Въ нихъ изображаются всѣ наружныя и постороннія вещи, мимо которыхъ кораблю плыть случится, равно какъ въ зеркалѣ. Но удивительно то, что сіе изображеніе, какъ молнія, добѣгаетъ того момента до каюта и разбужаетъ тамъ такую птичку, какая той вещи свойственна, которая въ зеркалахъ изображается. Сія машина извѣстна подъ именемъ чувства Зрѣнія, а зеркала подъ именемъ Глазъ.

Другая подобна нѣкакимъ двумъ трубамъ или волторнамъ придѣланнымъ къ кораблю также въ особыхъ мѣстахъ неподалеку отъ каюта. Въ сихъ производитъ дѣйствіе всякой звукъ и отъ того произходитъ то, что мы называемъ Слышаніемъ. Машины сіи, извѣстныя подъ именемъ Ушей, для корабля весьма нужны и разбужаютъ

очень

очень часто находящихся въ каютѣ птичекъ и звѣрковъ.

Третья подобна двумъ нѣкакого рода мѣхамъ или насосамъ и чрезъ посредство ихъ можемъ мы нюхать и обонять, а душа получать о томъ мысли, что дурно и что хорошо пахнетъ. Легко можно догадаться, что сіе говорится о Носѣ и Ноздряхъ.

Четвертая подобна нѣкакому не большему движущемуся рульку или лопаточкѣ, сдѣланной для разныхъ и весьма нужныхъ употребленій. Сія лопаточка покрыта многими кожами и убита нѣжными и такого особаго устроенія гвоздиками, что не успѣетъ какая вещь до нихъ дотронуться, какъ дѣйствіе того простирается того момента до души и производитъ въ ней мысли, сладка ли или горька, пресна ли или кисла, или какой вкусъ имѣетъ та вещь.

Пятая и чудная машина состоитъ въ нѣкакой особой и чуднаго устроенія

нія кожѣ, которою снаружи все судно обтянуто и подъ которою находится безчисленное множество маленькихъ гвоздиковъ, или бородавочекъ, изъ которыхъ отъ каждой протянуты струнки, и какъ скоро какая вещь къ кожѣ прикоснется, какъ дѣйствіе по струнѣ простирается до каюта и разбужаетъ въ немъ мысль о той вещи и производитъ знаніе крѣпка ли или мягка, тепла ли или студена, гладка ли или корява та вещь, что все извѣстно подъ именемъ Осязанія.

Третье расположеніе состоитъ въ томъ, что между птичками и звѣрками учреждены нѣкакого рода нижнія и вышнія начальства, отмѣнныя у птицъ, отмѣнныя у звѣрковъ. У сихъ властей и начальниковъ состоятъ прочія, а особливо работающія, равно какъ подъ командою и ими управляются, разбужаются, смѣняются и къ работѣ принуждаются.

Начальниковъ надъ птичками, какъ выше уже упомянуто, не много. Глав-

Главнѣйшіе изъ нижнихъ извѣстны подъ именемъ Памяти, Разсудка и Остроумія, или Изобрѣтательной Силы, и всѣмъ имъ поручены разныя должности. Перваго изъ нихъ можно уподобить равно какъ нѣкакому Нарядчику, которой имѣетъ въ вѣдомствѣ своемъ тѣхъ птичекъ, которыя не спятъ и бываютъ на работѣ и можетъ ихъ удержать долѣе на работѣ, или ушедшихъ опять возвратить, также изъ спящихъ наряжать какія на смѣну другимъ надобны и прочее тому подобное.

Втораго можно уподобить равно какъ Старостѣ или Адьютанту и должность его весьма важная. Онъ долженъ узнавать и осматривать каждую на работу пришедшую птичку, отличать одну отъ другой, также учреждать порядки при работахъ и назначивать каждой, что дѣлать и прочее многое.

Третьяго можно уподобить Прожектиру и онъ долженъ упражняться въ выдумываніи и изобрѣтеніи лучшихъ и способнѣйшихъ средствъ къ

произведенію всѣхъ наружныхъ дѣлъ корабля, или помышлять о томъ, куда бы судну лучше плыть и какъ бы лучше и способнѣе и скорѣе какое дѣло въ дѣйство произвесть можно было. Въ случающихся между птичками его лекціяхъ или экзерциціяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ Размышленій и Разсужденій, имѣетъ онъ особое и великое участіе.

Сіи суть наиглавнѣйшіе нижніе начальники, однако есть и кромѣ ихъ другіе, о которыхъ въ подробности упоминать было бы слишкомъ пространно.

Надъ всѣми сими есть наконецъ, какъ выше уже упомянуто, главной начальникъ, котораго уподобить можно Генералу или самому Владѣтелю. Сей извѣстенъ подъ именемъ Свѣденія или Разума. Онъ имѣетъ полную власть надъ птичками, и скольваженъ, о томъ изъяснился я уже выше. Чего ради не повторяя того упомяну только, что не всѣ птички состоятъ

подъ

подЪ его командою; но есть нѣкоторыя, надЪ которыми не имѣетЪ онЪ никакой власти, да и знанія обЪ нихЪ не имѣетЪ, а именно тѣ, которыя должность имѣютЪ разбужать тѣхЪ звѣрковЪ, отЪ которыхЪ дѣйствій зависитЪ дѣйствіе внутреннихЪ машинЪ вЪ караблѣ, и сіе для того, чтобЪ не надѣлалЪ онЪ безпорядковЪ. Кромѣ сего надобно еще замѣтить, что онЪ великую власть имѣетЪ и надЪ звѣрками и долженЪ имѣть о сохраненіи надлежащаго между оными порядка всегдашнее попеченіе.

Что касается до звѣрковЪ, то начальства у нихЪ отмѣнны уже отЪ птичьихЪ и походятЪ болѣе на семейства. ИхЪ находится превеликое множество, но поименно изчислять ихЪ теперь не для чего, для того что о томЪ будетЪ послѣ вЪ особомЪ разсужденіи подробно говорено. А здѣсь упомяну я только то, что вообще до нихЪ касается и скажу, что они-то собственно суть наши многоразличныя желанія, управляющія хотѣніями какЪ

мѣлкими и работными звѣрками, и что надъ всѣми ими есть также главной начальникъ подобной равно какъ Генералу. Сей начальникъ извѣстенъ подъ именемъ Свободности или Произвола и таковъ же важенъ у звѣрковъ, какъ разумъ у птичекъ. Онъ можетъ ими управлять, ихъ разбужать, усыплять, приказывать и запрещать работать по своему произволенію и производить многія другія важныя дѣйствія; однимъ словомъ всѣми звѣрками и самыми птичками командовать и употреблять ихъ на свои надобности. Посредствомъ сего-то важнаго звѣря можетъ судно плавать, куда оно само хочетъ и то дѣлать, что пожелаетъ, а не принужденно. Коротко, сіи-то оба главные начальники надъ птичками и звѣрками, или надъ мыслями и хотѣніями, то есть, Разумъ и Произволъ, и даютъ намъ надъ скотами не изреченное преимущество и производятъ то, что мы можемъ всѣ наши дѣла произвольно, а не принужденно дѣлать, и потому способны къ награжденію и нака-

казанію. А всего болѣе примѣчанія достойно, что для нихъ-то собственно и души наши безсмертны и никогда умереть и уничтожиться не могутъ.

Четвертое устроеніе состоитъ въ томъ, что всѣ нижніе начальники звѣрковъ, или желанія имѣютъ разнаго рода свойства. И какъ сей пунктъ есть самой тотъ, которой наиболѣе примѣчанія достоинъ и о которомъ подробное знаніе не обходимо для послѣдствія въ сей книгѣ надобно: то поговоримъ о томъ нѣсколько пространнѣе и познакомимся чрезъ то короче съ сими внутренними въ насъ жильцами.

I.

Первое свойство всѣхъ желаній нашихъ, или какъ мы ихъ назвали начальствующихъ звѣрковъ, состоитъ въ томъ, что они могутъ спать и разбужаемы быть такъ, какъ о томъ уже прежде отъ части было упоминаемо. Спятъ они тогда, когда имъ не дается воля властвовать надъ работника-

ми и самимъ работать, и когда на работѣ другіе ихъ братія такіе же звѣрки находятся и командуютъ хотѣніями. Большая часть изъ нихъ не имѣетъ къ тому опредѣленнаго и назначеннаго времени, но спятъ до тѣхъ поръ, покуда по какому нибудь случаю разбужены будутъ. Разбужаются же они, какъ выше упомянуто, пѣніемъ птичекъ, или дѣйствіемъ мыслей, а иногда и другими звѣрками, однако чрезъ посредство же мыслей: то есть одни звѣрки разбудятъ птичекъ, а сіи уже другихъ звѣрковъ.

2.

Второе свойство состоитъ въ томъ, что желанія наши, или такъ названныя звѣрки всегда голодны и хотятъ и могутъ насыщаемы быть. Какъ они сами не вещественныя, а духовныя вещи и только дѣйствія силъ душевныхъ суть: то натурально и пища ихъ должна быть духовная и не вещественная. Сія пища состоитъ въ произшествіи нѣкоторыхъ дѣлъ и перемѣнъ между посторонними вещами, къ кото-

которымъ собственно каждое желанiе устремляется. Ибо каждое желанiе, или звѣрокъ имѣетъ собственной и особливой себѣ только одному свойственной предметъ, къ которому онъ стремится. Какъ напримѣръ, иной стремится или желаетъ того, чтобъ весь корабль имѣлъ болѣе въ себѣ наружныхъ совершенствъ и украшенiй. Другой чтобъ снабженъ онъ былъ нужными матерiалами и снарядами. Третей, чтобъ сей корабль другiе корабли почитали, его слушались дѣлали ему угодность и не дѣлалибъ вреда и такъ далѣе, или простѣе говоря: иной имѣетъ предметомъ себѣ честь, иной почтенiе, иной богатство, иной роскошь и такъ далѣе. И когда то произойдетъ, или исполнится, къ чему онъ стремится, тогда звѣрокъ на время становится сытъ или насыщается. Примѣчанiя достойно, что сдѣлано отъ натуры уже такое учрежденiе, что съ симъ насыщенiемъ сопряжено уже для звѣрка великое удовольствiе и радость, и потому всякой разъ, какъ исполнится то, чего онъ желаетъ, чувствуетъ онъ великое весе-

ліе и отъ того равно какъ прыгаетъ, веселится и играетъ. Отъ самаго того, какъ я уже прежде изъяснилъ, и происходятъ всѣ наши удовольствія, радости и утѣхи. Однако надобно знать, сіе насыщеніе и сопряженная съ тѣмъ радость, не долго продолжается, но велика только съ начала, а потомъ мало по малу начнетъ уменьшаться и дойдетъ до того, что голодъ опять появившись начинаетъ свое дѣйствіе и звѣрки безпокоятъ.

3.

Третье свойство желаній нашихъ состоитъ въ томъ, что всякой изъ помянутыхъ звѣрковъ какъ съ одной стороны чрезвычайно любитъ то, къ чему онъ стремится, напротивъ того смертельно ненавидитъ противнаго. И такъ; естьли воспослѣдуетъ тому произшествію, котораго онъ желаетъ, совсѣмъ противное: то чувствуетъ онъ превеликое прискорбіе и приходитъ въ такое состояніе, какъ бы его кто билъ и дразнилъ, отъ чего мечется, рычитъ, вижжитъ и сердится онъ. Сіе

какъ

какъ я и прежде о томъ упоминалъ, извѣстно подъ именемъ Раздраженія или Неудовольствованія нашихъ желаній. Легко можно заключить, что и сіе непріятное состояніе равномѣрно не долго продолжается, но также только съ начала бываетъ сильно, а потомъ мало помалу ослабѣваетъ и звѣрокъ возвращается въ прежнее свое состояніе. А что отъ самаго сего раздраженія желаній всѣ наши горести, печали и неудовольствія проистекаютъ, о томъ имѣлъ я случай упоминать прежде, а чѣмъ они могутъ уменьшаемы быть и звѣрокъ скорѣе въ прежнее состояніе приведенъ быть, о томъ въ послѣдствіи и при концѣ сей книги довольно говорено будетъ.

4.

Четвертое свойство желаній нашихъ состоитъ въ томъ, что они могутъ успокоеваемы или усмиряемы быть. То есть помянутые звѣрки въ такое состояніе приводимы быть, чтобъ они не сыты и не голодны были; слѣдовательно ни веселія, ни прискор-

скорбія не чувствовали, но находились бы въ среднемъ или спокойномъ состояніи. Происходитъ сіе отъ того, естьли то произшествіе, къ которому звѣрокъ, или желаніе стремится, хотя не исполняется, однако и противнаго ему не произходитъ, а напротивъ того надежда есть, что желаніе его когда нибудь совершится. Сіе среднее и подъ именемъ Спокойства извѣстное состояніе можно уподобить тому, какъ бы кто сталъ звѣрка гладить, ласкать и увѣрять, что онъ насыщенъ современемъ будетъ, а толькобъ потерпѣлъ и погодилъ. Отъ чего онъ сдѣлается смиренъ и не станетъ метаться, такъ какъ во время голода дѣлаетъ. Какимъ образомъ въ сіе состояніе ихъ приводить можно, о томъ теперь не упоминаю, для того что о семъ какъ весьма важномъ пунктѣ послѣ въ особливости и пространно говорено будетъ.

Всѣ сіи три послѣднія свойства великагo примѣчанія достойны; ибо на нихъ какъ на нѣкоемъ фундаментѣ

тѣ вся связь зданія сей книги оснуется, по чему не излишнимъ я почелъ повторить сіе, не смотря хотя я о томъ упоминалъ уже въ предслѣдующихъ разсужденіяхъ.

5.

Какъ изъ всего помянутаго явствуетъ, что всѣ сколько ни есть въ насъ звѣрковъ, или желаній отъ натуры голодни и хотятъ быть насыщаемы и веселы. Въ веселіижъ состоитъ существо благополучія: то побочнымъ образомъ происходитъ отъ того, что всѣ желанія имѣютъ стремительство къ веселію или благополучію. Изъ сего не трудно теперь усмотрѣть, отъ чего то происходитъ, что всѣ люди какогобъ они состоянія ни были, хотятъ благополучными быть, и ни одинъ изъ нихъ не хочетъ быть несчастнымъ. Ибо каковыбъ они ни были, но во всякое время дѣйствуетъ въ нихъ множество желаній, которыя всѣ какогобъ рода ни были, хотятъ насыщенія и ненавидятъ противнаго.

6.

КакЪ описанное выше сего насыщеніе желаній или звѣрковЪ можетЪ производимо быть двоякимЪ образомЪ: то есть происходитЪ либо отЪ произшествій между посторонними вещами относящимися кЪ пользѣ всего судна, или человѣка безЪ чувствительнаго его кЪ тому содѣйствія, напримѣрЪ, отЪ чести, почтенія и прочаго тому подобнаго, либо отЪ такихЪ произшествій, которымЪ корабль своимЪ плаваніемЪ и дѣйствіемЪ, или человѣкЪ самЪ своими разными дѣлами поспѣшествовать долженЪ и для того самЪ трудиться, напримѣрЪ снабдѣвать себя пищею, снискивать разными образами богатство и прочее тому подобное. ВсѣжЪ сіи дѣла, какЪ изЪ вышеписаннаго явствуетЪ, должны зависѣть отЪ движенія каюта, или души; а душу вЪ движеніе приводить должны желанія или часто помянутые звѣрки: то и произходитЪ отЪ того натуральное слѣдствіе, что многимЪ звѣркамЪ для насыщенія своего должно самимЪ трудиться и такЪ сказать работать. Для сей причины на-

натура и вродила имъ шестое свойство состоящее въ томъ, что имѣютъ они склонность къ трудолюбiю или къ упражненiю и не любятъ быть безъ дѣла. Сiя приноситъ уже то съ собою, что всякой звѣрокъ не успѣетъ проснуться, какъ стремится уже къ дѣлу и не хочетъ быть празднымъ, но старается всегда быть въ дѣлѣ, управлять хотѣнiями и самъ работать и дѣйствовать каютомъ и чрезъ него такими машинами въ суднѣ, какихъ дѣйствiе къ намѣренiю его надобно: то есть принуждать человѣка ходить, ѣздить и другiя разныя дѣла дѣлать и предпринимать, какiя потребны для произведенiя того въ дѣйство, чего онъ желаетъ.

7.

Седмое свойство желанiй нашихъ, или душевныхъ звѣрковъ состоитъ въ томъ, что они не хотятъ, чтобъ работа и труды ихъ пропадали тщетно и предприниманыбъ были по пустому. Отъ чего и произходитъ оное натуральное и всякому человѣку

вѣку свойственное неудовольствіе, которое онъ чувствуетъ въ то время, когда дѣла его не идутъ впрокъ и ими недостигается до желаемаго, а напротивъ того удовольствіе, когда дѣла его имѣютъ успѣхъ вожделѣнной.

8.

Осьмое и великаго примѣчанія достойное свойство желаній нашихъ состоитъ въ томъ, что они или помянутые душевные звѣрки могутъ портиться или баловаться, то есть, изъ хорошихъ и добронравныхъ дѣлаться злонравными и негодными. Для изъясненія сего надобно мнѣ сказать, что между ними натура устроила сперва наилучшей порядокъ. Всѣ они не только хорошими и добронравными произведены, но сдѣлано между ними такое распоряженіе, чтобъ одни изъ нихъ повиновались другимъ, а сіи находились подъ властію у третьихъ и такъ далѣе, а всѣ они жилибъ между собою въ мирѣ, любви и согласіи и всѣ совокупно былибъ въ совершенномъ повиновеніи у обоихъ главныхъ начальни-

никовъ судна Разума и Свободности или Произвола, которымъ обѣимъ придана была довольная способность управлять ими какъ надобно и не давать ни которому излишней воли, а наблюдать между ними такой порядокъ, чтобъ всѣ они могли получать свое насыщенiе и человѣкъ наслаждалсябъ отъ того безпрерывнымъ веселiемъ и чрезъ то наисовершеннѣйшимъ благополучiемъ. Но по нѣкоему несчастному для всего человѣческаго рода случаю, о которомъ послѣ упомянется, нарушился весь сей въ душѣ натуральной порядокъ и сдѣлалась превеликая между ними разстройка и замѣшательство и отъ того началась безпрерывная междоусобная между ними брань и война. Иные звѣрки начали между собою заводить разныя и вредныя всему обществу партiи. Другiе будучи назначены быть нижними начальниками захотѣли быть вышними и похитить власть у самыхъ главныхъ и чрезъ то сдѣлаться мятежниками и бунтовщиками, а не успѣли получить всю власть какъ не будучи произведе-

ны къ правительству и не умѣя порядочно управлять судномъ подали и подаютъ поводы къ произшествію превеликихъ внутреннихъ и наружныхъ нестроеній, беспокойствъ и замѣшательствъ и чрезъ то ввергаютъ его въ превеликія бѣдствія и напасти и не рѣдко доводятъ оное прежде времени до самой погибели. Въ таковомъ то несчастномъ состояніи родимся уже мы нынѣ и отъ того болѣе и произходятъ всѣ наши бѣды, напасти, несчастія и все то, на что мы въ жизнь нашу жалуемся. Отъ чего все сіе дѣлается и какъ они балуются, изъяснится изъ описанія послѣдующаго девятаго желаній нашихъ свойства.

9.

Всѣ помянутые безпорядки и замѣшательства происходятъ нынѣ отъ того, что желанія наши или душевные звѣрки имѣютъ натуральное свойство состоящее въ томъ, что они могутъ увеличиваться и уменьшаться. Сіе свойство превеличайшаго примѣчанія

чанія достойно, по чему желалъ бы я, чтобъ вы, дорогой читатель, всѣ касающіяся до него обстоятельства въ особливости замѣтили. Для васъ сіе будетъ очень нужно и полезно; ибо я хочу вамъ теперь аллегорическимъ образомъ изъяснить, отъ чего происходятъ и какимъ образомъ дѣлаются въ насъ Склонности, Привычки и Страсти, и чрезъ то познакомить васъ ближе съ сими всегдашними внутренними и толь для насъ пагубными нашими злодѣями и врагами, дабы вы узнавъ ихъ натуру и всѣ касающіяся до нихъ обстоятельства, могли естьли пожелаете скорѣе съ ними сладить и сдѣлаться надъ ними господиномъ.

И такъ вообразите себѣ, что всѣ наши или по крайней мѣрѣ большая часть желаній или звѣрковъ имѣлибъ такое свойство, что моглибъ сами собою увеличиваться и уменьшаться, или изъ маленькихъ звѣрковъ, равно какъ раздуваясь, дѣлаться большими звѣрями, а изъ большихъ сжимаясь дѣ-

латься маленькими. Сіе увеличиваніе произходило бы такимъ образомъ. Всякой разъ какъ ни случится звѣрку проснуться и начать свое дѣйствіе, какъ начинаетъ онъ увеличиваться или раздуваться и увеличивается съ каждою минутою болѣе во все то время, покуда онъ не спитъ и работаетъ, что продолжается до тѣхъ поръ, покуда онъ опять заснетъ; слѣдовательно дѣлается онъ тѣмъ болѣе, чѣмъ долѣе бодрствовалъ и работалъ. Напротивъ того какъ скоро дѣйствіе его пресѣчется и онъ принужденъ будетъ не имѣя дѣла заснуть, или къ тому другими звѣрками принужденъ будетъ: то не успѣетъ заснуть, какъ съ той минуты начинаетъ онъ такимъ же образомъ ежеминутно, но гораздо уже медлѣннѣе и тише уменьшаться. Сіе уменьшеніе продолжается постепенно во все то время, покуда онъ спитъ, и естьли на то довольное время ему дастся: то приходитъ онъ въ прежнее свое состояніе и въ природную свою величину. Напротивъ того естьли столько времени спать ему не удастся, а

какимЪ нибудь случаемЪ онЪ разбуженЪ будетЪ прежде: то просыпается уже онЪ вЪ такой величинѣ вЪ какой тогда его застанутЪ. Слѣдовательно чѣмЪ скорѣе его разбудятЪ, тѣмЪ величайшимЪ онЪ и проснется. А какЪ онЪ и во время вторичнаго дѣйствованiя такимЪ же образомЪ вновь увеличиваться долженЪ, а вЪ немЪ еще отЪ прежней прибавочной величины есть великой остатокЪ; то натурально уже слѣдуетЪ, что ему при вторичномЪ дѣйствiи, а особливо естьли оно столькожЪ времени продолжится, надобно будетЪ уже болѣе и такЪ сказать втрое противЪ натуральной своей величины увеличиться; слѣдовательно и заснувЪ надобно ему уже втрое болѣе имѣть времени противЪ прежняго для пришествiя вЪ природную свою мализну. Однако онЪ придетЪ, естьли довольно времени имѣть будетЪ. Когда же до того не допустится и послучаю опять вскорѣ разбуженЪ будетЪ: то проснувшись уже нарочитой величины во время третичнаго дѣйствiя увеличится онЪ уже не

сравненно болѣе противЪ прежняго; а вЪ четвертой разЪ еще того болѣе; вЪ пятой еще больше и такЪ далѣе. И естьли послучаю онЪ часто будится, долго дѣйствовать, а мало спать и отдыхать будетЪ: то сіе увеличиваніе продлится до того, покуда онЪ вЪ такую величину дойдетЪ, какой больше ему имѣть по распоряженію натуры не можно.

ВотЪ законЪ, которой для увеличиванія и уменьшенія предписанЪ нашимЪ желаніямЪ отЪ натуры. Но какЪ сіе весьма важное и наивеличайшаго примѣчанія достойное дѣло: то для способнѣйшаго сего напоминанія вообразимЪ все сіе вЪ какомЪ нибудь увеличенномЪ видѣ. ПоложимЪ на примѣрЪ, чтобЪ желанія наши или звѣрки вЪ вЪ натуральномЪ своемЪ состояніи были всѣ величиною противу самой маленькой мушки или букашки, а самая большая величина была бы напримѣрЪ противЪ слона. Теперь слѣдуя вышеупомянутымЪ правиламЪ станемЪ смотрѣть, какЪ они изЪ мушки могутЪ сдѣлаться слонами. При

При первомъ дѣйствіи положимъ напримѣръ, чтобъ звѣрокъ или мушка не болѣе увеличился какъ съ пчелку. Сія пчелка должна опять мало помалу начать уменьшаться какъ скоро дѣйствіе желанія окончится или звѣрокъ заснетъ. Она и уменьшится и звѣрокъ сдѣлается опять съ мушку, естьли только дастся ему довольное время спать: а когда онъ до того дойдетъ, то натурально и проснется онъ опять, ежели разбуженъ когда будетъ не съ пчелку, а съ мушку величиною. Но какъ сіе произходитъ уже гораздо медлѣннѣе, и къ такому уменьшенію времени не сравнено болѣе противъ того надобно, во сколько онъ увеличивался: то не рѣдко бываетъ, что звѣрокъ далеко до того еще не допускается, но разбужается прежде времени и часто тогда, когда онъ только началъ уменьшаться и съ полупчелку еще не сдѣлался: то есть очень въ скоромъ времени послѣ перваго дѣйствія или отъ скоропослѣдующаго повторенія человѣкомъ самаго тогожъ дѣла: то натурально долженъ онъ и проснуться въ

такой величинѣ, въ какой его застанутъ, напримѣръ въ половину, въ двѣ или одну треть пчелки. При второмъ дѣйствіи увеличившись сдѣлается уже онъ величиною противъ большаго жука. Теперь легко можно разсудить, что когда изъ пчелки сдѣлаться мушкою требовалось долговременнаго сна, то заснувъ величиною съ жука, натурально надобно имѣть ему уже гораздо болѣе времени, буде хотѣть сдѣлаться мушкою, и когда въ первомъ случаѣ было напримѣръ довольно къ тому одного дня времени: то во второмъ и трехъ дней къ тому уже мало. Естьлижъ и въ сей разъ онъ вскорѣ и величиною напримѣръ противъ шершня разбуженъ будетъ и начнетъ опять дѣйствовать: то при семъ третьемъ дѣйствіи сдѣлается уже онъ величиною съ не большую птичку или маленькаго какого звѣрка, напримѣръ съ мышъ, изъ которой заснувъ по прежнему съ мушку сдѣлаться ему и подавно не таково способно, какъ изъ пчелки и къ тому уже гораздо должайшее время и уже нѣсколькихъ недѣль надо-

добно. Естьлижъ онъ и впредъ всегда часто будетъ разбуживаемъ и ему мало будетъ даваться времени спать и уменьшаться: то въ четвертой разъ сдѣлается уже онъ величиною противъ крысы, въ пятой съ хомяка, въ шестой съ кролика, въ седмой съ кошку, въ осьмой съ зайца, тамъ съ лисицу, послѣ того съ собаку, тамъ съ теленка, за тѣмъ съ медвѣдя, послѣ того съ буйвола, а за тѣмъ съ лошадь, а потомъ съ верблюда и такъ далѣе покуда наконецъ дойдетъ до того, что съ слономъ сравняется и не въ состояніи уже будетъ болѣе увеличиться. Тогда просыпается уже онъ во всякое время въ одинаковой величинѣ и болѣе уже почти не увеличивается, кромѣ того что потерянную во время сна часть величины своей *опять* возвращаетъ. И такое-то слишкомъ увеличившееся желаніе, естьли оно хорошее или еще не гораздо увеличилось и называется Привычною, а ежели худое и слишкомъ уже увеличилось Страстью. Теперь не трудно уже всякому усмотрѣть, отъ чего то дѣлается, что отъ маленькихъ

и не большихъ привычекъ мы гораздо въ скорѣйшее время отвыкнуть можемъ, нежели отъ большихъ и самыхъ страстей нашихъ, которыя въ насъ и воздержаніе многихъ лѣтъ совсѣмъ истребить не можетъ. Ибо хотя то и правда, что и слонъ самъ собою сдѣлается по прежнему мушкою, естьлибъ только онъ никогда не могъ быть разбуживаемъ: но спалъ бы такъ долго, чтобъ мало помалу уменьшаясь сдѣлался сперва съ верблюда, тамъ съ лошадь, тамъ съ собаку и наконецъ съ мушку, какъ то мы изъ опытовъ видимъ, какъ напримѣръ, что и самая сильная любовная страсть чрезъ долговремянную отлучку сама собою совсѣмъ почти истребляется. Но какъ сіе очень рѣдко случается, а сверьхъ того чѣмъ болѣе становится звѣрь, тѣмъ меньше имѣетъ охоты спать и болѣе къ дѣйствованію: то натурально всякая безделица можетъ его уже разбудить и многіе найтиться къ тому случаи. А нужно только ему проснуться, какъ побывавъ уже однажды великимъ, захочетъ онъ опять такимъ же или еще вели-

величайшимъ сдѣлаться, и потому уже гораздо скорѣе и способнѣе увеличиваться и потерянную чрезъ сонъ величину возвратить можетъ. Вотъ причина почему отвыкшіе отъ чего нибудь легко и скоро опять къ томужъ привыкаютъ, что въ особливости въ разсужденіи худыхъ страстей примѣтно.

Изъ всего вышеписаннаго слѣдуетъ само собою, что находящіяся въ насъ въ безчисленномъ множествѣ желанія никогда не могутъ быть одинакой величины, но величина ихъ ежедневно уменьшается или увеличивается. Иныя изъ нихъ велики, другія меньше, а третьи тѣхъ меньше и такъ далѣе и между всѣми произходитъ всегдашняя перемѣна.

Теперь надобно мнѣ далѣе изъяснить, отъ чего то дѣлается, что намъ страсти свои преодолѣвать всегда великаго труда стоитъ, а иногда совсѣмъ почти не возможно. Сіе не трудно мнѣ уже теперь учинить. Ибо нуж-

нужно только знать, что всякое желаніе имѣетъ свойство тѣмъ сильнѣе дѣйствовать, чѣмъ оно или помянутой звѣрокъ будетъ больше. Когда звѣрокъ еще малъ и напримѣръ съ пчелку, тогда дѣйствуетъ онъ очень слабо и едва только въ состояніи душу приводить въ движеніе и принуждать человѣка къ дѣлу, и когда проснется, то никакого труда не стоитъ его и преодолѣть или заставить его опять спать, буде то надобно. Ибо въ семъ случаѣ можемъ мы пользоваться находящимся въ душѣ нашей главнымъ надъ всѣми желаніями командиромъ или Генераломъ, о которомъ упомянулъ я уже выше и которой подъ именемъ Произвола извѣстенъ. Сія драгоцѣнная сила или знаменитѣйшей и отмѣнной отъ всѣхъ прочихъ звѣрокъ можетъ въ одинъ мигъ принудить проснувшагося звѣрка заснуть и перестать дѣйствовать. Когда же звѣрокъ уже болѣе величиною и напримѣръ съ хомяка: тогда дѣйствуетъ уже онъ не сравненно сильнѣе и въ состояніи гораздо скорѣе принудить человѣка къ какому нибудь

будь свойственному себѣ дѣлу. Однако и тогда можно еще будетъ его безъ дальнаго труда преодолѣть, естьли только мы похощемъ. Правда, начальствующему звѣрку, то есть произволу хотя уже и множайшаго труда будетъ стоить, его принудить силою ко сну и къ уменьшенію, однако все еще онъ его одолѣть и имъ повелѣвать можетъ: и сіе даже до тѣхъ поръ покуда звѣрокъ не сравняется уже величиною своею противъ самаго его. Ибо надобно знать, что и самой сей желаній нашихъ повелитель имѣетъ отъ части такоежъ свойство увеличиваться и уменьшаться и дѣлаться слабѣе и дюжѣе, хотя гораздо съ меньшею скоростію и способностію, нежели прочія и болѣе находится въ одинакомъ состояніи и величинѣ. Для лучшаго усмотренія надобно намъ и ему какую нибудь примѣрную величину опредѣлить. И такъ пускай сей Генералъ звѣрокъ былъ бы величиною только со льва. Изъ сего не трудно уже усмотрѣть, что ему или лучше сказать самому человѣку до тѣхъ

толь-

только поръ всѣми желаніями своими повелѣвать и по своему хотѣнію ими распоряжать можно, покуда ни которое изъ нихъ величиною своею не превзойдетъ величины льва. Какъ скоро которое нибудь сравняется съ нимъ, тогда льву хотя и можно такого звѣрка преодолѣть, однако уже не добромъ, а силою и принужденіемъ. Таковой звѣрокъ дѣлается уже нѣкоторымъ образомъ подобенъ бунтовщикамъ и мятежникамъ и не много смотритъ на повелѣніе своего начальника: но возгордясь хочетъ уже самъ быть большимъ и сдѣлаться надъ всѣми повелителемъ, и левъ или произволъ принужденъ уже съ нимъ драться и силою принуждать къ чему надобно. Но все сіе не составляетъ еще дальней важности. Звѣрокъ находится еще въ опредѣленномъ своемъ мѣстѣ и сидитъ какъ въ назначенной конурѣ или будкѣ на цѣпи; слѣдовательно произволъ хотя съ трудомъ, а можетъ его преодолѣть. Но какъ скоро звѣрокъ сдѣлается уже гораздо болѣе льва и напримѣръ съ медвѣдя или барса, тогда полу-

получаетъ онъ великую перемѣну. Онъ выдирается изъ своей кануры, гдѣ за величиною своею умѣститься не можетъ, срывается силою своею съ цѣпи и дѣлается уже явнымъ бунтовщикомъ и такимъ беспокойнымъ мятежникомъ, съ которымъ уже и левъ сладить не можетъ. Ибо онъ противъ его сдѣлается уже безсиленъ, но звѣрокъ похищаетъ у него власть и начинаетъ уже по своему хотѣнію повелѣвать и властвовать надъ прочими хотѣніями и желаніями. Однимъ словомъ вся республика звѣрей и птицъ получаетъ тогда иной видъ и приходитъ въ превеликой безпорядокъ и замѣшательство, которое тѣмъ бываетъ больше, чѣмъ безсмысленнѣе и глупѣе тотъ звѣрь, которому симъ образомъ увеличиться и верьховную власть беззаконно получить случится. И тогда собственно получаетъ такой звѣрь имя Господствующей страсти и владычествуетъ надъ всею душею, а вкупѣ надъ всѣмъ человѣкомъ, то есть угнѣтаетъ въ немъ всѣ другія склонности и желанія, кои его меньше, не даетъ

имъ

имъ не только дѣйствовать, но и въ появъ появиться, и принуждаетъ по неволѣ человѣка то только одно наиболѣе дѣлать, къ чему онъ стремится. И тогда не успѣетъ такой сильной звѣрь проснуться, какъ не можетъ уже человѣкъ его преодолѣть, но дѣлаетъ и предпринимаетъ то, что къ насыщенію той страсти служитъ. И несчастливъ тотъ человѣкъ, въ которомъ много такихъ господствующихъ бунтовщиковъ находится!

Вотъ произхожденіе страстей нашихъ! Однако не должно думать, чтобъ сіе зло вовся было не изцѣльно, но есть средства, которыми и такое сильное и слишкомъ увеличившееся стремленіе низложить, и когда не совсѣмъ истребить, такъ до того довесть можно, чтобъ оно состояло въ повелѣніи у свободности или нашего произвола. Нужно только человѣку твердое принять намѣреніе и приступивъ къ тому какъ надобно наблюдать нѣкія особыя правила. Но было бы съ слишкомъ пространно, естьлибъ

хотѣлъ я теперь о томъ въ пространствѣ говорить. Въ переди будетъ къ тому наилучшей случай; чего ради оставляю то до того времени.

10.

Десятое и великагожъ примѣчанія достойное свойство нашихъ желаній состоитъ въ томъ, что изъ одного желанія могутъ другія желанія происходить или родиться. Ежели изъяснить сіе тою же Аллегоріею: то можно сказать, что часто помянутые звѣрки имѣютъ свойство раждать отъ себя дѣтей, внучатъ и правнучатъ и тѣмъ размножать родъ свой въ великомъ множествѣ. Многимъ покажется сіе смѣшно и удивительно, однако это справедливо и примѣчанія доказываютъ намъ почти очевидно, что многія желанія происходятъ отъ другихъ, тѣ отъ третьихъ и такъ далѣе, покуда дойдемъ до первоначальныхъ или самыхъ матерій, которыя вмѣстѣ съ нами уже родятся и ни отъ какихъ другихъ не происходятъ и для того въ отмѣну другимъ на-

званы Коренными Стремительствами. Таковыхъ начальныхъ или природныхъ желаній или звѣрковъ въ насъ очень мало, а большая часть уже послѣ родившихся или всякой день вновь раждающихся. Какія они, о томъ буду я говорить послѣ, а теперь только скажу, что въ разсужденіи рожденія оныхъ и другихъ касающихся до нихъ обстоятельствъ примѣчается нѣсколько весьма достопамятныхъ вещей, а именно:

1.) Рожденіе новыхъ желаній происходитъ не прежде какъ въ то время, когда старое желаніе или звѣрокъ послучаю получитъ уже довольную величину, а когда еще малъ, тогда онъ къ тому не способенъ. И такъ всякому желанію надобно сдѣлаться напередъ великому, буде хотѣть, чтобъ онъ производилъ дѣтей.

2.) Чѣмъ больше звѣрокъ, тѣмъ мнсжайшихъ можетъ онъ и дѣтей производить, однако не болѣе сколько имъ натура опредѣлила.

3.) Сіи рожденные звѣрки или изъ другихъ произшедшія желанія, питаются сначала своею матерью и вмѣстѣ съ нею совокупляютъ свое дѣйствіе, но послѣ отдѣляются отъ ней, начинаютъ собственное хозяйство и дѣйствіе и дѣлаются сами способными къ произведенію дѣтей, а первымъ внучатъ, о которыхъ тоже разумѣется, что и о первыхъ. Изъ чего легко можно заключить, что отъ одного природнаго усилившагося стремительства или звѣрка можетъ произойтить цѣлая фамилія звѣрковъ или желаній и отъ самаго того въ душѣ бываетъ ихъ не сметное множество.

4.) Примѣчанія достойно, что между всѣми симъ образомъ произшедшими отъ одного начальнаго звѣрка желаніями или звѣрками находится равно какъ нѣкой союзъ родства и дружества. Они наблюдаютъ между собою порядокъ и согласіе и младшіе состоятъ всегда въ повиновеніи у старшихъ; а особливо когда они живутъ еще вмѣстѣ съ оными и сами новыми

начальниками фамилей не сдѣлались, и рѣдко случается, чтобъ между произшедшими отъ одного праотца потомками происходили ссоры и вражды, а чаще то, что многія изъ нихъ совокупно и попеременно дѣйствуютъ и въ работѣ своей другъ другу помогаютъ: равно какъ въ случаѣ естьли у какого звѣрка сдѣлается съ какимъ звѣркомъ изъ другой фамиліи или семѣйства ссора и вражда: то какъ родственники стоятъ другъ за друга и помогаютъ ему одолѣвать противника. Сіе придаетъ имъ много силы, а особливо когда сіе съ худыми случится и отъ самаго того и происходитъ, что они скорѣе побѣждать, нежели побѣждаемы быть могутъ.

5.) Не менѣе примѣчанія достойно и то, что они имѣютъ всѣ между собою взаимную любовь и какъ матери любятъ дѣтей, внучатъ и правнучатъ, такъ и сіи внучата своихъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ. Сія любовь приноситъ то уже съ собою, что всѣ они въ перемѣнахъ состоянія другаго принимаютъ нѣкоторое

торое участіе. То есть, когда одному которому нибудь удастся насытиться, то радуются и веселятся и всѣ ближніе его родственники, а когда случится оскорблену и раздражену быть: то и всѣ горюютъ о томъ и печалятся. Изъ сего не трудно уже усмотрѣть какъ то; отъ чего иногда печали наши бываютъ столь сильны а радости велики; ибо въ такихъ случаяхъ не только одному, но многимъ желаніямъ вдругъ дѣлается удовольствіе: такъ и то, отъ чего радости и печали наши бываютъ не долговременны. Ибо натурально изъ такого множества желаній не можно, чтобъ всѣ могли удовольствуемы быть, и ни когдабъ ни которому изъ нихъ не дѣлалось досады; и такъ хотя бы одному или нѣсколькимъ и сдѣлалось удовольствіе, такъ воспослѣдовавшее вскорѣ потомъ многимъ оскорбленіе прежнюю радость и веселіе уменьшить долженствуетъ, равно какъ и сдѣланная однимъ досада, удовольствіемъ другихъ въ скоромъ времени уменьшаема бываетъ.

6.) Но всего вышеупомянутаго еще не довольно. Сколько произведенные звѣрки связаны между собою союзомъ любви и дружества, столькожъ или болѣе любятъ они всѣ главнаго своего праотца и почитаютъ его какъ отца и главнаго надъ собою начальника и состоятъ всегда у него въ повелѣніи. Что касается до него, то и онъ сооттвѣтствуетъ имъ равномѣрнымъ образомъ и не только всѣхъ ихъ любитъ, но во всякое время старается ихъ защищать и помогать имъ, такъ сказать, до послѣдней капли крови. Сія обоюдная ихъ любовь приноситъ уже съ собою то слѣдствіе, что благоденствіе и злополучіе дѣтей зависитъ всегда отъ благоденствія или злополучія семѣйствѣ ихъ начальника. Ибо какъ скоро сей праотецъ ихъ великъ и имѣетъ власть, то и они всѣ у него равно какъ подъ крыломъ и не боятся никакихъ напастей; ибо хотя бы которому нибудь изъ потомковъ и случилось какое зло, напримѣръ оно былобъ угнѣтено, то есть изъ великаго малымъ сдѣлано, илибъ отнята у него ко-

команда, такЪ праотецЪ постарается тотчасЪ опять привесть его вЪ прежнее состояніе и опять вспоможеніемЪ своимЪ увеличить, буде только самЪ онЪ находится вЪ силахЪ. Но какЪ скоро самое коренное желаніе или ихЪ праотецЪ атакованЪ и уменьшенЪ будетЪ: тогда и всѣ они безЪ него опѣшеютЪ, и равно какЪ лишившись своего начальника и покровителя приходятЪ вЪ уныніе, нестроеніе и вЪ малодушіе, и не только не могутЪ уже сЪ такою живностію дѣйствовать, но теряютЪ много а иногда совсѣмЪ всю величину свою и вмѣстѣ сЪ нимЪ погружаются вЪ крѣпкой сонЪ. ИзЪ сего явствуетЪ, что угнѣтеніе начальныхЪ или, такЪ сказать, коренныхЪ стремительствЪ несказанно важнѣе угнѣтенія малыхЪ или отЪ него произшедшихЪ желаній. ВЪ семЪ случаѣ, можно сказать, отрубаются только не большія вѣточки сЪ дерева, которыя не преминутЪ опять тотчасЪ вырость, а вЪ первомЪ отрубается, или повреждается цѣлой большой сукЪ сЪ дерева, сЪ которымЪ малыя вѣтви уже сами отпа-

падаютъ. Вотъ причина, отъ чего въ пороки погрузившемуся и исправить себя желающему человѣку то весьма мало пользуетъ, естьли онъ временно и только отъ малыхъ своихъ и неважныхъ худыхъ привычекъ отучать себя станетъ, а о загражденіи самаго источника или уменьшеніи самаго главнаго стремительства помышлять не станетъ. Ежели сравнить душу съ колодеземъ, а желанія съ разными ручьями изъ него произтекающими и паки на многіе другіе и малые ручейки раздѣляющимися, то въ семъ случаѣ можно уподобить такого человѣка малому рабенку, старающемуся унять теченіе воды запруживаніемъ прудковъ на самыхъ дальнихъ и малыхъ ручейкахъ, вмѣсто того, чтобъ ему заградить воду въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ она изъ колодезя вытекаетъ; въ которомъ случаѣ всѣ прочіе ручейки сами бы обсохли.

11.

Кромѣ всего вышеписаннаго примѣчается еще очень важное въ разсужденіи

ніи желаній нашихъ обстоятельство или свойство; а именно, что многія изъ нихъ могутъ дѣлаться аффектами, или воспаляющимися пристрастіями. Чтобъ изъяснить сіе удобопонятнѣе, то я возьму прибѣжище мое къ той же аллегоріи и для изъясненія скажу, что между всѣмъ множествомъ обитающихъ въ душѣ нашей звѣрковъ есть нѣкоторые особаго отъ прочихъ свойства состоящаго въ томъ, что въ случаѣ разбуженія могутъ они вдругъ и съ превеликою скоропостижностію увеличиться и изъ маленькихъ сдѣлаться превеликими, напримѣръ изъ мушки въ одинъ почти мигъ съ собаку или лошадь или самаго слона и вспыхнуть какъ порохъ. Сихъ звѣрковъ можно уподобить лютымъ какимъ нибудь звѣрямъ или гадамъ, напримѣръ барсамъ, крокодиламъ, аспидамъ, риноцерамъ и тому подобнымъ тѣмъ наипаче, что они очень не угомонны и когда по несчастію сорвутся съ цѣпей своихъ, то приводятъ всѣхъ звѣрковъ и птичекъ въ каютѣ или мысли и желанія въ душѣ въ превеликое и такое нестрое-

ніе и замѣшательство, что не рѣдко нарушается весь порядокЪ и проистекаютЪ отЪ того великія и часто опасныя для всего человѣка слѣдствія и повреждаютЪ все его здоровье или иногда вЪ одинЪ мигЪ лишаютЪ жизни. Все сіе доказываетЪ, что сей родЪ опасныхЪ звѣрковЪ можно почесть внутренними и опаснѣйшими нашими врагами и злодѣями; и для того колико можно отЪ разбуживанія злѣйшихЪ изЪ нихЪ остерегаться. Сего не можно будетЪ прежде учинить, покуда не познакомимся мы сЪ ними нѣсколько ближе и не узнаемЪ подробнѣйшихЪ касающихся до нихЪ обстоятельствЪ. И такЪ о сихЪ не угомонныхЪ звѣркахЪ надобно вЪ особливости примѣчать слѣдующее.

1) Разбужаются они также мыслями или птичками какЪ и прочія желанія или звѣрки.

2) Проснувшись хотя они и скоро увеличиваются, однако не во всѣхЪ человѣкахЪ сЪ одинакою скоростію. Но вЪ

въ иныхъ скорѣе, въ иныхъ медлѣннѣе да и между собою въ семъ случаѣ нѣсколько различны.

3) Увеличиваются они постепенно, а не вдругъ дѣлаются большими, то есть, не вдругъ дѣлаются съ слоновъ, а сперва изъ мушки въ пчелку, тамъ съ птичку, кошку, собаку, медвѣдя, и такъ далѣе, хотя сiе происходитъ скоропостижно.

4) Сiе увеличиванiе умножается тѣмъ скорѣе, чѣмъ становятся они болѣе, а покуда они малы, до тѣхъ поръ увеличиваются медлѣннѣе.

5) Способность къ скорѣйшему увеличиванiю дѣлается тѣмъ болѣе, чѣмъ чаще они разбуждаются, а чѣмъ преже они будутъ просыпаться, тѣмъ лѣнивѣе становятся и тѣмъ съ меньшею способностiю могутъ вспламеняться и увеличиваться.

6) Во время увеличиванiя своего до тѣхъ поръ, равно какъ и прочiя желанiя

ланія состоятъ они подъ властію общаго своего Генерала или Произвола, покуда они величиною своею не превзойдутъ величину онаго. А превзошедъ его величину и сорвавшись, такъ сказать, съ цѣпи, выбиваются изъ подъ его власти и получаютъ надъ всѣмъ каютомъ такое господствіе, что всѣ звѣрки и птички и самые главные начальники принуждены уже предъ ними пашевать и хорониться въ щели.

7) Таковое зло было бы весьма для человѣка вредительно, естьлибъ натура не сдѣлала уже напередъ нѣкотораго отъ того лекарства, снабдивъ ихъ другимъ и много не угомонной ихъ нравъ побѣждающимъ свойствомъ, состоящимъ въ томъ, что они не могутъ уже долго быть въ одинакомъ величины своей состояніи, но побывъ нѣсколько времени и смотря по различію обстоятельствъ долѣе или короче въ своихъ пыхахъ, начинаютъ мало по малу опять уменьшаться и сдѣлавшись по прежнему съ пчелку или мушку, засыпаютъ и успокоеваются.

вЪ которое время возстановляется вЪ душѢ опять прежней порядокЪ. Можно сказать, что сіе великое для насЪ уже спасеніе, а безЪ того погибшіе бы мы были люди: по чему желалЪ бы я, чтобЪ сіе обстоятельство вы, дорогой читатель, вЪ особливости замѢтили, тѢмЪ паче, что вЪ переди до него часто будетЪ доходить дѢло.

8) Еще примѢчается за ними то, что неугомонность сихЪ мятежниковЪ такЪ велика, что они не только сами собственными своими птичками разбужаются, но такЪ чудки, что иногда самая бездѢлица и совсѢмЪ посторонния и другимЪ звѢркамЪ свойственныя птички или мыши ихЪ разбудить могутЪ. ОднимЪ словомЪ, они великіе охотники кЪ работѢ и готовы со всякимЪ дѢйствующимЪ звѢркомЪ или желаніемЪ просыпаясь соединять свое дѢйствіе и ему помогать.

9) НаконецЪ примѢчается, что всѢ они двоякаго рода; одни изЪ нихЪ, такЪ сказать, хорошія, а другія злыя и худыя

дыя. Наиглавнѣйшія изъ хорошихъ извѣстны болѣе подъ именемъ 1. удивленія и 2. радости, а изъ злыхъ 3. страха или боязни 4. пуганія или ужаса 5. гнѣва или вспыльчивости съ своими отродіями; какъ то любомѣстія, ревности и прочее, 6. печали съ своими отродіями, какъ то горести, унынія и прочее, 7. тоски или трепета, 8. отчаянія и нѣкоторыхъ другихъ. О чемъ о всемъ послѣ въ приличнѣйшемъ мѣстѣ, равно какъ и о возможномъ преодолѣваніи оныхъ, упомяну я подробнѣе.

Сіи то одиннатцать свойствъ желаній нашихъ суть наиболѣе примѣчанія достойны, прочія же уже не столь важны; чего ради упомяну я объ нихъ только вскользь.

12.

Двенатцатое свойство желаній, или звѣрковъ нашихъ состоитъ въ томъ, что дѣйствія ихъ не во всѣхъ человѣкахъ одинакихъ совершенствъ, но у однихъ они дѣйствуютъ живѣе и могутъ скорѣе увеличиваться, а у дру-

другихъ лѣнивѣе и увеличиваются медлѣннѣе. У однихъ они сильнѣе и непреоборимѣе, а у другихъ не таковы сильны и могутъ съ меньшимъ трудомъ одолѣваемы и уменьшаемы быть. У однихъ дѣйствїе и величина ихъ длится долѣе, а у иныхъ короче. А отъ всего того и произтекаетъ разнота человѣческихъ нравовъ, или такъ называемыхъ душевныхъ темпераментовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Сангвинической, Холерической, Меланхолической и Флегматической и смѣшанной изъ всѣхъ ихъ, или изъ нѣкоторыхъ изъ оныхъ натуры; но о чемъ для тѣсноты мѣста въ подробности говорить я оставляю.

13.

Тринатцатое свойство желанїй нашихъ состоитъ въ томъ, что каждое желанїе стремяся къ вещи, стремится вкупѣ и къ средствамъ, чрезъ которыя ту вещь получить можно. Напримѣръ человѣкъ желая быть въ Москвѣ, или въ Петербургѣ имѣетъ вкупѣ желанїе и къ ѣздѣ туда, какъ къ средству.

14.

Четырнатцатое свойство извѣстно подъ именемъ Мужества, или Великодушія и состоитъ въ способности къ легчайшему преодолѣванію случающихся препонъ и трудностей при насыщеніи желаній нашихъ; чему противополагается Малодушіе и Трусливость. Оно также не во всѣхъ человѣкахъ одинаково.

15.

Пятнатцатое свойство желаній нашихъ состоитъ въ томъ, что нѣкоторыя изъ нихъ при дѣйствіи своемъ производятъ во внутренности и наружности нашего тѣла нѣкоторыя перемѣны. Какъ на примѣръ радость, скорое движеніе крови, а иногда пріятныя слезы и смѣхъ, гнѣвъ, изтеченіе желчи изъ его пузыря и отъ того происходящія во всей внутренности и наружности лица чувствуемыя и видимыя перемѣны, пуганіе, трепетаніе сердца, печаль, слезы и вздохи и такъ далѣе.

16.

Шестнатцатое свойство желанiй нашихъ состоитъ въ томъ, что всякое изъ нихъ хочетъ имѣть о вещахъ, къ которымъ стремится, яснѣйшее понятiе. То есть, всякой звѣрокъ любитъ, чтобъ помогали ему въ дѣйствiи множайшее число птичекъ, и какъ можно лучше пѣнiемъ своимъ означали ему ту вещь, къ которой онъ стремится; для которой причины и дана имъ способность разбужать птичекъ и прiумножать количество работающихъ.

17.

Семнатцатое свойство желанiй нашихъ состоитъ въ томъ, что всякой звѣрокъ любитъ, такъ сказать, свою жизнь и хочетъ быть въ цѣлости, то есть стремиться къ своему бытiю, безъ чего натурально ему дѣйствовать не можно. Отъ сего то свойства и происходитъ то общее всѣмъ человѣкамъ и безпредѣльное желанiе и любовь къ жизни; также и то, что

мы хотимъ жить безконечно и когда умремъ, такъ чтобъ и имя наше было живо. Свойство сіе составляетъ великую важность и доказываетъ намъ безсмертіе души нашей.

18.

Осьмнатцатое свойство желаній нашихъ есть то, что всѣ они стремятся не только къ настоящему, но и къ будущему. То есть, всякой звѣрокъ имѣетъ желаніе, чтобъ желаемую вещь не только нынѣ, но и впредь получить было возможно. Отъ сего то происходитъ общее во всѣхъ насъ и толь великое къ предбудущимъ вещамъ желаніе.

19.

Девятоенадесять свойство нашихъ желаній состоитъ въ томъ, что всякое стремится къ возможности желаемой вещи, то есть, всякой звѣрокъ желаетъ, чтобъ полученіе той вещи, которою онъ насыщается, было и возможно. Отъ того происходитъ склон-

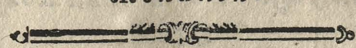
склонность наша пользоваться случаями къ исполненію своихъ желаній: также и то, что мы имѣемъ отвращеніе и отъ возможности могущаго случиться намъ зла, или желаніямъ нашимъ противодѣйствія.

20.

Наконецъ двадесятое свойство желаній нашихъ извѣстно подъ именемъ такъ называемаго Нравственнаго, или лучше сказать Душевнаго вкуса. Для изъясненія сего долженъ я слѣдуя той же Аллегоріи сказать, что всѣ помянутые звѣрки имѣютъ равно какъ чувство вкуса и могутъ разбирать, что для нихъ пріятнѣе и лучше другихъ вещей. Отъ того самаго происходитъ, что о всѣхъ дѣлахъ въ свѣтѣ не всѣ люди одинакихъ, но разныхъ бываютъ мыслей, но обыкновенно одна и самая тажъ вещь однимъ кажется лучше, а другимъ хуже; иные находятъ въ томъ, а иные въ другомъ пріятность. Впрочемъ о семъ душевномъ вкусѣ примѣчается то, что онъ бываетъ иногда

хорошъ, иногда испорченъ и портится такъ, какъ тѣлесной нашъ отъ частаго и развратнаго употребленія какой вещи, и что также его портить и исправлять можно. Наконецъ сіе свойство потому наиболѣе примѣчанія достойно, что отъ самаго того и прискучиваютъ намъ отъ долговременнаго и частаго употребленія такія вещи, которыми съ начала мы очень веселились, а противныя вещи со временемъ бываютъ сносными.

Сіи суть разныя и наизнатнѣйшія свойства желаній нашихъ. Всѣ они достойны примѣчанія тѣмъ паче, что въ послѣдствіи сей книги при многихъ случаяхъ надобность будетъ ссылаться на оныя. Но какъ число ихъ не мало и они читателемъ легко могутъ быть позабыты: то не за излишнее почелъ я для лучшаго напоминанія сдѣлать имъ при семъ сокращенной реестръ въ не многихъ строкахъ состоящей. Они суть слѣдующія: а именно.

Всѣ желанія наши:

1. Могутъ спать и разбужаемы быть.
2. Отъ натуры голодни и хотятъ и могутъ насыщаемы быть.
3. Ненавидятъ противнаго и могутъ оскорбляемы быть.
4. Могутъ успокоеваемы или усмиряемы быть.
5. Стремятся къ веселію и благополучію.
6. Хотятъ быть въ дѣлѣ и работать.
7. Не любятъ трудиться тщетно.
8. Изъ добрыхъ могутъ дѣлаться негодными.
9. Могутъ увеличиваться и уменьшаться привычками.
10. Могутъ производить другія желанія отъ себя.
11. Могутъ вспломенятся и дѣлаться пристрастіями.
12. Не во всѣхъ человѣкахъ одинакихъ совершенствъ.
13. Стремяся къ вещи стремятся вкупѣ и къ средствамъ.

14. Имѣютъ разную степень мужества.
15. Производятъ нѣкоторыя перемѣны въ тѣлѣ.
16. Стремятся къ ясному о вещахъ понятію.
17. Хотятъ быть цѣлы и имѣть свое бытіе.
18. Стремятся къ будущему.
19. Стремятся къ возможности вещи, или предмета.
20. Имѣютъ вкусъ и отъ того проистекаютъ разные душевные вкусы.

Вотъ все, что намѣренъ я былъ о существѣ и свойствахъ нашихъ желаній, равно какъ и объ общемъ расположеніи между ними и мыслями нашими сказать, и сего на теперешней случай будетъ довольно. Теперь не знаю не наскучилъ ли я вамъ, дорогой читатель, своимъ враньемъ и болтаньемъ, и не сочтетели вы все вышеговоренное совсѣмъ излишнимъ и постороннимъ дѣломъ. Также угоднали вамъ, или не угодна моя Аллегорія и изобрѣтенное мною сравненіе мыслей нашихъ

съ

съ птичами; а желаній съ звѣрками. Въ обоихъ случаяхъ прошу меня извинить и быть увѣренными, что я все сіе не для чего инаго дѣлалъ, какъ для произведенія вамъ существительнѣйшей пользы. Ибо не знавъ въ подробности свойствъ желаній нашихъ и сопряженія ихъ съ мыслями и другими силами души, и не получивъ о томъ сколько можно яснѣйшаго понятія, не можно будетъ вамъ съ хорошимъ успѣхомъ созидать духовное зданіе благополучія вашего, кое, какъ прежде я уже довольно упомянулъ, отъ частѣйшаго насыщенія ихъ зависитъ. Равно какъ не можно Архитектору съ хорошимъ успѣхомъ прочнаго вещественнаго зданія созидать, естьли онъ о натурѣ и качествахъ матеріаловъ не будетъ имѣть достаточнаго свѣденія. А что я объ нихъ какъ о звѣркахъ говорилъ: то не уповаю я, чтобъ вы не могли изъ всего предслѣдующаго сами усмотрѣть, что я далеко отъ того удаленъ, чтобъ ихъ въ самомъ дѣлѣ почитать живыми звѣрками: но что подъ симъ уподо-

бленіемъ говорилъ я для поданія вамъ объ нихъ лучшаго и удобнѣйшаго понятія, а особливо такимъ читателямъ, которые можетъ бы не въ состояніи были понимать всѣ сіи философическія истинны, естьлибъ я объ нихъ обыкновенными глубокаго размышленія и тонкаго понятія требующими философическими словами говорилъ, и не одѣлъ бы сіи душевныя и невещественныя силы и дѣйствія силъ въ птичье и звѣриное платье. Не всѣ читатели мои могутъ быть Философы, и безъ скуки читать тонкія философическія разсужденія, а тѣмъ меньше во всей обширности понимать и помнить оныя. И такъ надѣюсь, что все выше упомянутое мнѣ, какъ теперь благосклонно отпущено будетъ, такъ и впредь отпустится, естьли я сію же Аллегорію иногда напоминая, такимъ же образомъ нужное изъяснять буду.

Я окончу сіе противъ чаянія моего увеличившееся разсужденіе слѣдующими не многими примѣчаніями.

Во первыхъ: изъ всего вышеупомянутаго надѣюсь могли вы, дорогой читатель, сами усмотрѣть, что и въ усмотреніи неизвѣстной внутренности души нашей является такой же чудной или еще удивленія достойнѣйшей порядокъ, какой и во всѣхъ прочихъ въ точность далеко намъ не постижимыхъ дѣлахъ великаго Создателя нашего видимъ. Теперь признаться надобно, что о душѣ нашей мы еще очень малое знаемъ, и всѣ вышеговоренныя и Аллегоріею изъясненныя вещи извлечены только изъ примѣчаемыхъ нами ея дѣйствій, которымъ мы довольно надивиться не можемъ. А какія бы чудеса увидѣли можетъ быть мы, естьлибъ могли когда нибудь въ самомъ дѣлѣ заглянуть во внутреннее устроеніе оной, которое намъ совсѣмъ не извѣстно.

Во вторыхъ: изъ предслѣдующаго изъясненія многоразличныхъ свойствъ желаній нашихъ не будетъ трудно вамъ самимъ, дорогой читатель, отъ части уже усмотрѣть, какимъ обра-

зомъ и чѣмъ желанія намъ въ себѣ производить, увеличивать, также уменьшать и угнѣтать можно. А именно: когда каждое желаніе наше или звѣрокъ разбужается птичками или мыслями; увеличивается отъ частаго просыпанія и повторенія своего дѣйствія; одолѣвается произволомъ и разумомъ и не можетъ дѣйствовать, когда не будетъ дѣйствія мыслей: то не трудно уже заключать, что всю важность составляютъ помянутыя птички или мысли; также обѣ знатнѣйшія силы нашей души разумъ и произволъ и извлечь слѣдующія четыре общія и генеральныя правила.

1) Хотимъ когда мы возбудить въ себѣ какое желаніе: то надобно стараться производить въ себѣ о той вещи живѣйшія мысли, къ которой то желаніе стремиться долженствуетъ; или разбудить напередъ поболѣе приличныхъ птичекъ, отъ чего проснется уже и самъ звѣрокъ. О правилахъ притомъ употребляемыхъ упомяну я при другихъ случаяхъ.

2.)

2) Хотимъ когда мы увеличить какое желаніе: то надобно только почаще его разбужать и давать ему свободу долѣе дѣйствовать.

3) Хотимъ когда мы уменьшить въ себѣ какое увеличившееся желаніе: то надобно только стараться о томъ, чтобъ оно рѣже просыпалось, но какъ можно долѣе и болѣе спало, а когда проснется, чтобъ меньше дѣйствовало, отъ чего уменьшится оно само собою.

4) Хотимъ когда мы, чтобъ проснувшееся желаніе скорѣе опять заснуло и меньше имѣло времени увеличиваться: то нужно только скорѣе помощію произвола прогнать изъ головы о той вещи мысли; то есть остановить и принудить заснуть птичекъ перемѣнивъ ихъ другими: то заснетъ звѣрокъ тотчасъ самъ собою; ибо безъ птичекъ или мыслей дѣйствовать не можетъ.

Вотъ общія и въ не многихъ словахъ состоящія, однако не смотря на

то

то наивеличайшаго примѣчанія достойныя правила. Сами вы видите, что на нихъ, какъ на четырехъ столбахъ, оснуется все зданіе искомаго благополучія, и притомъ легче можете заключить, что онѣ дальнѣйшаго изъясненія достойны. Однако сего за тѣснотою предѣловъ сего разсужденія учинить мнѣ теперь не можно. Чего ради скажу только сіе, что хотя все вышеупомянутое зависитъ отъ нашихъ мыслей, мысли же наши состоятъ въ нашей власти и подвержены власти разума и произвола и мы ихъ всегда когда хотимъ возбуждать и прогонять можемъ: однако не смотря на то, есть еще очень много нужнаго, о чемъ въ разсужденіи сего пункта въ подробности знать не обходимо надобно; но о чемъ упомяну я впереди, когда о истребленіи нравственнаго зла въ X. разсужденіи говорить буду, гдѣ о томъ и смотрѣть надобно. Теперь же по порядку надобно мнѣ къ поименному изчисленію находящихся въ душѣ нашей знатнѣйшихъ желаній приступить, и вамъ, дорогой читатель, такимъ

кимЪ же образомЪ разсказать, какiя собственно находятся вЪ насЪ желанiя и вЪ какомЪ они между собою содержанiи, какимЪ я теперь обЪ общихЪ до всѣхЪ ихЪ касающихся обстоятельствахЪ говорилЪ, и чрезЪ то сЪ ними и сЪ душею еще ближе познакомить.

РАЗСУЖДЕНІЕ VI.

О начальныхъ и прожденныхъ желаніяхъ и о происходящихъ отъ нихъ другихъ желаніяхъ.

При исканіи благополучія того еще очень не довольно, когда мы будемъ только знать, какого существа наши желанія, какія они имѣютъ свойства и чѣмъ могутъ возбуждаемы, сокращаемы и угнѣтаемы быть: но не меньше того и то знать потребно, какія бы собственно сіи желанія были, а особливо наиглавнѣйшія и тѣ, отъ которыхъ прочія какъ отъ матерей имѣютъ свое происхожденіе, и которыхъ увеличиваніе или уменьшеніе несравненно важнѣе прочихъ. Безъ сего знанія не можемъ мы прямо приступить къ исканію своего благополу-

чія и ожидать отъ стараній своихъ хорошаго успѣха.

Для сей причины за необходимое почелъ я и сей пунктъ не упустить изъ моего примѣчанія и постараться упомянуть и объ немъ хотя вкратцѣ но по крайней мѣрѣ сколько къ намѣренію моему необходимо надобно. Ибо обстоятельное разобраніе сей матеріи по пространству своему далеко не можетъ вмѣщено быть въ предѣлы сего сочиненія.

Такимъ образомъ надобно знать, что не всѣ желанія наши происходятъ отъ другихъ, но самое сіе въ предслѣдующемъ разсужденіи упомянутое и изъясненное ихъ свойство, приноситъ съ собою уже то послѣдствіе, что порядку сихъ другъ отъ друга родящихся желаній не можно быть безконечному и потому надобно быть первымъ, которыя бы ни отъ какихъ другихъ уже не происходили, но врождены бы были въ нашу душу. Таковыя врожденныя желанія можно по

спра-

справедливости назвать Коренными, потому что прочія отъ нихъ, какъ отъ кореньевъ имѣютъ свое происхожденіе.

Но прежде нежели скажу, какія бы собственно сіи врожденныя или коренныя желанія были, надобно мнѣ включить сюда слѣдующія три примѣчанія. Во первыхъ, что сіи главныя коренныя желанія суть всѣмъ человѣкамъ общія и нѣтъ такого человѣка, которой бы не имѣлъ оныхъ; потому что мы всѣ съ ними уже родимся. Во вторыхъ, что они въ самомъ началѣ и происхожденіи своемъ добрыя, а не худыя. Въ третьихъ, что они двоякія; одни изъ нихъ свойственны только человѣкамъ и потому называются Человѣческими, а другія у насъ общія съ другими животными, то есть такія, какія есть и у насъ и какія точно имѣютъ и скоты и прочія животныя. По чему отлично предъ первыми и называются они обыкновенно Скотскими коренными желаніями или стремительствами. Которое различіе великаго примѣчанія достойно.

Мы

Мы начнемъ теперь съ первыхъ, то есть, съ человѣческихъ. Число сихъ примѣчанія наидостойнѣйшихъ коренныхъ и врожденныхъ въ насъ стремительствъ весьма не велико. Ихъ всего только три. Но я сожалѣю, что не имѣютъ они такого общаго названія, которое бы могло подать объ нихъ всякому понятіе. Можетъ быть происходитъ сіе отъ того, что рѣдкіе доходили до познанія и примѣчанія оныхъ. По которой причинѣ и принужденъ я ихъ такъ назвать, какъ называютъ ихъ Философы.

I.

Первое человѣческое коренное желаніе есть стремленіе, или склонность къ собственному нашему совершенству, или желаніе видѣть состояніе свое въ надлежащемъ совершенствѣ и оное отъ часу совершеннѣе дѣлать. Сила сего стремленія побуждаетъ насъ желать и дѣлать все то, чрезъ что думаемъ и надѣемся мы привесть самихъ себя въ совершеннѣйшее состояніе, не смотря какія бы то совершенства ни были,

существительныя, или побочныя и случайныя. Однимъ словомъ подъ симъ стремительствомъ разумѣется нѣкоторымъ образомъ собственная наша и всѣмъ человѣкамъ свойственная къ самимъ себѣ любовь. А какъ о семъ стремительствѣ въ переди часто будетъ упоминаться, то для кратчайшаго выраженія назовемъ его просто стремительствомъ къ совершенствамъ.

Важное сіе природное стремительство производитъ отъ себя многія другія и различныя желанія, а отъ сихъ родятся уже третьи и такъ далѣе: но всѣ сіи произведенныя желанія, не во всѣхъ уже человѣкахъ бываютъ въ одинакомъ множествѣ и величинѣ и могутъ почесться случайными. Наиобыкновеннѣйшія и извѣстнѣйшія изъ нихъ суть слѣдующія.

Во первыхъ желаніе приводить разумъ свой въ лучшее совершенство, или имъ дѣйствовать. Отъ сегожъ желанія родятся: 1.) желаніе, или охота наполнять колико можно множайшими

ми понятіями, 2) желаніе чувствовать, 3) желаніе размышлять или охота къ выдумкамъ, 4) желаніе дѣлать заключенія, 5) желаніе испытывать причину вещей, и прочее. И какъ чрезъ все то можно дойтить до познанія истинны: то всѣ оныя желанія можно вообще назвать стремленіемъ къ истиннѣ, или истиннолюбіемъ; котораго стремительства примѣчанія достойная часть есть желаніе ясности. — Впрочемъ когда помянутое истиннолюбіе собьется съ пути, какъ то часто со всѣми желаніями бываетъ: то могутъ изъ него излишнее любопытство, суевѣріе, невѣріе и безчисленныя другія желанія родиться. — Наконецъ какъ по причинѣ истиннолюбія намъ пріятно, когда мы находимъ въ чемъ истинну, или что нибудь по правиламъ и порядочно расположенное: то происходитъ отъ того между прочимъ охота къ разнымъ увеселительнымъ играмъ, къ стихотворству, музыкѣ и тому подобное.

Во вторыхъ отъ желанія совершенствъ родится желаніе поступать

согласно съ разумомъ, или всѣ свои дѣла такъ располагать, какъ предписываетъ разумъ; никакихъ же нелѣпостей и здорныхъ дѣлъ не дѣлать.

Въ третьихъ отъ желанія совершенствъ родится желаніе къ совершенству нашего тѣла. Какъ то къ силѣ, крѣпости и проворству членовъ и тѣлесныхъ упражненій, и такихъ художествъ и наукъ, которыя чрезъ употребленіе нашихъ членовъ производятся, какъ то охота къ пѣнію, писанію, игранію на иструментахъ и прочее тому подобное.

Въ четвертыхъ отъ желанія совершенствъ родится желаніе къ вольности, какъ такого состоянія, въ которомъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ можнобъ намъ было слѣдовать своимъ разсудкамъ, а не распоряжать свои поступки по хотѣнію другихъ. А изъ сего желанія родятся уже желанія къ власти, богатству, дружеству и чести; а изъ сего наконецъ желаніе наружныхъ признаковъ чести; напримѣръ славѣ, хвалѣ,

вы-

высокимъ чинамъ и достоинствамъ, рангамъ, титуламъ, комплементамъ и прочее тому подобное.

Въ пятыхъ наконецъ отъ желанія совершенствъ родится желаніе пользоваться вещію всею; ибо съ совершенствомъ согласнѣе имѣть и пользоваться всею вещію, нежели одною частію оной. Сіе желаніе достойно великаго примѣчанія, потому что въ случаѣ когда собьется съ пути, то бываетъ поводомъ ко многимъ и величайшимъ дурачествамъ и упрямствамъ.

2.

Второе человѣческое коренное желаніе есть стремительство къ соединенію себя съ такими предметами, въ которыхъ мы видимъ и примѣчаемъ совершенства, или въ нихъ онымъ быть думаемъ. Оно отъ перваго отмѣнно тѣмъ, что по силѣ перваго желаемъ и ищемъ мы собственнаго своего совершенства и для своей пользы; а по силѣ сего соединенія съ совершен-

ствами желаемъ мы и безъ помышленія о себѣ и о пользѣ, которую бы мы отъ того ожидать и получить себѣ могли, но единственно для того, что они совершенства суть. Коротко подъ симъ стремительствомъ разумѣется вообще то общее и всѣмъ человѣкамъ свойственное отъ природы безкорыстное любленіе постороннихъ хорошихъ и совершенства въ себѣ имѣющихъ вещей. Почему для кратчайшаго выраженія и назовемъ его короче и простѣе стремленіемъ любовнымъ.

Отъ сего не менѣе важнаго кореннаго общаго стремительства родятся также многія иныя, но такія желанія, которыя не во всѣхъ человѣкахъ въ одинакомъ количествѣ и величинѣ, но случайными почесться могутъ. Ибо какъ по силѣ сего стремленія мы со всякою такою вещію въ нѣкоторой союзъ, или соединеніе вступить желаемъ, въ которой мы находимъ и видимъ совершество, или хорошее: то и происходитъ изъ онаго.

Во

Во первыхъ, желанiе видѣть и смотрѣть на совершенное, или любоваться хорошими совершенными и прекрасными вещами, потому что сiе смотренiе составляетъ уже нѣкоторой родъ соединенiя.

Во вторыхъ, желанiе совершенными вещами владѣть, ихъ употреблять и ими наслаждаться. Стремленiе сiе клонится къ обоимъ родамъ бываемыхъ въ вещахъ совершенствъ, то есть, къ такъ называемымъ умозрительнымъ и вещественнымъ. По чему отъ соединенiя съ умозрительными совершенствами слѣдствiемъ бываетъ увеселенiе красотою, пригожствомъ, украшенiемъ и убранствомъ вещей, а отъ соединенiя съ обоими родами совершенствъ увеселенiе картинами, рисунками и живописью, прекраснымъ строенiемъ, садами, музыкою, стихотворствомъ, краснорѣчiемъ: и такъ далѣе.

Въ третьихъ, изъ всѣхъ происходящихъ отъ сего кореннаго стремительства желанiй ни которое такъ

многаго примѣчанія не заслуживаетъ, какъ стремленіе нравственной, или духовной любви; слѣдовательно его въ особливости въ разсужденіе принять надобно. Оно состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ такой склонности, или желаніи къ соединенію себя съ другими разумомъ одаренными духами и человѣками, или къ такой безкорыстный и духовной любви къ нимъ, когда мы въ дѣлахъ ихъ такое участіе беремъ, что все то, чего они хотятъ, или всѣ ихъ намѣренія не инако какъ собственно своими почитаемъ, стараемся имъ угождать и увеселяемся ихъ благополучіемъ безъ всякаго притомъ помышленія о собственной нашей пользѣ, но единственно для примѣченныхъ въ нихъ совершенствъ. Легко можно усмотрѣть, что подъ симъ разумѣется существо самой чистѣйшей духовной любви, которая имѣетъ слѣдующія свойства, а именно: 1.) что мы стараемся любимому нами симъ образомъ угождать, 2.) веселимся благополучіемъ его какъ своимъ собственнымъ, 3.) служимъ ему охотно и даромъ, 4.) ищемъ

взаимной отъ него любви, 5.) хотимъ, чтобъ онъ былъ съ нами одного мнѣнія, 6.) стараемся быть ему подобными, 7.) любимъ съ нимъ разговаривать и охотно во всемъ ему уступаемъ, 8.) любимъ быть и находиться съ нимъ вмѣстѣ, 9.) охотно ему во всемъ вѣримъ. Однако любовь сію не должно смѣшивать съ любовью между отцами и дѣтьми, также и съ венерическою, а равномѣрно и съ самолюбіемъ, а наконецъ вообще съ тѣмъ знаменованіемъ, когда всякая склонность нѣкоторымъ образомъ любовію называется. Впрочемъ сія духовная любовь раздѣляется на чистую и нечистую, или корыстолюбивую. А изъ стремленія къ соединенію съ совершенствами родится склонность къ натуральному и природному человѣколюбію, или любленію всѣхъ человѣковъ.

3.

Третье человѣческое коренное стремленіе отмѣнно уже существомъ своимъ отъ обоихъ предслѣдующихъ и по справедливости наивеличайшаго при-

мѣчанія достойно. Оно извѣстно подъ именемъ стремленія совѣстнаго и требуетъ уже дальнѣйшаго изъясненія. Совѣсть не иное что есть, какъ разсужденіе о добротѣ и худобѣ нашихъ дѣлъ, или такъ сказать мысленной пробильной оселокъ, на которомъ познается, согласныли наши дѣла съ закономъ Божескимъ, или ему противны. А совѣстное стремленіе, которое тому основаніемъ, есть природное всѣмъ намъ стремленіе, побуждающее насъ къ познанію и исполненію Божескаго нравственнаго закона: то есть понуждающее насъ Божескіе законы почитать правиломъ, по которому бы намъ всѣ свои дѣла изъ послушанія къ Богу, и для зависимости нашей отъ него распоряжать, а въ противномъ случаѣ опасаться Божескаго наказанія. По которой причинѣ всякой разъ, когда мы то наблюдаемъ, сіе стремленіе насыщается и мы отъ того чувствуемъ наипріятнѣйшее увеселеніе, а когда не наблюдаемъ, то совѣсть наша насъ мучитъ и угрызаетъ. Впрочемъ былобы съ лишкомъ пространно, естьлибъ

о важномъ семъ коренномъ стремленіи въ самой подробности говорить. Матерія сія съ лишкомъ тонка и не всякому удобопонятна. Чего ради я напомянувъ, что въ послѣдствіи сей книги при многихъ случаяхъ будетъ о томъ много упоминаться, то только теперь скажу, что подъ симъ стремленіемъ можно разумѣть врожденную въ насъ склонность побуждающую насъ, равно какъ пружиною къ исполненію всего того, что Богу угодно, и къ должному Ему повиновенію и послушанію. Или короче: на сію склонность собственно цѣлитъ Священное писаніе, когда говоритъ, что законъ у насъ на сердцѣ написанъ.

Въ какомъ состояніи въ насъ стремленіе, о томъ говорить будетъ много; а только то скажу, что оно далеко не въ такомъ градусѣ величины, въ какомъ ему быть должно, но сбито съ пути; что и подало ученымъ поводъ совѣсть раздѣлять на разные роды: какъ то на достовѣрную и сомнительную, на правильную и заблуждщую,

шую, на предслѣдующую и послѣдующую, на худую и добрую. А состоянїе сего стремленїя раздѣлять на спящее и проснувшееся и такъ далѣе; но что въ подробности разсматривать предѣлы сего сочиненїя мнѣ не дозволяютъ.

Вотъ все, что до человѣческихъ коренныхъ стремительствъ принадлежитъ и о чемъ упомянуть почелъ я за надобное. Теперь приступимъ къ скотскимъ, или такимъ, которыя мы вмѣстѣ съ скотами и прочими животными имѣемъ и которыя натурально можно почесть временными и одной только нынѣшней жизни свойственными. Потому что они предметомъ себѣ имѣютъ вещи касающїяся только до скотской нашей натуры, а именно движенїя, пропитанїя, размноженїе своего роду и непосредственное чувственное наслажденїе тѣлесными благими.

Собственное число сихъ коренныхъ скотскихъ стремительствъ назначить

никоимъ образомъ не можно, и потому остается только ихъ разобрать и включить въ разные классы. Ученые раздѣляютъ ихъ на два класса; и къ первому принадлежатъ всякаго рода стремленія, побуждающія насъ къ дѣйствованію нѣкоторымъ образомъ въ нашемъ тѣлѣ, а ко второму желаніе видѣть тѣло свое въ нѣкакомъ опредѣленномъ состояніи. Пространное и обстоятельное всѣхъ сихъ разныхъ желаній разобраніе было бы самымъ излишнимъ и скучнымъ дѣломъ; чего ради включу я здѣсь нѣкоторыя только общія до нихъ касающіяся примѣчанія.

И такъ во первыхъ надобно знать, что къ симъ желаніямъ принадлежатъ вообще всѣ тѣ, которыя имѣютъ предметомъ себѣ наше тѣло и его состояніе; какъ на примѣръ желаніе, къ хожденію, сидѣнію, лежанію, упражненію нашими членами, сну, къ пищѣ и питію, глядѣнію, слышанію, обоиянію и различному осязанію, къ совокупленію, любви къ дѣтямъ, пи-

танію оныхъ, къ здравію и однимъ словомъ, ко всему тому, отъ чего произойтить въ насъ можетъ пріятное тѣлесное чувствіе или ощущеніе.

Во вторыхъ, что состоянія, въ которыхъ мы тогда находимся, когда сіи желанія насыщаются, называются тѣлесными увеселѣніями. Напротивъ того когда имъ противное происходитъ, тѣлесными прискорбіями и болѣзнями.

Въ третьихъ, что сіи скотскія стремительства по большей части дѣйствуютъ въ насъ сильнѣе человѣческихъ и потому противодѣйствіе оным бываетъ намъ съ лишкомъ чувствительно, какъ на примѣръ голодъ, жажда и тѣлесныя недуги и болѣзни.

Въ четвертыхъ наконецъ, что сіи скотскія стремительства не рѣдко иногда дѣйствіе свое сопрягаютъ съ дѣйствіемъ человѣческихъ стремленій, то есть съ желаніемъ совершенствъ и любовнымъ стремительствомъ и ихъ отродіями: отъ чего дѣйствія оныхъ тогда бываютъ наисильнѣйшими. Въ

при-

примѣръ тому возмемъ, какъ вообще любострастіе, такъ въ особливости венерическую любовь. Въ случаѣ которой совокупляются многія стремительства совокупно и потому дѣйствіе оной бываетъ столь удивительно, сильно и скоропостижно.

Вотъ все, что я за нужное почелъ вкратцѣ упомянуть о главныхъ нашихъ желаніяхъ и о происходящихъ изъ нихъ другихъ, а отъ сихъ прочихъ. Но признаюсь, что я сообщилъ имъ только, такъ сказать, родословную и такъ коротко, какъ только мнѣ возможно было. Почему легко могу заключить, что инымъ будетъ она скучна, а другимъ темна и не понятна. Чтобъ сему нѣкоторымъ образомъ пособить, то да позволѣно мнѣ будетъ присовокупить къ сему краткое всему тому аллегорическое изъясненіе. Я возьму прибѣжище мое къ самой тойже Аллегоріи, которою изъяснялъ я свойства желаній, и испытаю, не могули продолженіемъ оной подать вамъ, дорогой читатель, простѣйшее о сей важной матеріи

терiи понятiе, или по крайней мѣрѣ предложить удобнѣйшее средство къ скорѣйшему напоминанiю сихъ коренныхъ стремительствъ.

Въ предслѣдующемъ разсужденiи упоминалъ я, что звѣрки управляющiе судномъ, или наши желанiя родятся отъ другихъ и имѣютъ, такъ сказать, отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ, также что между ними есть начальства и власти. Сiи то ихъ праотцы суть помянутыя выше сего коренныя стремительства, которыя вкупѣ отправляютъ должность и ихъ нижнихъ начальниковъ.

Теперь представьте себѣ, чтобъ всѣ сiи праотцы были двоякаго рода. Одни какъ судовщики или матрозы, а другiе какъ пассажиры, или посаженные на суда, управителями. И сочтите первыми скотскiя, а вторыми человѣческiя коренныя стремительства.

Должность первыхъ, или судовщиковъ, или матрозовъ состояла бы толь-

только въ попеченіи о внутренности и наружности судна. Они долженствовалибъ дѣйствіями своими приводить судно въ различное движеніе, снабжать его потребными для дѣйствія внутреннихъ машинъ матеріалами, производить самыя внутреннихъ и внѣшнихъ машинъ дѣйствія: также пріуготовлять на старыхъ судахъ новые суда и спускать оныя, такъ сказать, на воду для размноженія флота и награжденія бывающаго всегда въ немъ отъ пагубы и разрушенія многихъ судовъ ущерба и прочее тому подобное; о чемъ въ подробности изъяснять было бы съ лишкомъ много. До прочагожъ имъ нѣтъ никакой нужды; по чему и дѣлѣніе ихъ работы до тѣхъ только поръ продолжается, покуда корабль цѣлъ и находится въ своемъ плаваніи. Когдажъ чудная сія машина какимъ нибудь образомъ разрушится, на примѣръ потонетъ, или внутренная связь машинъ испортится, или оныя такъ смѣлются, что каюту или душѣ работать и ими дѣйствовать будетъ не можно: тогда пресѣкается и ихъ

дѣйствіе и они по отлученіи каюта изъ корабля не имѣя уже болѣе своихъ предметовъ, то есть машинъ, которыми они дѣйствовали, погружаются въ глубокой сонъ. Что съ ними далѣе воспослѣдуетъ и навсегда ли сей ихъ сонъ продлится, или когда нибудь они опять разбужены будутъ, того не извѣстно. Легко только можетъ статься, что будетъ когда нибудь время, что они опять разбужены и дѣйствовать будутъ, то есть въ такомъ случаѣ, естьли Создателю всего свѣта угодно будетъ первыя частички разрушившихся и согнившихъ судовъ, которыя натурально пребудутъ навсегда цѣлы; ибо безъ воли Создателя ничто не въ состояніи ихъ уничтожить, опять собрать и построивъ изъ нихъ новыя и отмѣннаго и лучшаго уже сложенія суда, или тѣла, вложить въ нихъ самой тотъ же каютъ или душу, которой въ нихъ былъ: что для него столькожъ возможно сколько возможно было создать ихъ при началѣ. И тогда можетъ быть въ устроенныхъ новыхъ судахъ, или тѣлахъ не-

неизвѣстныхъ намъ внутреннихъ машинъ можно будетъ симъ матрозамъ, или стремительствамъ опять начать прежнее свое хотя уже совсѣмъ отмѣнное отъ нынѣшняго дѣйствiе. Однако всего сего не извѣстно. А по крайней мѣрѣ то только изъ сего видно, что такое воскресенiе мертвыхъ съ новыми и просвѣщенными тѣлами, о какомъ говоритъ Священное писанiе, далеко не таково не возможно и ученiе сiе далеко не таково нестройно, какъ то нѣкоторымъ кажется.

Что касается до другаго рода звѣрковъ или пассажировъ: то сiи отмѣнны уже отъ первыхъ весьма многими обстоятельствами и имѣютъ предъ ними несравненныя преимущества. Они обладаютъ ими какъ господа и всѣ почти судовщики и матрозы состоятъ у нихъ подъ властiю и подъ командою, кромѣ нѣкоторыхъ, которымъ поручены особливыя и до дѣйствiя самими внутренними и важнѣйшими машинами касающiяся должности и которыя не мѣшаются уже

ни въ какія другія дѣла, и не состоятъ ни у кого подъ командою ниже у самыхъ главныхъ начальниковъ судна, а отправляютъ свое и до сохраненія всего судна въ цѣлости касающееся дѣло. Прочія же всѣ подвержены власти пассажирныхъ звѣрковъ и должны какъ свои опредѣленныя дѣла, такъ и то дѣлать, что имъ надобно. По тому что сіи пассажирные звѣрки, или человѣческія стремительства суть собственные и всегдашніе жильцы въ каютѣ, и никогда не отлучны отъ души. Однимъ словомъ, они представляютъ собою правителей судна, а помянутые матрозы или скотскія стремительства, равно какъ нижніе и случайные работники.

Примѣчанія достойно, что дѣйствіе сихъ пассажирныхъ звѣрковъ хотя и простирается до самаго судна, однако уже чрезъ посредство матрозовъ, а не безпосредственно, и по тому сіе дѣйствіе ихъ можетъ почесться только побочнымъ и случайнымъ: а существительное, важнѣйшее и всегдашнее

ихъ дѣйствіе имѣетъ совсѣмъ другіе предметы и они стремятся не къ вещественнымъ а къ духовнымъ вещамъ. Ибо какъ весь каютъ, въ которомъ они обитаютъ, не такъ тѣсно съ кораблемъ и со внутренними машинами онаго сопряженъ, чтобъ не могъ никоимъ образомъ безъ него быть и дѣйствовать и въ случаѣ разрушенія, или потопленія корабля съ нимъ вмѣстѣ погибнуть; а вложенъ въ него и съ машинами соединенъ только на время, и для управленія онымъ и съ нимъ никогда погибнуть не можетъ; но въ случаѣ разрушенія судна того момента вынимается вонъ и остается въ цѣлости: то для самаго того и посажены въ него такія птички и звѣрки, или врождены мысли и стремительства, которыя бы могли и безъ корабля, то есть безъ тѣла въ немъ, или въ душѣ безпрестанно дѣйствовать и производить свою чудную и непостижимую и для жизни живаго сего каюта необходимо надобную работу. И сіи то суть самыя тѣ пассажирные звѣрки, или человѣческія стремительства

о которыхъ я теперь говорю. Дѣйствiе ихъ безсомнѣнно продолжается и послѣ погибели судна, то есть послѣ смерти нашей; что доказываютъ намъ многiя обстоятельства, а между прочимъ самое ихъ существо и нѣкоторыя свойства оныхъ, а особливо тѣ стремленiя, кои въ нынѣшнюю жизнь никоимъ образомъ совершенно насыщены и удовольствованы быть не могутъ, какъ напримѣръ желанiе безпрерывной жизни и благополучiя. Что все много уже безсмертiе душъ нашихъ доказываетъ.

Изъ всего вышеписаннаго легко можно уже заключить, что симъ знаменитѣйшимъ пассажирнымъ звѣркамъ нѣтъ ни малой нужды до собственныхъ дѣйствiй машинами въ суднѣ, которыхъ они и не разумѣютъ: почему они о томъ и не заботятся, какъ бы ими дѣйствовать, а оставляютъ и повелѣваютъ то производить матрозамъ, какъ къ тому опредѣленнымъ работникамъ: сами же о важнѣйшихъ и высочайшихъ вещахъ помышляютъ и пекутся, а именно.

Какъ

КакЪ помянутымЪ кораблямЪ, вЪ которые они сЪ каютомЪ своимЪ на время для управленія ими вложены, назначено плавать по морю не только не однимЪ, но со многими другими разнаго рода судами, сЪ которыми они имѣлибЪ многоразличныя дѣла и сообщенія: но чтобЪ сіи дѣла и сообщенія происходили порядочно и такЪ, какЪ главному всего Устроителю, или всего сего флота Государю надобно. Слѣдовательно плавалибЪ они сколько сами для себя, столько и для другихЪ судовЪ, а паче всего для произведенія, кЪ чему они какЪ всѣ вообще, такЪ и каждое вЪ особливости назначено: то самыя сіи вещи и составляютЪ предметы помянутыхЪ пассажирныхЪ звѣрковЪ, или паче ихЪ главнѣйшихЪ начальниковЪ трудовЪ и попеченія; а чтобЪ все могло способнѣе вЪ дѣйство произведено быть, то симЪ начальникамЪ и распредѣлены разныя должности: а именно.

ПервомУ изЪ нихЪ поручено стараніе имѣть о собственныхЪ пользахЪ

всего каюта и корабля, и онъ долженъ бдѣть и пещися о томъ, чтобъ какъ весь корабль, такъ въ особливости каютъ и внутренность онаго находилась всегда въ хорошемъ и совершенномъ состоянiи и порядкѣ, и приводимъ былъ часъ отъ часу въ лучшее совершенство; тѣмъ паче, что корабль, а особливо каютъ съ начала своего не въ самомъ совершенствѣ спускается на воду, и подверженъ еще многимъ несовершенствамъ, и долженъ уже во время плаванiя своего самъ себя приводить въ надлежащее совершенство, почему и требуетъ всегдашняго исправленiя. Почему и стремится сей начальствующей звѣрь, или человѣческое коренное стремительство всегда къ приведенiю судна и каюта въ лучшее состоянiе, и для вспоможенiя себѣ производитъ отъ себя дѣтей и внучатъ. Что онъ какъ самъ собою, такъ и дѣтьми своими чрезъ посредство работниковъ, или матрозовъ и производитъ въ дѣйство. Изъ сего не трудно усмотрѣть, что сего звѣря можно уподобить нѣкакому Камериру, или дво-

дворецкому, пекущемуся о экономіи и пользахъ внутренняго и наружнаго своего дому, то есть каюта и корабля, или души и тѣла.

Примѣчанія достойно, что должность его состоитъ болѣе въ томъ, чтобъ имѣлъ онъ попеченіе не столько о пользахъ и совершенствахъ всего корабля, сколько каюта. Причиною тому то, что корабль составляетъ его внѣшней и временной, а каютъ внутренной и всегдашней домъ и обиталище, котораго длѣніе и сообщеніе съ другими каютами и безъ корабля, то есть послѣ разрушенія онаго, продолжится навсегда. Къ приведеніюжъ его въ лучшее состояніе назначено только то время, въ которое находиться онъ будетъ въ кораблѣ; ибо послѣ исправить его уже будетъ не можно.

Второму поручена совсѣмъ другая и къ сообщенію съ другими судами и вещами относящаяся должность. Онъ не имѣетъ уже никакого попеченія о пользахъ и совершенствахъ своего су-

дна и каюта, но оставляя заботиться о томъ первому, помышляетъ самъ уже о томъ, какъ бы ему съ другими судами и вещами обходиться и поступать; имѣть съ ними такія дѣла, какія по предписанію начальника флота надобно и сохранить со всѣми ими взаимную любовь, дружбу и согласіе. Для которой причины и вреждена въ него склонность любоваться всѣми совершенствами, какія онъ въ другихъ судахъ, каютахъ и вещахъ находить будетъ, и стремленіе побуждающее его безкорыстно любить какъ ихъ всѣхъ, такъ и главнаго начальника и государя всего флота, или общества всѣхъ судовъ: дабы ему все назначенное, какъ собою, такъ и дѣтьми своими удобнѣе можно было производить въ дѣйство и къ нужнымъ касающимся до того дѣламъ побуждать перваго своего товарища Камерира. А по всему вышеписанному можно уподобить его Министру, имѣющему въ вѣдомствѣ своемъ иностранныя дѣла и заключающему союзы и трактаты съ другими областями, то есть кораблями.

блями. Изъ чего видно, что должность его составляетъ великую важность.

Третьему ихъ товарищу поручена отмѣнная и обѣихъ предслѣдующихъ важнѣйшая должность. Онъ сдѣланъ надъ ними надзирателемъ и долженъ смотрѣть, чтобъ оба они исправно наблюдали свою должность, не сбивались съ пути и не предпринимали ничего излишняго. Однимъ словомъ, чтобъ всѣ дѣла свои такъ разполагали, чтобъ чрезъ то могло достигнуть до того намѣренія, къ какому судно назначено, или для какого весь флотъ кораблей въ море отъ главнаго Государя своего отправленъ, и не происходило никакого въ дѣлахъ ихъ безпорядка и чрезъ то во всемъ флотѣ замѣшательства. Коротко онъ представляетъ повѣренную отъ Государя особу, или, такъ сказать, отправляетъ должность Прокурора, которой всѣ дѣла обоихъ товарищей своихъ, равно какъ обоихъ главныхъ командировъ судна разума и произвола долженъ пересма-

три-

тривать и критиковать и ежели дѣла ихъ происходятъ порядочно, тѣмъ веселиться и ихъ за то хвалить, а ежели что худое примѣтитъ, тѣмъ огорчаться и за то ихъ осуждать, бранить и напоминать имъ ихъ должности и сказывать имъ, что въ какомъ случаѣ дѣлать и силою своею къ тому ихъ побуждать.

Сіи суть главные нижніе начальники пассажирныхъ звѣрковъ. Легко можно усмотрѣть, что я подъ именемъ перваго или Камерира изъяснялъ человѣческое коренное стремительство къ совершенствамъ. Подъ именемъ втораго или Министра любовное стремительство, а подъ именемъ третьяго, или Прокурора стремленіе и существо совѣсти.

Теперь слѣдовало бы мнѣ такимъ же аллегорическимъ образомъ изъяснить и прочія происходящія отъ сихъ коренныхъ стремительствъ и выше сего вкратцѣ изчисленныя многоразличныя желанія: но какъ сіе завело бы меня

въ

вЪ великое пространство: яже не пишу здѣсь систему Телематологіи и всего нравоученія, а только касаюсь до того вскользъ и сколько кЪ намѣренію моему надобно: то умолчавЪ о томЪ оставлю сравненіе оныхЪ самому читателю, которому слѣдуя симЪ путемЪ не трудно уже будетЪ самому то учинить.

ЧтожЪ касается до обоихЪ главныхЪ начальниковЪ судна, то есть разума и произвола, то обЪ нихЪ какЪ о главнокомандующихЪ всѣми птичками и звѣрками я уже упоминалЪ прежде. По распоряженію натуры долженствовалибЪ они имѣть полную власть надЪ обоими помянутыми нижними начальниками КамериромЪ и МинистромЪ; сЪ ПрокуроромЪ же быть вЪ великомЪ согласіи и ничего не предпринимать безЪ его совѣта и имѣть его у себя какЪ нѣкое святилище вЪ великомЪ почтеніи.

ВотЪ устроеніе сдѣланное натурою во внутренности души нашей между

жду ея силами. Теперь слѣдовало бы мнѣ въ подробности изъяснить въ какомъ точно содержанiи должны между собою быть помянутыя оба нижнiя начальствующiя стремительства, то есть, стремленiе къ совершенствамъ и стремительство любовное; также въ такомъ ли они, въ какомъ надобно, или въ какомъ дѣйствительно находятся они какъ между собою и дѣтьми своими, такъ съ другими и главными начальниками нынѣ и прочее тому подобное. Но и сiе завелобъ меня въ великое пространство, а притомъ и принадлежитъ собственно до нравоученiя, а не къ моему теперешнему предмету. Однако какъ нѣкоторое о томъ знанiе имѣть и при исканiи благополучiя необходимо почти надобно: то опредѣлю я къ тому особое разсужденiе и по мѣрѣ силъ своихъ все нужное изъяснить постараюсь.

РАЗСУЖДЕНІЕ VII.

О состояніи въ какомъ находятся въ насъ наши главныя желанія вообще.

Премудрый Создатель созидая міръ для великихъ намѣреній, создалъ и насъ конечно не безъ причины. Такому великому и всесовершеннѣйшему Существу можно ли что дѣлать по пустому, когда всякое пустое и безъ всякаго намѣренія сдѣланное дѣло и мы за великое несовершенство въ себѣ почитаемъ? И такъ нѣтъ въ томъ ни малаго сомнѣнія, что и мы произведены и на сей землѣ жить назначены конечно для чего нибудь, и на какой нибудь конецъ, а не по пустому.

Слѣдовательно самой долгъ велитъ намъ не только сей конецъ, или намѣреніе Божеское узнавать стараться, но и всегда оной содержать въ своей памяти, дабы можно было всѣ свои

дѣла

дѣла такъ разполагать, чтобъ онѣ могли согласны быть съ симъ великаго Производителя нашего намѣренiемъ, а того удаляться, что можетъ противно быть оному.

Сiе упомянулъ я для того, что безъ того не можно намъ правильно стараться о прiобрѣтенiи благополучiя своего. Ибо самому сему благополучiю не дожно ли быть такому, которое бы не противно было помянутому намѣренiю и съ нимъ согласовалось? И не тщетной ли нашъ трудъ будетъ, естьли мы въ такихъ вещахъ оное полагать и искать станемъ, которыя съ онымъ намѣренiемъ не согласуются и ему противны? Ибо можно ли его найтить въ томъ, въ чемъ ему быть не назначено, и въ чемъ никогда его не бывало?

Не входя въ подробныя изслѣдованiя и доказательства и оставляя то Философамъ, скажу только, что всѣми здравыми разсужденiями, заключенiями нашего разума доходимъ мы,

что

что концу, на которой мы человѣки созданы и на сей землѣ жить назначены въ слѣдующемъ состоять должно, а именно.

Чтобъ мы общими и совокупными нашими произвольными, а не принужденными стараніями пріучали души наши къ добродѣтели и онуюбъ производили и укрѣпляли, и чрезъ то приводилибъ души наши въ разсужденіи нравственнаго ихъ состоянія отъ часу въ лучшее совершенство; а притомъ дозволеніе имѣлибъ безъ предосужденія добродѣтели благими сего свѣта, или вещами въ немъ находящимися, къ спокойствію и увеселенію своему наслаждаться и пользоваться. Послѣ чего преселены мы будемъ въ другую и безконечную жизнь въ томъ нравственномъ состояніи нашихъ душъ, въ какомъ сія перемѣна ихъ застигнетъ. Въ которой жизни добродѣтельные совершенно блаженными учинятся, а непослушные наказаны будутъ, и въ которой какъ награжденія, такъ и наказанія будутъ распола-

лагаться по пропорцiи добродѣтелей и не добродѣтелей, или такъ называемыхъ пороковъ и беззаконiй.

Вотъ конецъ, на которой дана намъ нынѣшняя жизнь. А изъ сего не слѣдуютъ ли сами собою слѣдующiя важныя и великаго примѣчанiя достойныя слѣдствiя.

Во первыхъ, что самымъ первымъ и главнымъ концемъ есть не иное что, какъ производство добродѣтели, или учрежденiе нашихъ дѣлъ во всемъ согласно съ волею Божескою: ибо всякая добродѣтель не иное что есть, какъ дѣйствiя согласующiяся съ волею нашего производителя. И потому добродѣтель должна быть у насъ всегда предъ глазами и мы ее всего выше и больше въ свѣтѣ почитать и производить стараться должны.

Во вторыхъ, что увеселенiе и сопряженное съ тѣмъ временное благополучiе не инако можно почесть, какъ побочнымъ концемъ нашей жизни. Слѣдова-

довательно мы онаго потолику только искать можемъ и должны, поколику то безъ предосужденія добродѣтели, яко главнаго и перваго намѣренія учиниться можетъ.

Въ третьихъ, что мы необходимо должны быть увѣрены, что когда мы къ такому намѣренію наипремудрѣйшимъ Создателемъ назначены: то необходимо уже одарены отъ него всѣми потребными къ тому силами и способностьми, чрезъ которыя бы мы до того достигнуть и сіе намѣреніе исполнить были въ состояніи. Въ противномъ случаѣ было бы тщетно назначивать насъ къ намѣренію, а притомъ сдѣлать насъ къ исполненію того неспособными.

Въ четвертыхъ, что сіе намѣреніе должны мы исполнять самопроизвольно и безъ всякаго принужденія. Самое сіе обстоятельство дѣлаетъ насъ способными къ полученію награжденія и къ наказаніямъ.

Въ сходствiе всего вышеупомянутаго премудрой Творецъ, одаривъ насъ толь многими совершенствами, между прочимъ снабдилъ насъ свободностью или произволомъ, посредствомъ которой силы можемъ мы изъ дѣлъ любыя выбирать, либо добрыя, либо худыя, и слѣдовать такимъ желанiямъ, какимъ сами заблагоразсудимъ.

Сiи желанiя, какъ выше уже довольно упомянуто, не всѣ въ насъ врождены, но только не многiя, прочiя же происходятъ уже отъ нихъ во время жизни нашей; но о всѣхъ ихъ вообще можно сказать, что они въ самомъ началѣ своемъ добрыя, а не злыя, злыми же дѣлаются они отъ худаго и злаго употребленiя нами. Премудрый Творецъ вложилъ въ насъ только не многiя и начальныя желанiя, къ произведенiю же прочихъ придалъ имъ только способность, равно какъ и къ тому, чтобъ всѣ какъ они, такъ и происходящiя отъ нихъ могли увеличиваться и уменьшаться. Сiе же увеличиванiе и умень-

меньшенiе оныхъ подвергнулъ нашему произволу. И все сiе учинилъ не безъ причины, но для того чтобъ исполненiе добродѣтели и полученiе будущаго и нынѣшняго благополучiя зависилобъ отъ нашего произвола, и мы самибъ были тому нѣкоторымъ образомъ виновниками. И такъ съ его стороны учинено все и теперь зависитъ только отъ насъ, хотимъ ли мы согласоваться съ его распоряженiемъ и всѣ врожденныя въ насъ способности и силы употреблять къ тому, къ чему они устроены и чрезъ то исполнить намѣренiе, къ которому мы назначены.

Чтобъ нѣкоторымъ образомъ сiе важное обстоятельство яснѣе изобразить: то скажу, что не безъ причины даны намъ не иныя, а тѣ коренныя стремленiя, какiя мы имѣемъ. Наиважнѣйшее изъ оныхъ, а именно: стремленiе совѣстное, долженствующее насъ ежеминутно побуждать къ исполненiю воли Божеской, дано намъ для того, чтобъ мы не могли извиняться незнанiемъ того, что дѣлать и неимѣнiемъ

емъ къ тому дальнаго побужденія. Ежели разсудить о необходимо сопряженныхъ съ симъ природнымъ стремленіемъ врожденныхъ понятій о Богѣ и о Его законѣ: то не погрѣшая можно сказать, что законъ Божій написанъ у насъ въ сердцѣ, и къ исполненію онаго вложена въ насъ такая пружина, которая бы могла насъ не только ежеминутно къ тому побуждать, но и всегда быть наставникомъ и руководителемъ, естьлибъ только могла имѣть совершенное свое дѣйствіе и ей не дѣланы были нами помѣшательства. Стремленіе къ совершенству дано намъ для того, чтобъ оно побуждая насъ приводить себя въ лучшее состояніе и совершенство, могло быть нѣкоторымъ образомъ подпорою первому, естьлибъ только дѣйствіе онаго пребывало въ своихъ предѣлахъ и стремленіе сіе не взяло верьхъ надъ первымъ: наконецъ третье коренное стремленіе, или любовь къ совершенствамъ, или склонность къ соединенію съ оными, то есть любовное стремительство, назначено къ тому, чтобъ мы силою

онаго

онаго не только равномѣрно ко многимъ хорошимъ дѣламъ имѣли побужденіе; но какъ безчисленныя желанія, отъ сего стремленія происходящія, легче и скорѣе прочихъ могутъ насыщаемы быть, то во всегдашнее время моглибъ наслаждаться безчисленными увеселеніями, а чрезъ то совершаться побочной конецъ нашей жизни, естьлибъ только оное въ надлежащей своей величинѣ могло всегда дѣйствовать.

Однимъ словомъ всѣ желанія наши не съ тѣмъ въ насъ вложены, чтобъ они по своему произволу дѣйствовали, но чтобъ находились они въ надлежащемъ и такомъ распоряженіи и другъ у друга повиновеніи, какое надобно. А именно, чтобъ совѣстное стремленіе имѣло верьхъ предъ обоими прочими, сіи же не болѣе бы дѣйствовали, какъ сколько безъ предосужденія перваго быть можетъ. Но такъ ли въ насъ происходитъ и въ такомъ ли они другъ у друга повиновеніи и между собою содержаніи находятся, о томъ остается теперь еще спрашивать.

Желалъ бы я, чтобъ могъ на сей вопросъ сказать отвѣтъ не отрицательной! Но что дѣлать, когда сего не можно и когда неволя велитъ признаться, что нынѣшнее расположеніе желаній нашихъ и содержаніе между оными далеко не таково, каковому ему быть надобно! Вмѣсто того чтобъ имѣть верьхъ совѣстному и любовному стремленію и всѣми прочими обладать, нынѣ имѣетъ верьхъ стремленіе къ совершенству и по несчастію такъ усилилось, что всѣми прочими обладаетъ; а что важнѣе всего за великостію сего стремленіе совѣстное такъ мало угнѣтено, что вмѣсто величайшаго дѣйствія имѣетъ такое, которое дѣйствіемъ почти назвать не можно.

Естьли спросятъ меня, чтожъ бы сіе мѣшало и какія слѣдствія отъ того произошли? То скажу, что не иныя какъ печальныя. Не успѣло сіе стремленіе взять верьхъ, какъ произвело во всей человѣческой душѣ величайшей безпорядокъ. Всѣ склонно-

сти и желанія пришли въ превеликое замѣшательство. Тѣ, которымъ бы наиболѣе въ человѣкѣ дѣйствовать и увеличиваться надлежало, сдѣлались угнѣтены, малы и потеряли всю величину своего дѣйствія, а мѣста ихъ заступили новыя и происходящія отъ стремленія къ совершенству, съ тою еще несчастною особливостію, что вышедъ изъ надлежащихъ предѣловъ и соединившись съ скотскими стремительствами, лишились натуральной своей доброты, сдѣлались злыми и худыми. Величина ихъ превзошла величину свободности и произвола. Они сдѣлались по Аллегоріи нашей барсами, медвѣдями и слонами, и потому взяли надъ человѣкомъ полную власть. Связали ему такъ сказать руки и ноги. Сдѣлали его себѣ рабомъ; произвели и въ разумѣ и волѣ его превеликое нестроеніе и господствуютъ надъ нимъ по своей волѣ, побуждаютъ или паче сказать неволею заставляютъ его дѣлать не то, что надобно, а то, къ чему они сами стремятся. А отъ всего того и произошло то несчастное

послѣдствiе, что большая часть людей нынѣ вмѣсто вышеупомянутаго намѣренiя, или конца, на которой ихъ жизнь назначена, почитаютъ тѣмъ только свой мамонъ или ложное совершенство, и ему одному служатъ и ему работаютъ. О Богѣ же, о его законахъ и о истинномъ своемъ благополучiи всего меньше помышляютъ и радѣютъ, а чрезъ то всю жизнь свою въ безпрерывныхъ почти хлопотахъ, заботахъ, печаляхъ и неудовольствiяхъ препровождаютъ. Можноль же хуже сихъ какимъ слѣдствiямъ быть?

Естьли спросятъ меня теперь, о всѣхъ ли людяхъ сiе сказать можно; и во всѣхъ ли произошелъ сей внутренней въ душѣ нашей безпорядокъ? То скажу, что конечно во всѣхъ; потому что мы по несчастiю съ тѣмъ уже всѣ и родимся на сей свѣтъ.

Сiе безсомнѣнно инымъ удивительно и странно покажется и найдутся можетъ быть такiе, которые пожелаютъ знать, отъ чего бы это такъ дѣла-

дѣлалось? Но я не знаю, отвѣтствовать ли имъ на сіе или нѣтъ: для того что отвѣтомъ на сіе можетъ быть вооружу противъ себя нѣкоторыхъ, которые нѣжность своихъ мыслей выводятъ изъ границъ, и коимъ отвѣтъ мой можетъ быть покажется столь страненъ, что они не преминутъ меня и все сочиненіе мое поднять на смѣхъ. Однако что дѣлать когда я столь глупъ, что сажу почитаю черною и что глаза мои не столь острозрительны какъ у нихъ и не могутъ въ ней примѣтить никакой бѣлизны. Естьли могутъ они мнѣ доказать и въ томъ совершенно увѣрить, что сажа бѣла, а снѣгъ черенъ, а не бѣлъ: то и я согласенъ буду съ ихъ высокими мнѣніями и не буду болѣе того утверждать, а до того времени да не прогнѣваются они на меня, что я слѣдуя самой истиннѣ не обинуяся скажу: что кто бы что ни говорилъ, но то останется справедливо, что всему вышеупомянутому поврежденію и замѣшательству произшедшему во внутренности души нашей ничто иное

какъ

какъ паденіе нашего праотца Адама причиною. Въ немъ первомъ по несчастію произошла сія перемѣна, а отъ него наслѣдовали и наслѣдуютъ потомъ всѣ его потомки. И сіе самое можетъ служить великимъ и очевиднымъ доказательствомъ истиннѣ Христіянскаго закона и всего откровеннаго Слова Божія.

Естьлибъ сталъ кто любопытствуя далѣе меня спрашивать. Какимъ же образомъ это дѣлается и мы повидимому невинно съ своей стороны терпимъ соучастіе въ несчастныхъ слѣдствіяхъ паденія нашего праотца: то симъ не обинуясь признаюсь, что сего вопроса рѣшить я не въ состояніи. Потому что сіе принадлежитъ къ тѣмъ таинствамъ, которыя угодно было отъ насъ для неисповѣдимыхъ своихъ судебъ сокрыть великому нашему Производителю. Почему и имъ совѣтую въ семъ пунктѣ далѣе не любопытствовать: но довольствоваться тѣмъ только одним, что намъ открыто. Довольно когда ежедневное искусство доказы-

казываетъ намъ, что сіе наслѣдіе праотеческаго грѣха дѣйствительно есть и мы на свѣтъ съ тѣмъ уже родимся. А что о томъ намъ знать не дано, по чему и какимъ образомъ сіе происходитъ, такъ не могутъ ли быть тому разныя причины? По чему знать, можетъ быть это такое таинство, котораго знаніе въ предѣлы нашего разума не вмѣстимо? Можетъ быть причиною тому, что мы умъ и прочія совершенства имѣемъ не въ безконечномъ градусѣ? Можетъ быть требовали того другія какія не исповѣдимыя Творца нашего намѣренія. -- Однимъ словомъ, что о томъ много говорить. Довольно когда мы увѣрены, что такое великое и всесовершенное Существо, каковъ нашъ Богъ, какъ ничего напраснаго и несовершеннаго дѣлать, такъ и худое попустить безъ причины не можетъ; не можемъ ли мы изъ того съ достовѣрностію заключать, что конечно онъ имѣлъ къ тому уже свои святыя причины и сіе одно не въ состояніи ли уже усмирить все наше излишнее любопытство и насъ успокоить!

На-

Напротивъ того естьлибъ кто пожелалъ не въ семъ а въ томъ любопытствовать, отъ чего и какимъ образомъ въ Адамѣ сіе замѣшательство во внутренности души произошло: то и до сего хотя однимъ разумомъ дойтить не можно, но естьли взять себѣ въ вспоможеніе откровенное намъ въ священномъ писаніи Божеское слово: то уже не столь трудно будетъ сдѣлать вѣроятное заключеніе.

Исторія сообщенная намъ въ ономъ о семъ важномъ приключеніи подаетъ намъ желаемое всему изъясненіе. Мы читаемъ, что Адамъ по созданіи своемъ съ Еввою введенъ былъ въ Едемской садъ наполненной всякими изобиліями, гдѣ дозволеніе ему было все ѣсть, что пожелаетъ, кромѣ плода съ одного дерева, до котораго запрещено было дотрогиваться. Что иное сіе значитъ какъ то, что всемогущему Богу для извѣстныхъ ему и намъ не открытыхъ намѣреній угодно было поставить Адама на пробу и видѣть послушаетъ ли онъ его или нѣтъ. Не

древо

древо и не плодъ съ него былъ важенъ, но важность состояла болѣе въ томъ, предпочтетъ ли Адамъ повелѣніе Божеское своему хотѣнію. Для чего сія проба учинена была, того намъ не открыто, но ежели разсудить о воспослѣдовавшихъ отъ непослушанія Адамова ужасныхъ и великихъ слѣдствіяхъ: то можно уже съ вѣроятностію заключить, что проба сія для какихъ нибудь весьма важныхъ причинъ была надобна. Священное писаніе повѣствуетъ намъ, что до того времени имѣлъ Адамъ всѣ тѣ совершенства, съ какими онъ созданъ въ полномъ градусѣ. Разумъ его былъ просвѣщенъ. Животныя и вся почти натура ему повиновалась; а по сему съ вѣроятностію можно заключить, что и желанія въ душѣ его были въ надлежащемъ порядкѣ и такомъ содержаніи другъ противъ друга, какое надобно: то есть, что стремленіе совѣсти, или къ повиновенію Божеской волѣ было больше стремленія къ собственному своему совершенству. Можетъ бы и осталось оно навсегда такъ, естьлибъ онъ выдер-

держалъ пробу; можетъ бы сохранилъ онъ чрезъ то всѣ свои преимущества и совершенства, и воля бы его уже такъ освящена была, какъ воля Ангеловъ, и чрезъ то бы не могъ уже болѣе дѣлать такiя дѣла, которыя Богу неугодны, или по крайней мѣрѣ не было бы ему и намъ съ нимъ такихъ помѣшательствъ, какiя мы нынѣ претерпѣваемъ. Но по несчастiю сего не воспослѣдовало. Адамъ палъ и лишился своихъ преимуществъ.

Священное писанiе описываетъ обстоятельно все произшествiе сего паденiя. Дьяволъ сей отпадшей проклятый духъ имѣлъ причину завидовать человѣческому блаженству и стараться преклонить его къ преступленiю Божескаго повелѣнiя, дабы чрезъ то ввергнуть и человѣка въ такоежъ несчастiе, въ какомъ самъ находился. Средства, чѣмъ можно возбудить желанiе, были ему довольно извѣстны. Онъ вѣдалъ, что нужно ему только возбудить въ Еввѣ и Адамѣ стремленiе къ собственному совершенству

ству и сдѣлать его больше совѣстнаго стремленія, какъ не въ состояніи уже будутъ они противиться и охотно на желаніе его согласятся. Для сей причины разговаривая съ Еввою въ видѣ змѣи, ничѣмъ инымъ ихъ къ тому не убѣдилъ, какъ помянутымъ средствомъ. Онъ старался увѣрить ихъ, что естьли они вкусятъ плода отъ запрещеннаго дерева, такъ будутъ совершенствомъ своимъ подобны самому Богу. Ибо вѣдалъ, что таковая мысль можетъ увеличить и воспалить ихъ стремленіе къ совершенству. Что и воспослѣдовало. Евва не успѣла услышать, что они будутъ несравненно совершеннѣе и равны Богу, буде съѣдятъ плодъ съ того дерева, какъ мысль сія воспалила тотчасъ желаніе къ собственному совершенству: а чѣмъ больше сдѣлалось сіе, тѣмъ меньше принуждено было сдѣлаться стремленіе къ повиновенію Богу. Тогда не могли уже они владѣть собою и учинили то, чего желалъ дьяволъ и къ чему усилившееся тогда въ нихъ стремленіе къ совершенству побуждало.

Слѣдствiя произшедшiя отъ того извѣстны; почему мнѣ о прочихъ говорить не для чего, а я то только упомяну, что между прочимъ сожалѣнiя достойно было и то, что съ того времени усилившееся стремленiе къ совершенству удержало свой верьхъ надъ прочими коренными стремительствами и произвело въ душѣ весь тотъ безпорядокъ, о которомъ я упоминалъ выше, и всѣ уже Адамовы потомки стали родиться съ онымъ, и потому охотнѣе дѣлать то, что Богу противно, нежели то, что ему прiятно и надобно. И сiе-то есть истинное произшествiе такъ называемаго нравственнаго зла, о которомъ такъ многiе и различные отъ ученыхъ бываютъ толки и разсужденiя.

Я окончу разсужденiе сiе тѣмъ, что хотя по силѣ вышеупомянутаго мы и родимся уже съ тѣмъ, что стремленiе къ совершенству въ насъ несравненно болѣе стремленiя совѣстнаго; и потому мы, такъ сказать, отъ природы уже болѣе ко злу нежели къ добру

бру склонны, однако не должно думать, чтобъ всѣ люди равно сему злу подвержены были. Большая часть худыхъ желаній родятся уже во время растѣнія нашего и продолженія жизни, почему много въ семъ случаѣ зависитъ отъ воспитанія, худыхъ привычекъ и сообщества съ порочными людьми. Но какъ бы то ни было, однако не можно сказать, чтобъ кто нибудь совершенно отъ худыхъ желаній освобожденъ былъ, а разность состоитъ въ томъ, что внутреннее душевное поврежденіе въ одномъ человѣкѣ болѣе, нежели въ другомъ.

Такимъ же образомъ не должно и того думать, чтобъ сіе зло совсѣмъ неотвратимо, или вовся безъ лекарства было. Правда корень онаго такъ глубоко въ насъ вкоренился, что едва ли кто оной истребить можетъ: однако для уменьшенія въ себѣ сего зла не лишены мы всѣхъ еще способовъ. И во первыхъ хотя съ трудомъ, однако можемъ мы и сами оное нарочито уже уменьшить, буде только того похо-

тимъ и съ прилѣжаніемъ стараться станемъ, а во вторыхъ можемъ пользоваться въ томъ постороннею помощію и тѣмъ награждать недостатокъ силъ своихъ. Сію помощь обѣщалъ намъ самъ человѣколюбивой Создатель нашъ и требуетъ къ тому только нашего начала и хотѣнія. Сей пунктъ есть по справедливости примѣчанія достойнѣйшимъ и такой, которой дѣлаетъ намъ Христіянской законъ наидрагоцѣннѣйшимъ. Ибо сію помощь можемъ мы не инако, какъ посредствомъ онаго получать, и чрезъ то скорѣйшимъ путемъ, какъ до временнаго несовершеннаго, такъ потомъ до вѣчнаго и совершеннаго благополучія достигать, а безъ него и одними своими силами, едвали мы когда нибудь что важное произвесть можемъ.

Вотъ все, что я за нужное почелъ упомянуть вообще о состояніи нашихъ желаній. Признаюсь, что сіе не совсѣмъ еще любопытнаго человѣка удовольствовать можетъ. Онъ пожелаетъ

лаетъ обстоятельнѣе вѣдать, какія бы собственно слѣдствія отъ помянутаго поврежденія въ душѣ нашей, или нравственнаго зла происходятъ и какіе бы способы и средства могли употребляемы быть къ истребленію, или по крайней мѣрѣ къ уменьшенію онаго, дабы вѣдая поименно всѣ наши худыя склонности и желанія и средства къ истребленію оныхъ, могъ принимать свои мѣры и тѣмъ стараться о пріученіи себя къ добродѣтельной жизни и къ исполненію чрезъ то того конца, на которой онъ назначенъ. Но какъ самаго того и намѣреніе мое требуетъ: ибо во первыхъ безъ добродѣтели и благополучіе ничто и намъ не будетъ пользовать; а во вторыхъ самое помянутое нравственное зло, или худыя наши склонности всего болѣе благополучію мѣшаютъ: ибо отъ нихъ происходятъ наиболѣе всѣ наши досады, печали и неудовольствія: то за необходимое почитаю и о семъ вкратцѣ упомянуть и къ тому назначить особыя разсужденія.

РАЗСУЖДЕНІЕ VIII.

О нравственномъ злѣ, или о худыхъ нашихъ склонностяхъ.

Когда главной конецъ, на которой жизнь наша назначена, есть добродѣтель, и когда намъ временное благополучіе наше потолику только искать должно, поелику то безъ предосужденія добродѣтели чиниться можетъ: добродѣтельной же жизни ничто такъ не мѣшаетъ, какъ находящееся въ насъ, такъ называемое нравственное или душевное зло, то есть усилившіяся худыя склонности и желанія побуждающія насъ къ противнымъ воли Божеской и не согласующимся съ добродѣтелью дѣламъ; и когда первѣйшій долгъ человѣка состоитъ въ стараніи сіе зло колико можно истреблять и уменьшать стараться: къ сему же присту-

ступить прежде не можно, покуда мы о семъ нравственномъ злѣ и худыхъ нашихъ желаніяхъ не будемъ имѣть довольнаго свѣденія: то думаю, что всякой со мною въ томъ согласится, что изслѣдованіе сего зла будетъ не излишнимъ, но паче полезнымъ и надобнымъ дѣломъ. Сіе побудило меня назначить къ тому сіе разсужденіе, и въ ономъ вкратцѣ изобразить все то, что къ сему пункту относиться можетъ.

Подъ именемъ нравственнаго зла вообще разумѣются такія склонности, кои не согласны съ волею Божескою и которыя наиболѣе подъ именемъ порочныхъ желаній извѣстны. Порядокъ велѣлъ бы мнѣ теперь изслѣдовать въ тонкость, откудабы сіе вкравшееся въ свѣтъ зло имѣло свое происхожденіе? Отъ ограниченности ли нашего существа или натуры, какъ многіе думаютъ, или отъ иныхъ какихъ причинъ оное произошло и происходитъ. Но сіе изслѣдованіе не только завелобъ меня въ великое простран-

ство, но будучи совсѣмъ посторон-нее и притомъ тонкое Философическое дѣло, не принадлежитъ къ теперешне-му намѣренію моему, чего ради я не хочу тѣмъ много прискучивать вамъ дорогой читатель: но вкратцѣ толь-ко скажу, что сіе зло происхожденіе свое имѣетъ ни отъ чего инаго, какъ отъ злоупотребленія нашей свободно-сти, или произвола состоящаго въ томъ, что человѣкъ сею драгоцѣнною и великую важность составляющею намъ данною отъ Бога силою не такъ поль-зуется и не на то употребилъ и у-потребляетъ, къ чему она назначена, но на худое и противное воли Боже-ской.

Вотъ подлинное и такое онаго произшествіе, которое вкупѣ объя-сняетъ намъ и то, по чему сдѣлался человѣкъ онаго виновнымъ и подвергъ себя чрезъ то Божескому наказанію. Разумъ нашъ сіе говоритъ: а священ-ное писаніе подтверждаетъ и объя-сняетъ далѣе сію истинну. Оно при-совокупляетъ къ тому то, до чего

однимъ

однимъ разумомъ дойтить мы не можемъ: а именно что поспѣшествовало и поспѣшествуетъ къ тому много прельщеніе злаго духа, то есть дьявола. Однако ему одному собственное происхожденіе и причину онаго приписать не можно, ибо въ семъ случаѣ былъ бы человѣкъ съ своей стороны не виноватъ и могъ бы оправдаться, что не онъ, а злой духъ тому причиною. Слѣдовательно было бы не справедливо наказывать человѣка за то, что не отъ него произошло: но такой несправедливости Богу какъ всесовершенному и притомъ правосуднѣйшему существу учинить никакъ не можно. Сіе обстоятельство достойно великаго примѣчанія тѣмъ паче, что оно служитъ къ разрушенію двоякаго и весьма важнаго заблужденія, которымъ многіе люди въ разсужденіи сего пункта бываютъ подвержены. Оба они составляютъ крайности и стремнины которыхъ великая причина есть остерегаться всякому здравой разсудокъ имѣющему человѣку. Одна изъ нихъ та, что иные люди уже съ лишкомъ

много приписываютъ дьяволу и всѣ свои худыя дѣла на его счетъ полагаютъ, и обвиняя его одного себя тѣмъ, но тщетно оправдать думаютъ. А другая въ томъ, что иные люди принимаютъ совсѣмъ противную сторону, и не только поспѣшествованiю или прельщенiю отъ дьявола, но и ни самому сему злому духу на свѣтѣ быть не думаютъ. Но сiи господа подумалибъ, что утверждаетъ первое: то есть, чтобъ злымъ нашимъ дѣламъ причиною былъ одинъ дьяволъ: противно не только нашему разуму, но и самымъ божескимъ совершенствамъ. А утвержденiямъ втораго, то есть, чтобъ дьявола вовся не было, опровергается вдругъ все откровенное слово Божiе, говорящее толь во многихъ мѣстахъ и очень ясно о бытiи сихъ злыхъ духовъ. Они забываютъ то, что ежели сiе опровергнуть, то надобно опровергнуть вкупѣ и всю связь Христiанскаго закона. Но сiе не смотря на всѣ усилiя и старанiя противоборниковъ онаго, едвали кѣмъ когда нибудь учиниться можетъ. Сколько въ томъ по сiе время

мя ни говорено было и сколько суетность разума человѣческаго ни устремлялась противъ онаго и ни старалась одолѣть сію великую божественную и непреоборимую истинну, или короче сколько самые оные злые духи ни употребляли свою хитрость къ изощренію человѣческихъ мыслей, къ пагубному сему для человѣковъ, а для ихъ вождelѣнному опровержeнію и сколько они въ томъ ни успѣваютъ, однако не смотря на то истинна сія останется на вѣкъ не преоборимою и врата адовы ее не одолѣютъ. Но не моя должность о семъ далѣе говорить. Я оставляю то Богословамъ, самъ же упомянувъ о семъ только мимоходомъ, поелику то къ моему намѣренію требовалось, пойду далѣе.

Ежели спросятъ меня теперь какимъ же образомъ поступить и какія мысли имѣть въ семъ случаѣ? На то скажу, что благоразумнѣйшее и притомъ надежнѣйшее и безопаснѣйшее дѣло будетъ, ежели между обѣими помянутыми крайностьми избирать сре-

среднюю дорогу и злыя наши дѣла приписывать собственно и наиболѣе себѣ и злоупотребленію нашей свободной воли, а дьяволу приписывать только прельщеніе, то есть, хитрое поощреніе къ тому человѣковъ, однако не всегдашнее и не такое, которое бы мы одолѣть и которому воспротивиться не могли, но такое, которое одолѣвать намъ есть возможность. Слѣдовательно прельщеніе его намъ ни въ малое оправданіе служить не можетъ. Сіе будетъ и съ Священнымъ Писаніемъ и съ ученіемъ Христіянскаго закона и съ самымъ разумомъ нашимъ согласно. Ибо и сей хотя и не можетъ самъ собою до того дойтить, что злые духи есть и что прельщеніе отъ нихъ дѣлается, но по крайней мѣрѣ не можетъ опровергнуть, чтобъ имъ такимъ, какими описываетъ ихъ Священное Писаніе, и такому отъ нихъ прельщенію, о какомъ выше упомянуто, не было возможности быть. А когда разумъ нашъ говоритъ, что сіе не невозможное дѣло, такъ сего уже довольно.

Даль-

Дальнѣйшія доказательства тому я оставляю; потому что сіе не только не принадлежитъ къ моему намѣренію, но и многимъ нѣжнымъ слухамъ и такъ называющимся высокимъ духамъ, привыкшимъ о томъ инако помышлять, матерія сія будетъ съ лишкомъ не по вкусу. Я бы и сего не упомянулъ, естьлибъ не побуждалъ меня долгъ защищать всякую истинну.

Однако какъ многіе можетъ быть найдутся, которые охотно пожелаютъ знать, какимъ бы образомъ возможно было злымъ духамъ прельщать насъ къ злымъ дѣламъ и въ чемъ бы сіе прельщеніе состояло? То симъ въ удовольствіе присовокуплю я еще нѣсколько словъ о сей важной матеріи.

Подлиннаго о семъ важномъ пунктѣ сказать ничего не можно, потому что существо силы и дѣйствія сихъ злыхъ духовъ всего меньше извѣстны: а вѣроятно заключить можемъ слѣдующее. Изъ Священного Писанія видимъ мы, что сіи злые духи въ началѣ

сво-

своемъ составляли лучшей и совершеннѣйшей родъ созданій, нежели мы человѣки; слѣдовательно одарены были противъ насъ множайшими силами и совершенствами разума и воли; то есть, чтобъ разумъ ихъ въ состояніи былъ болѣе знать нежели нашъ, а воля болѣе въ дѣйство производить нежели наша. Сколь великъ ихъ разумъ и сколь сильна воля предъ нашею, того мы не знаемъ. Но положимъ, чтобъ разумъ ихъ между прочимъ такъ далеко предъ нашимъ преимуществовалъ, чтобъ онъ зналъ въ точность внутреннее устроеніе душъ нашихъ и сопряженіе разныхъ ихъ силъ между собою и дѣйствіе оныхъ. Чего всего въ тонкость мы не знаемъ; а воля бы ихъ, или сила такъ далеко простиралась, чтобъ могла чрезъ какія нибудь посредства производить во внутреннихъ души нашей дѣйствіяхъ нѣкоторыя перемѣны. Ограничимъ сію силу воли его и положимъ, чтобъ она не далѣе простиралась, какъ только до нашихъ мыслей и вся перемѣна производимая злымъ духомъ состоялабъ въ томъ, чтобъ

чтобъ онъ могъ возбудить въ душѣ нашей мысли какими нибудь неизвѣстными намъ средствами. Свободность же наша или произволъ чтобъ совсѣмъ былъ освобожденъ отъ его навѣтовъ и онъ не могъ бы на оной безпосредственно дѣйствовать; слѣдовательно насъ къ чему нибудь неволею принудить. Все сіе положить не противно разуму и сего положенія довольно будетъ для изъясненія всего дѣла.

Ибо какъ изъ сообщеннаго мною въ V. Разсужденіи аллегорическаго моего изъясненія души, ея силъ и дѣйствій, которое на сей случай прошу читателя напомнить, явственно: что всѣ дѣла наши происходятъ отъ движенія души и дѣйствія въ тѣлѣ, душа же въ движеніе приводится хотѣніями и стремительствами; хотѣнія же возбуждаються и увеличиваются мыслями; мысли же разбужаются въ насъ паки движеніемъ души происходящимъ отъ дѣйствія наружныхъ нашихъ чувствъ и отъ другихъ внутреннихъ въ тѣлѣ между машинами онаго дѣйствій: то не слѣ-

слѣдуетъ ли само собою, что злому духу произведеніемъ какихъ нибудь неизвѣстныхъ намъ, а ему извѣстныхъ дѣйствій въ нашихъ чувствахъ, или во внутренности нашего тѣла, нужно только привесть душу въ извѣстное ему движеніе и чрезъ то возбудить въ ней надобныя ему мысли и привесть ихъ въ такую живность, чтобъ они могли возбудить какое нибудь ему надобное желаніе и оное до того увеличить, чтобъ оно величиною своею превзошло величину свободности и чрезъ то довесть насъ до того, чтобъ мы тому желанію послѣдовали и произвелибъ какое нибудь худое дѣло, а чрезъ частое повтореніе того обратилибъ сіе желаніе въ привычку и сдѣлали страстью. Теперь спрошу я, естьли во всемъ семъ какой нибудь видъ невозможности? А естьли сіе такъ, то не останемся ли мы съ своей стороны, не смотря на его прельщеніе, злому дѣлу виновны? Потому что дѣло произошло только отъ того, что мы дали волю злому духу себя обмануть; то есть, оплошностію своею допу-

стили

стили его оныя мысли и желанія въ насъ возбудя увеличить и довесть до того, чтобъ оно превзошло величину нашей свободности, до которой собственно онъ самъ касаться не можетъ. А мы не допустить до того находимся всегда въ силахъ и въ состояніи надъ мыслями своими во всякое время господствовать и ихъ останавливать, какъ то довольно изъ опытовъ извѣстно; а сверьхъ того и я послѣ докажу подробнѣе и вкупѣ предложу средства, какія къ тому удобнѣе употреблять можно.

Вотъ въ чемъ только по вѣроятности состоитъ все прельщеніе злыхъ духовъ. А естьли напомянуть приведенную мною исторію о паденіи Адамовомъ, то произшествіе тогдашнихъ обстоятельствъ подтвердитъ сіе положеніе, такъ что мы сомнѣваться въ томъ почти уже не можемъ. Ибо естьлибъ сіе не такъ было, и можно было дьяволу Адама и Евву инымъ образомъ прельстить и принудить его къ преслушанію Бога своею силою: то

на что бы ему предпринимать такія околичности и такую хитрость, какую онъ употребилъ? На что бы сказывать имъ и увѣрять, что они подобны будутъ Богу, естьли съѣдятъ отъ запрещеннаго дерева? Не явствуетъ ли изъ сего, что ему нужны были только ихъ мысли и возбужденіе тѣхъ, которыя сами собою стремленіе къ совершенству возбудить могутъ, а о прочемъ былъ онъ уже увѣренъ, что само собою воспослѣдуетъ, естьли только Адамъ и Евва въ самомъ началѣ не остерегутся? И не виноватыли они, что дали себя обмануть, не употребили въ пользу своей свободности и не выгнали ею сіи пагубныя мысли въ самомъ началѣ изъ головы, и чрезъ то не удержали желанія быть равнымъ Богу; но допустили такъ ему увеличиться, что имъ его послѣ за малостію произвола одолѣть было уже не можно?

Симъ надѣюсь довольно уже я изъяснилъ вамъ, дорогой читатель, происхожденіе нравственнаго зла вообще: теперь

теперь обращусь къ самому предмету сего моего разсужденія, или къ подробному изчисленію всѣхъ слѣдствій онаго и произшедшихъ отъ того вновь и нынѣ происходящихъ въ человѣкахъ худыхъ склонностей и желаній.

Паденіе Адамово и произшедшее отъ того нравственное, или такъ называемое мораличеcкое зло произвело великую перемѣну во внутренности души нашей. Я уже упомянулъ, что между прочимъ усилившееся стремленіе къ собственному совершенству одержало уже свой верьхъ и сдѣлалось такъ велико, что не только прочія оба сдѣлались его гораздо меньше, но и самой нашъ произволъ будучи предъ нимъ безсиленъ совсѣмъ его одолѣть не можетъ. А какъ по натуральному свойству нашихъ желаній, всякое увеличившееся желаніе въ состояніи уже производить отъ себя множество другихъ желаній, которыя такимъ же образомъ увеличиться и опять отъ себя дѣтей производить могутъ: то послѣдовало сіе и съ стремленіемъ къ со-

совершенству. Оно не преминуло произвесть множество другихъ желаній, которыя всѣ будучи подкрѣпляемы своимъ начальникомъ, сдѣлались также сильны и произволомъ съ трудомъ одолѣваемыми. Но притомъ одномъ еще не осталось. Но какъ по сокровенному отъ насъ таинству натуры, слѣдствіе Адамова паденія простерлось и на всѣхъ его потомковъ, и всѣ они родятся уже съ тѣмъ, что стремленіе къ совершенству въ нихъ съ лишкомъ велико: то натурально стало уже и во всѣхъ производить многія другія желанія клонящіяся къ разнаго рода совершенствамъ, хотя не во всѣхъ человѣкахъ одинакія. Но какъ сіи совершенства многоразличны, какъ на примѣръ существительныя и побочныя, истинныя и ложныя, а разбираемы должны быть разумомъ и мыслями. Всякое же желаніе имѣетъ натуральную способность дѣйствовать въ разумѣ и принуждать его къ произведенію свойственныхъ мыслей; то и послѣдовало отъ того несчастное слѣдствіе, что усилившіяся и болѣе прочихъ

чихъ дѣйствующія желанія къ совершенствамъ вмѣшались въ дѣла силъ разума и произвели въ нихъ великіе безпорядки и довели до того, что силы разума, или помянутые въ Аллегоріи моей начальники птичекъ сбились съ пути и начали совершенства полагать въ ложныхъ и такихъ вещахъ, въ чемъ ихъ не бывало, и ложныя почитать истинными, а побочныя существительными и такъ далѣе. Къ тому присовокупилось еще другое печальнѣйшее слѣдствіе, а именно. Какъ помянутой произшедшей въ душѣ безпорядокъ былъ причиною тому, что и произволъ въ человѣкахъ сдѣлался безсиленъ и принужденъ потерять главную свою команду и власть надъ желаніями, и сдѣлаться почти рабомъ помянутымъ усилившимся желаніямъ; то пользовались симъ его изнеможеніемъ и всѣ скотскія стремительства, или тѣ склонности, кои въ Аллегоріи моей называны матрозами. И какъ ихъ предметъ есть тѣло и должность ихъ состоитъ въ стараніяхъ о снабденіи онаго нужными вещами, а чело-

вѣческое стремительство къ совершенству, или такъ названной мною камериръ съ произшедшими отъ себя отраслями съ одной стороны о томъ же, то есть о приведенiи тѣла человѣческаго, о его пользахъ и объ отвращенiи ему зла стараться долженъ. Слѣдовательно съ сей стороны оба рода сихъ стремительствъ согласны, то натурально не препятствовали они другъ другу, но паче соединяли силы свои, совокупно дѣйствовали и взаимно одни другимъ помогали, и отъ самаго того вышли изъ предѣловъ, въ которыхъ бы имъ по учрежденiю натуры быть слѣдовало, и такъ между собою перемѣшались, что произошло отъ того несказанное множество новыхъ совсѣмъ безпутныхъ и тѣхъ желанiй, которыя подъ именемъ худыхъ склонностей болѣе извѣстны и коимъ я ниже сего сообщу родословную, такъ сказать роспись. Прочiя же всѣ, а особливо добрыя и главныя названныя мною министромъ и прокуроромъ, потеряли природную свою величину и сдѣлались противъ нихъ слабы и немощ-

мощны, а отъ того самаго и произошло, что вся сія душевная республика птицъ и звѣрей, или все сборище нашихъ мыслей и желаній находится нынѣ по большей части въ людяхъ въ великомъ нестроеніи. Управляютъ ею не природные и не законные начальники, но глупые, здорные и несродные къ правительству бунтовщики и мятежники: то есть помянутыя произшедшія отъ смѣшенія скотскихъ стремительствъ съ желаніями совершествъ худыя склонности и желанія. И вся область души наполнена бунтами, мятежами и внутренними безпорядками и возмущеніями. Главные же и природные начальники, то есть разумъ и произволъ съ помощниками своими министромъ и прокуроромъ должни либо во всемъ имъ повиноваться и дѣлать то, что они хотятъ, либо находиться въ великомъ изнеможеніи, и такъ сказать сидѣть въ изгнаніи и заточеніи и рѣдко уже и не во всѣхъ просыпаются, выпускаются наружу и производятъ свои но слабыя уже дѣйствія, и не инако могутъ получить прежнюю свою власть

и господствіе, какъ при вспоможеніи уже самаго Бога и при употребленіи къ тому отъ человѣка трудовъ и стараній.

Вотъ слѣдствія произшедшія отъ паденія Адама; кто не видитъ, что они весьма для насъ важны. Однако самое помянутое Божеское вспоможеніе дѣлаетъ уже сіе зло не совсѣмъ неизлечимымъ: и намъ есть еще средство избавиться отъ того, буде только мы похотимъ и сами о томъ постараемся, ибо и въ семъ случаѣ правосудіе Божеское требовало того, чтобъ оставить произволъ нашъ въ своемъ дѣйствіи.

Теперь приступлю я къ изчисленію оныхъ худыхъ желаній, склонностей и привычекъ, или къ сообщенію ихъ, такъ сказать родословной помянутымъ душевнымъ бунтовщикамъ и мятежникамъ, кои по самой справедливости внутренними нашими и злѣйшими злодѣями почесться могутъ. Всѣ они могутъ на три рода, или на три шайки

ки раздѣлиться и по дѣйствіямъ своимъ относиться либо къ разуму, либо къ воли, либо къ обоимъ совокупно. То есть во первыхъ на такія, которыхъ дѣйствія производятъ безпорядки между мыслями, во вторыхъ такія, которыя причиняютъ внутреннія безпорядки и замѣшательства между желаніями, то есть въ воли, въ третьихъ, кои и въ разумѣ и волѣ совокупно дѣлаютъ замѣшательства. А чтобъ лучше можно было ихъ понимать и помнить, то можно вамъ любезному читателю моему, буде угодно, воображать себѣ видомъ разнаго рода звѣрей и давать имъ такія имена, какія самимъ вамъ заблагоразсудится. Ибо естьли мнѣ сіе дѣлать, то заведетъ меня сіе въ великое пространство. Чего ради я то оставя упомяну объ нихъ только вкратцѣ, да и то только о знатнѣйшихъ, ибо все по безчисленному ихъ множеству изчислить никоимъ образомъ не можно. Я начну съ тѣхъ, которыя относятся къ разуму.

I.

Относящіяся къ разуму, или производящія въ мысляхъ нашихъ, или между птичками безпорядки худыя склонности и желанія суть слѣдующія:

1. Склонность оставаться при темныхъ и не ясныхъ о вещахъ понятіяхъ. Сіе бываетъ основаніемъ всѣмъ заблужденіямъ и замѣшательствамъ въ мысляхъ, и неохотѣ къ наукамъ и ученію. Сего звѣрка можно сравнить напримѣръ съ осломъ. Однако не смотря на то находится въ человѣкахъ великая отвага полагаться тотчасъ на собственныя свои разсужденія, а особливо въ нравоучительныхъ матеріяхъ, не смотря каковыбъ не основательны его мнѣнія ни были. Отъ того и происходитъ, что большая часть людей не смотря на все свое невѣжество и скудоуміе, имѣютъ склонность почитать себя умными, и какъ не могутъ безъ досады сносить, естьли ихъ кто глупцами назоветъ; такъ не любятъ, естьли кто ихъ мнѣнія опорочивать станетъ.

2.

2. Склонность къ предразсудкамъ, подъ именемъ которыхъ разумѣются такія недоказанныя мнѣнія, которыя въ насъ въ такую привычку обратились, что мы и не знаючи имъ слѣдуемъ. Они усиливаются въ насъ либо отъ того, когда разумъ нашъ привыкнетъ одинакимъ образомъ о чемъ нибудь мыслить, либо вкупѣ и отъ того, естьли интересуются при томъ нѣкоторыя наши хотѣнія. Отъ того и происходитъ, что многіе люди не хотятъ иногда вѣрить наияснѣйшимъ доказательствамъ какой нибудь истинны, единственно только для того что они противное тому съ младенчества или издавна затвердили. Обыкновеннѣйшіе и наизнаменитѣйшіе въ людяхъ предразсудки суть слѣдующіе: 1) когда они всѣ произшествія въ свѣтѣ приписываютъ непремѣнному року, или судьбѣ и думаютъ, что всѣмъ вещамъ необходимо уже такъ происходить надлежало, какъ они происходятъ; 2) когда они воображаютъ себѣ ложной конецъ на которой свѣтъ назначенъ и забираютъ себѣ въ голову,

что

что Богъ мало о человѣческихъ дѣлахъ печется; 3) когда они съ лишкомъ уже на себя во всемъ надѣются, или уже съ излишкомъ себѣ не довѣряютъ: и прочія многія.

3. Наружное и внутреннее небреженіе или невниманіе. Отъ которой склонности и происходитъ то, что многіе люди хотя и часто слышатъ важные и до пользы самихъ ихъ касающіеся разговоры, но пускаютъ ихъ, такъ сказать, мимо ушей и ни мало не хотятъ о томъ подумать, а того меньше войтить въ себя и когда нибудь себя разсмотрѣть. Отъ того же самаго происходитъ и нелюбленіе многихъ читать важныя и до существительной пользы человѣческой касающіяся сочиненія и книги, или читаютъ, но безъ всякаго вниманія и зѣваючи и проч.

4. Излишнее любопытство, то есть склонность и охота къ узнаванію и распровѣдыванію постороннихъ и до насъ не касающихся приключеній для

еди-

единой только новости оныхъ, не смотря хотябъ то съ упущеніемъ иныхъ важнѣйшихъ дѣлъ происходило. Колъ безчисленныя худыя слѣдствія производитъ сія худая привычка, о томъ не для чего мнѣ упоминать; также и о томъ, что перенашиваніе вѣстей изъ дому въ домъ и дѣланіе чрезъ то всякихъ сплетней отъ того же самаго имѣетъ свое происхожденіе и прочее тому подобное.

5. Суевѣріе состоящее въ склонности, сокровенныя силы, которыми свѣтъ и человѣческія приключенія управляются, безъ всякой разумной причины и здраваго разсужденія и наизнатнѣйше въ такихъ вещахъ искать и полагать, которыя къ тому ни мало не способны. Колъ многія и разныя, а иногда совсѣмъ глупыя суевѣрія бываютъ въ народахъ, о томъ было бы съ лишкомъ пространно упоминать. Всѣмъ они довольно извѣстны.

6. Невѣріе, подъ которымъ именемъ разумѣется склонность, не вѣрить ничему

чему такому, чего не можно ощущать чувствами, или понимать въ совершенной ясности, хотя бы находилось тому довольно и столько доказательствъ, сколько надобно, или сколько та вещь въ своемъ родѣ имѣть можетъ. Недовѣрка, сомнѣніе и невѣріе въ разсужденіи Христіянскаго закона суть отродія онаго. Подверженной тому, или заразившейся по случаю какими нибудь предосудительными мыслями о немъ человѣкъ, не можетъ упокоиться покуда себя подлинно, или ложно увѣряетъ, что возможно быть еще вышшей степени удостовѣренія, котораго онъ и требуетъ; а въ противномъ случаѣ старается опровергать, не смотря хотя бы тому дѣлу такое количество доказательствъ было, которое бы обязывало уже всякаго разумнаго человѣка то принять за истинну, хотя бы и не присовокуплялось къ тому другаго рода удостовѣренія, илибъ оно было не возможно. При чемъ онъ всегда склоненъ новыя сомнительства вышаривать и выискивать, а при всемъ томъ нетерпѣливъ разрѣшенія оныхъ

вы-

выслушивать. Склонность же оставаться при своихъ мнѣніяхъ побуждаетъ его вниманіе свое только къ тому устремлять, что подтверждаетъ его мнѣнія, а отвращаетъ отъ того, что въ состояніи было принудить его покинуть оныя.

II.

Относящіяся же къ воли худыя склонности и привычки, или не сложныя поврежденія сей души нашей силы наизнатнѣйшія суть слѣдующія.

1. Лѣнь, или привычка отъ такихъ дѣлъ убѣгать, которыя намъ тягостны и единственно для того, что они намъ тягостны. Подъ нѣкоторыми условіями происходитъ отъ сей привычки склонность къ предпріятію совсѣмъ не надобныхъ и до насъ ни мало не принадлежащихъ дѣлъ, и предпочитать маловажныя важнѣйшимъ.

2. Нѣга, то есть съ лишкомъ великое отвращеніе отъ всякаго рода тѣлесныхъ непріятностей.

3. Чувственность, или склонность къ исканію благополучія своего въ вещахъ, или предметахъ до нашихъ чувствъ, какъ то зрѣнія, слуха, обонянія, вкуса и осязанія касающихся. Сей склонности подвержена большая часть людей и она находится во всѣхъ въ великомъ степени. Господствіе скотскихъ желаній надъ человѣческими есть одно отродіе отъ онаго; и отъ самаго того проистекаетъ, что люди болѣе о тѣлесныхъ, нежели о душевныхъ благихъ, или совершенствахъ стараются и пекутся.

4. Отвращеніе, или ненависть ко всякимъ обязанностямъ. Сему злу всего обыкновенѣе бываемъ мы подвержены, а потому и происходитъ отъ того упорство противъ введенныхъ порядковъ и уставовъ. Тайная ненависть къ Христіанскому закону и къ тѣмъ людямъ, которые его хранятъ, почитаютъ и защищаютъ. Тайное желаніе чтобъ не было у насъ Бога, или по крайней мѣрѣ чтобъ не было намъ нужды имѣть съ нимъ никакого дѣла,

а иногда отвращеніе отъ всѣхъ благоразумныхъ и по правиламъ учрежденныхъ дѣлъ. Въ семъ несчастномъ состояніи то природное и невинное желаніе къ вольности, о которомъ имѣлъ я случай прежде сего упоминать, находится въ великомъ заблужденіи. Все же сіе зло отъ владычества надъ нами негодныхъ желаній имѣетъ свое происхожденіе, а какія худыя слѣдствія отъ того прозстекаютъ, о томъ довольно извѣстно.

5. *Испорченное, или поврежденное* самолюбіе, которое ничто иное есть какъ отъ увеселенія мнимыми своими совершенствами происходящая привычка, себя предъ другими безъ причины и безъ дальнѣйшихъ намѣреній предпочитать, и требовать того, чтобъ насъ и другіе предпочитали. Которая привычка увеличившись обращается въ страсть многія худыя слѣдствія за собою приносящую.

6. Корыстолюбіе состоящее въ томъ, когда мы во всѣхъ своихъ дѣлахъ соб-

ственную только свою пользу, или интересъ высочайшимъ предметомъ имѣемъ, а изъ любви и должности ничего дѣлать не хотимъ. Сей склонности, какъ извѣстно, подвержена большая часть людей.

7. Непостоянство происходящее отъ того, что мы въ негодныхъ вещахъ сълишкомъ много доброты ищемъ, а напротивъ того доброту въ совершенныхъ и хорошихъ предметахъ не усматриваемъ, и отъ того бываемъ въ предпріятіяхъ своихъ и намѣреніяхъ не тверды и непостоянны, и получаемъ склонность къ премѣнности.

8. Жестокость пристрастій, или Аффектовъ и съ лишкомъ великая способность къ скорому и легкому воспаленію въ насъ оныхъ. Отъ сего проистекаютъ не помѣрная склонность къ смѣянію, вспыльчивость и склонность къ гнѣву и любомщенію, излишняя пужливость и боязливость, великая способность къ печали и горести и отчаянію и прочее тому подобное.

9. Ужасное множество сбившихся съ пути желаній, склонностей и стремительствъ. Какъ на примѣръ желаніе имѣть завсегда одни только рѣдкія, или все новыя вещи; или желаніе чтобъ все дѣлалось скоро на скоро; стремленіе къ тому, чтобъ всегда играть, шутить, балагурить и прочее тому подобное. Нѣкоторыя изъ таковыхъ произведенныхъ желаній и склонностей уже такъ съ пути сбились, что не только въ нихъ нѣкоторыя обстоятельства исправленія требовалибъ, но въ нихъ и ничего уже добраго не осталось и они сдѣлались уже совершенно злыми и негодными. Таковаго рода суть напримѣръ слѣдующія: 1. Зависть, то есть такое душевное состояніе, когда благополучіе инаго производитъ въ насъ досаду и неудовольстіе, и для того стараемся мы того его лишить и охотнѣебъ видѣли, чтобъ того лучше никто не имѣлъ, нежелибъ онъ, тѣмъ пользовался. 2. Зложеланіе, или увеселеніе чужимъ несчастіемъ, то есть когда мы радуемся о чужой погибели и веселимся тѣмъ, когда посто-

ронним людямъ дѣлается какой вредъ или несчастіе. 3. Свирѣпство состоящее въ томъ, когда мы увеселяемся такою прискорбностью и печалію посторонняго, которая имъ нами произведена и мы тому сами причину подали. Родъ таковыхъ же совершенно злыхъ желаній есть. 4. Желаніе дѣлать дѣла другимъ на зло или на смѣхъ. 5. Желаніе почитать другаго глупцомъ и дуракомъ. 6. Шпынство и подниманіе на смѣхъ, то есть склонность утѣшаться воображеніями истинныхъ и мнимыхъ пороковъ и погрѣшностей другихъ людей, и прочее тому подобное.

10. Поврежденной нравственной или собственнѣе душевной вкусъ, то есть когда мы заблудившись, такими вещами утѣшаемся и почитаемъ ихъ хорошими, въ какихъ того нимало нѣтъ. Онъ бываетъ въ людяхъ весьма многоразличенъ, и въ сей классъ между прочимъ принадлежатъ нѣкоторыя изъ бываемыхъ модъ и пустыя и смѣшныя иногда охоты и препровожденія времени, напримѣръ съ птицами, скотами и звѣрями и прочее тому подобное.

II. Упрямство и своенравіе, которое по извѣстности своей не требуетъ дальнаго изъясненія.

Какимъ собственно образомъ и манеромъ, какъ сіи, такъ безчисленныя и другія поврежденія нашей воли дѣлаются, о томъ подробно говорить было бы съ лишкомъ пространно, да и къ намѣренію моему теперь того не требуется. Чего ради желающіе въ томъ далѣе любопытствовать, могутъ освѣдомляться о томъ въ упомянутой мною Философической наукѣ называемой Телематологіею, которая разбираетъ все, что до человѣческой воли касается. А я только скажу, что ежели въ тонкость разобрать; то всему тому наконецъ причиною и виною будетъ либо совершенное неупотребленіе, либо употребленіе да недостаточное, либо употребленіе совсѣмъ злое нашей свободности или произвола, которая сила должна распоряжать наши хотѣнія.

III.

Теперь не распространяя далѣе словъ, упомянемъ и о сложныхъ родахъ по-

вреждения нашей воли, имеющих основание в обоих главных силах души нашей, то есть в разуме и воли совокупно.

Из сих поврежденных или худых склонностей и желаний примечания достойны наиболее только три: а именно честолюбие, сребролюбие и сластолюбие или роскошь; и как от того большая часть наших пороков происходит, которым мы всего чаще подвержены бываем, и потому они в особливости примечания достойны: то упомянем о каждом из них в особливости и начнем с сластолюбия.

1. Сластолюбие, или роскошь в тесном знаменовании может почесться такою привычкою нашего нрава, когда мы одних таких увеселений без дальних намерений желаем и ищем, при которых мы либо по большей части не в действуемом, а страдательном состоянии можем оставаться. Оно разделяется на телесное, которое

торое тѣлеснаго увеселенія ищетъ и мысленное или душевное, которое къ мысленнымъ и духовнымъ увеселеніямъ стремится. Разнаго рода тѣлеснаго сластолюбія суть слѣдующія: 1. прихотливость или лакомство, 2. объядение, 3. пьянство, 4. нѣжность, 5. сонливость, 6. венерическое сластолюбіе, которое послѣднее паки бываетъ либо болѣе любострастное, либо болѣе влюбчивательное. Понятія о сихъ разныхъ родахъ сластолюбія по ихъ имени всякому извѣстны и не требуютъ дальняго изъясненія. Чего ради я о томъ умолчавъ то только скажу, что сластолюбивые или роскошные имѣютъ обыкновенно и многіе другіе пороки въ себѣ, не для того чтобъ они изъ сластолюбія проистекали, но для того что они сластолюбію всего меньше мѣшаютъ, и потому тѣмъ желаніямъ, которыя тому собственнымъ основаніемъ суть, въ склонномъ къ роскоши нравѣ не дѣлается помѣшательства. Таковыя суть: безмѣрная склонность къ игрѣ, къ танцованію и пляскѣ, къ вертопрашеству, любопытству, вели-

колѣпію, щегольству, мотовству, расточенію и къ прочему тому подобному. Кромѣ сего примѣчанія достойно, что роскошные бываютъ весьма непостоянны и перемѣнны; потому что они обыкновенно и наиболѣе бываютъ сангвинической натуры.

Въ пространномъ же знаменованіи называется иногда именемъ роскоши и сластолюбія заблудившееся желаніе нашего благополучія: и тогда такъ называемая ученая роскошь, или склонность и обыкновеніе упражняться въ штудированіи и наукахъ единственно для своей забавы и увеселенія составляетъ примѣчанія достойной классъ оной.

2. Честолюбіе ничто иное есть, какъ склонность и привычка безъ дальнаго намѣренія желать того, чтобъ насъ люди другимъ предпочитали. Лучшіе роды онаго стараются заслуживать то своими качествами и достоинствами, и потому требуютъ и желаютъ истинной чести и такое честолюбіе непорочно. Таковые люди желаютъ

лаютъ либо внутренной чести и наружныхъ признаковъ оной, которые наружною честїю называются совокупно, либо одною внутреннею честїю довольствуются. Негодные же роды честолюбїя требуютъ почтенїя и чести безъ всякихъ истинныхъ достоинствъ, и потому такїе люди либо думаютъ, что они ее за природныя свои дарованїя и за дарованїя счастїя уже достойны, либо по вѣтренности принимаютъ на себя притворной видъ достоинствъ, либо употребляютъ всякїя наружныя средства, которымъ подлой народъ удивляться и за то другимъ того предпочитать склонность имѣетъ, какъ напримѣръ великолѣпїе, пышность, титулы, обхожденїе съ знатными людьми и прочее тому подобное; либо ищутъ уже чести силою и хитростїю, обидами и притѣсненїями другихъ, оклеветанїями и другими всякими несправедливостьми. Однимъ словомъ сколько разныхъ родовъ благъ и совершенствъ есть, для которыхъ честолюбивыми одно состоянїе предъ другимъ предпочитаемо бываетъ, столь-

ко и разныхъ средствъ есть, которыя честолюбіе къ своему концу и намѣренію употребляетъ, и потому по разности средствъ и честолюбіе разными званіями называться можетъ, какъ напримѣръ: иной человѣкъ ищетъ чести въ наукахъ, и такое честолюбіе можетъ назваться честолюбіемъ ученымъ. Иной ищетъ чести въ видѣ набожности, или въ ревности къ закону и въ спорахъ до закона касающихся. Сіе можно назвать духовнымъ. Иной ищетъ чести чрезъ услуги оказуемыя другимъ съ видомъ великодушія, и такое можно назвать величественнымъ. Иной полагаетъ честь въ силѣ и крѣпости тѣлесной и мужественныхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, и такое честолюбіе можно назвать мужественнымъ. Иной полагаетъ честь въ неустрашимой храбрости на войнѣ и на дракахъ, и такое называется воинскимъ. Иной напротивъ того старается красотою и щегольствомъ получить себѣ предъ другими преимущество, и такое честолюбіе можно назвать женскимъ или бабьимъ; однако сіе

сіе не должно смѣшивать съ честолюбіемъ женскимъ состоящемъ въ снисканіи себѣ истинной чести отъ искуснаго домоводства. Иной думаетъ вперить въ людей высокія о себѣ мнѣнія чрезъ разныя расказыванія и думаетъ снискать себѣ чрезъ то преимущества, не смотря истинныя ли то, или вымышленныя были, и такое честолюбіе можно назвать хвастливымъ. Иной ищетъ себѣ чести привязываясь къ самымъ безполезнымъ мѣлочамъ почитаемымъ имъ важными вещами и направляя весь разумъ свой на оныя, и такое честолюбіе можно назвать педантическимъ. Иной старается снискать себѣ преимущество разными смѣшными тѣлодвиженіями, жестами и словами свидѣтельствующими по мнѣнію его о неустрашимости и мужествѣ его духа, и такое называется буянствомъ. Наконецъ мужицкою спѣсью, или надменностію называется то, когда кто думаетъ честь чрезъ то получить, что самъ себя другимъ предпочитаетъ; но только такъ, что стараніе его очевидно и сопряжено съ великимъ неискусствомъ.

ствомъ. Сіи суть наизнатнѣйшіе роды честолюбія; однако и кромѣ сихъ могутъ быть многіе другіе роды.

Впрочемъ съ честолюбіемъ очень тѣсно сопряженъ другой порокъ извѣстной подъ именемъ гордости. Подъ которымъ именемъ разумѣется привычка себя предъ другими для съ лишкомъ уже высокаго мнѣнія о своихъ истинныхъ, или мнимыхъ совершенствахъ болѣе, нежели причина есть предпочитать, и потому всегда и очень способно можетъ изъ гордости честолюбіе, а изъ честолюбія гордость со всѣми своими отродіями, какъ то спѣсью, пышностію, и тому подобное происходить.

Впрочемъ честолюбію противополагается другой порокъ называемой раболѣпностію и состоящей въ обыкновеніи преимущества безъ всякаго добродѣтельнаго намѣренія, а только отъ недостатка познанія, или для лѣности и отъ владычества надъ собою худыхъ желаній презирать.

Наконецъ со всѣми сими различными родами честолюбія или любочестія не

не должно смѣшивать той чести, или паче честности, которая состоитъ въ честныхъ поступкахъ и дѣлахъ. Сіе не можно назвать честолюбіемъ, но любленіемъ добродѣтели и правды; ибо всѣ честные поступки и дѣла не иное что суть, какъ дѣла добродѣтельныя, естьли только сіе слово не всуе употребляется; такъ какъ то иногда бываетъ, а именно, когда подъ именемъ честныхъ поступокъ разумѣются дѣла нимало существа чести въ себѣ не заключающія.

3. Что касается до сребролюбія, то подъ симъ именемъ вообще разумѣется тотъ порокъ, когда заблудившееся и къ единственному владѣнію имѣніемъ идущее желаніе устремляется къ безопасности впредь, и мало по малу отъ надлежащаго своего предмета удаляется. И такъ сребролюбіе въ самомъ началѣ своемъ есть желаніе колико можно поспѣшествовать безопасности своей въ предбудущее время владѣніемъ имѣнія. Но какъ человѣки сей предметъ мало по малу позабываютъ, то и превращается оно потомъ

въ

въ привычку желать владѣнія имѣніемъ и безъ дальнихъ намѣреній; а отъ того и происходитъ то, что сребролюбивой не хочетъ уже пріобрѣтеннаго тратить, хотябъ того требовали и надобности. Онъ старается отъ часу получить болѣе и довольствуется однимъ владѣніемъ. Однако сребролюбіе вообще не должно смѣшивать съ собственнымъ желаніемъ денегъ, или богатолюбіемъ вообще, которое сопрягается и съ другими желаніями и богатства только какъ такихъ средствъ желаетъ, чрезъ которыя онъ до намѣреній своихъ достигнуть можетъ; какъ на примѣръ лѣнивой желаетъ для того денегъ, чтобъ ему не трудиться; роскошной, чтобъ могъ удовольствовать свои роскоши; честолюбивой, чтобъ могъ себя оказать людямъ и произвесть великія намѣренія и такъ далѣе: на противъ того сребролюбецъ желаетъ владѣть имѣніемъ только для того, чтобъ копить и умножать. Однако могутъ и съ сребролюбіемъ иныя склонности сопрягаться, а отъ того и происходитъ потомъ различныя дѣйствія.

Низ-

Низкая степень сребролюбія состоитъ въ томъ, когда человѣкъ деньги собираетъ и не охотно уже ихъ тратитъ, никому же неправды и обиды не дѣлаетъ, и такое сребролюбіе называется скупость; а высокая степень въ томъ, когда кто вредомъ и убыткомъ другихъ людей набогатиться ищетъ, и такое сребролюбіе называется лихоимствомъ. Ежели кто другихъ недостатокъ терпѣть допускаетъ, самъ же не допускаетъ себя ни въ чемъ до оскудѣнія, такое сребролюбіе можно назвать завистливымъ. А ежели кто и самъ себя не жалѣетъ, но собиранію богатства жертвуетъ честію, покоемъ и увеселеніемъ своимъ; такой по справедливости можетъ назваться скрягою и такъ далѣе.

Вотъ краткое, но далеко еще не полное родословіе господствующихъ въ насъ худыхъ склонностей, и мнѣ остается теперь о всѣхъ ихъ вообще слѣдующее замѣтить: а именно. Что когда которое нибудь изъ негодныхъ желаній такъ усилится, что свободность, или произволъ нашъ не можетъ

либо

либо вовся, либо по крайней мѣрѣ того момента его преодолѣть, то такое, какъ я уже прежде упоминалъ, называется уже страстью, для того что человѣкъ принужденъ уже тогда по самой неволѣ ему слѣдовать и терпитъ нѣкоторымъ образомъ въ душѣ страданіе. Такая же страсть, по которой мы всего чаще дѣйствуемъ, называется господствующею страстью.

Симъ можнобъ уже было мнѣ окончить сіе разсужденіе, естьлибъ не осталось мнѣ еще упомянуть одно слово; а именно, что знаніе сего родословія не принесетъ намъ дальной пользы, естьли помышляя объ оныхъ не будемъ мы помышлять вкупѣ и о тѣхъ печальныхъ слѣдствіяхъ, которыя отъ нихъ въ обществѣ человѣческаго рода происходятъ, и о вредѣ какой производятъ они въ самомъ человѣкѣ. Сіе по справедливости требовало бы подробнѣйшаго разсмотренія и для того назначилъ я къ тому особое разсужденіе.

РАЗСУЖДЕНІЕ IX.

О вредныхъ слѣдствіяхъ происходящихъ отъ худыхъ нашихъ склонностей и желаній.

Хотя того по справедливости никому нѣтъ нужды сказывать, что отъ худыхъ нашихъ страстей и склонностей происходятъ въ человѣческомъ обществѣ многія вредныя и печальныя слѣдствія; ибо сіе всѣмъ по несчастію съ лишкомъ довольно извѣстно: однако и то останется всегда истинною справедливостію, что ничто насъ къ стараніямъ къ преодолѣванію сихъ нашихъ внутреннихъ злодѣевъ и къ удаленію отъ пороковъ, а къ пріученію себя къ добродѣтели такъ сильно побуждать не можетъ, какъ частое и сколько можно живѣйшее воображеніе всѣхъ оныхъ вредныхъ слѣдствій, какія отъ худыхъ нашихъ склонностей какъ въ обществѣ

всего человѣческаго рода, такъ и во внутренности самихъ насъ происходятъ.

Сіе, равно какъ и то обстоятельство, что помянутыя вредныя слѣдствія въ самомъ дѣлѣ не всѣмъ такъ довольно знаемы, чтобъ о томъ упоминать не стоило, побудило меня назначить единственно сему сіе не большое разсужденіе, а особливо для того что и благополучію нашему ничто такъ не мѣшаетъ какъ оныя.

Такимъ образомъ приступая къ намѣренію прежде всего скажу, что разсуждая о всѣхъ оныхъ вредныхъ слѣдствіяхъ нахожу я, что они нѣкоторымъ образомъ на три рода раздѣлены быть могутъ. Одни суть такія, которыя отъ пороковъ собственно въ самихъ насъ происходятъ и намъ вредятъ. Другія касаются до того предосудительнаго содержанія, въ которое мы чрезъ то съ другими людьми впадаемъ, или короче сказать, которыя вредятъ всему человѣческому обществу.

А третьи и важнѣйшія наконецъ касаются до того несчастнаго содержанія, въ которое мы чрезъ нихъ съ производителемъ міра и нашимъ Творцемъ и Богомъ приходимъ.

Я начну съ первыхъ или съ тѣхъ, которыя отъ того въ самихъ насъ происходятъ. Вредъ претерпѣваемой нами отъ того конечно великъ и примѣчанія достоитъ. Мы чувствуемъ оной и въ душѣ и тѣлѣ нашемъ и не инако должны ихъ признавать, какъ натуральнымъ наказаніемъ за наше упорство и нехотѣніе повиноваться повелѣніямъ нашего Создателя. Вся наша душа, или прямѣе сказать, все состояніе душевныхъ нашихъ силъ дѣлается и остается чрезъ то несовершеннымъ. Порочныя наши желанія основются на единственномъ только собственномъ нашемъ самихъ себя обманываніи, состоящемъ въ томъ, когда мы вещамъ либо совсѣмъ ложное и не такое существо, какое они имѣютъ, или по крайней мѣрѣ ложную степень доброты и вредности, драгоцѣнности и

малоцѣнности приписываемъ. Однимъ словомъ худыя наши желанія подаютъ поводъ намъ всякой часъ себя обманывать, и мы не можемъ за ними правильно разсуждать о добротѣ и худобѣ вещей. То, въ чемъ нималаго нѣтъ добра, но паче въ чемъ кромѣ сущаго для насъ вреда ничего не находиться, по наущенію ихъ мнимъ находить мы не вѣдомо какія прелести и драгоцѣнности и надѣяся получить не вѣдомо какія себѣ пользы, тому слѣдуетъ и за сею мечтою гоняемся. Напротивъ того такія вещи, которыя въ самомъ дѣлѣ намъ полезны и въ которыхъ кромѣ добраго ничего нѣтъ, мы упускаемъ совсѣмъ изъ примѣчанія, или того хуже мнимъ находить въ нихъ худобу и для себя вредъ и отъ нихъ бѣгаемъ и удаляемся, вмѣсто того чтобъ намъ ихъ искать долженствовало. Я могъ бы доказать сіе тысячами примѣровъ, естьлибъ не завело меня сіе въ великое пространство; чего ради оставляя сіе пойду далѣе.

Сіе собственно самихъ насъ наше обманываніе простирается еще далѣе

и не до одного разсудка о вещахъ, но и до стараній нашихъ о насыщеніи сихъ желаній нашихъ касается. Мы предпринимая дѣла для удовольствованія оныхъ не милосерднѣйшимъ образомъ себя обманываемъ, думая, что тѣмъ все и кончится, когда мы то получимъ, чего желаемъ. Однако не только что иное, но самая практика доказываетъ намъ совсѣмъ тому противное и то, что желанія наши далеко тѣмъ еще не довольствуются, но дѣлаются чрезъ то еще жаднѣе и начинаютъ насъ еще болѣе тревожить, что инако и быть не можетъ. Самое существо и свойство оныхъ то съ собою уже приноситъ. Ибо какъ они не находятся въ такомъ другъ у друга повиновеніи, какое надобно и какое между хорошими желаніями бываетъ, а дѣйствуютъ и усиливаются по своей волѣ и безъ всякаго препятствія: то необходимо должны они тѣмъ жаднѣе и голоднѣе дѣлаться, чѣмъ чаще будетъ по нихъ исполняемо; ибо сіе станетъ только увеличивать ихъ болѣе и отъ часу далѣе удалять отъ

совершеннаго насыщенія. Возьмемъ въ примѣръ сребролюбіе и честолюбіе. Можетъ ли погруженной въ сіи страсти человѣкъ когда нибудь доволенъ быть? Не всегда ли онъ захочетъ получить еще болѣе богатства или чести, не смотря хотябъ онъ имѣлъ съ излишкомъ много? Не почитаетъ ли онъ тогда ихъ себѣ наинадобнѣйшими, когда повидимому стоитъ въ нихъ по уши? А сіе и натурально; потому что во все то время, въ которое онъ сего богатства или чести искалъ, желаніе его увеличивалось и часъ отъ часу умножалось. Что касается до роскошныхъ и сластолюбивыхъ, то хотя сіи одинакими предметами скоро прискучиваютъ, но желаніе имѣть на мѣсто ихъ другія и новыя перемѣны становится всегда болѣе, въ самомъ же нравѣ дѣлается ко всему омерзѣніе и чувства для ощущанія пріятности тупѣе такъ, что наконецъ имъ ничто не пріятно и не хорошо; что происходитъ отъ того, что и прочія наши чувства имѣютъ такъ какъ вкуса свойство портиться

шиться не выключая и самаго душевнаго вкуса.

Третье вредное слѣдствіе состоитъ въ томъ, что происходящее отъ пороковъ несовершенное души нашей состояніе часъ отъ часу увеличивается. Изъ одного порока впадаемъ мы обыкновенно въ другой и величайшей; потому что всѣ пороки въ такомъ между собою сопряженіи находятся, что изъ одного въ безчисленные другіе впасть можно. Причиною тому то, что въ душѣ такого человѣка нѣтъ того надлежащаго верьховнаго владычества добродѣтели, которая одна только можетъ всѣми силами, безчисленными желаніями и побужденіями ихъ управлять и содержать ихъ въ порядкѣ. Сверьхъ того какъ предслѣдующей порокъ душу нашу къ высочайшей степени либо самой тойже, или другой суетности и злости предуготовляетъ, то натурально и злость всего нрава толикимъ же градусомъ должна часъ отъ часу увеличиваться и чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже становиться.

Въ четвертыхъ слѣдуетъ само собою то, что пороки превращаются часъ отъ часу въ величайшія привычки, которыхъ истребленіе и преодолѣваніе чѣмъ далѣе тѣмъ съ множайшими сопрягается трудностьми.

Въ пятыхъ увеличивается въ человѣкѣ чрезъ то упрямство, и онъ отъ часу становится несклоннѣйшимъ къ приниманію добрымъ увѣщаній и къ безпристрастному объ нихъ разсужденію; напротивъ того могущество предразсудковъ становится часъ отъ часу больше, а чрезъ все сіе страсть отъ часу умножается, а возможность къ истребленію оной отъ времени до времени уменьшается.

Въ шестыхъ наконецъ не иное что отъ всего помянутаго послѣдуетъ, какъ то, что душа въ такую попадаетъ неволю, изъ которой не можетъ уже освобождена быть никакимъ нравственнымъ средствомъ, и такой человѣкъ погружается совсѣмъ въ пороки и не рѣдко погибаетъ, такъ сказать, и тѣломъ и душею.

Вотъ

Вотъ въ какое несовершенство приводятъ худыя желанія нашу душу. Но чтожъ отъ сего несчастнаго состоянія проистекаетъ? Не иное что, какъ безчисленныя неудовольствія, прискорбія, горести, досады и несчастія. Ибо какъ безпорядочныя желанія сбродомъ и безъ всякаго порядка дѣйствуютъ, и одни другимъ противны, и потому не могутъ всѣ совокупно удовольствованы быть: то происходитъ отъ того внутренней мятежъ и беспокойство. Воспаляющіяся пристрастія и склонности воюютъ тогда между собою, и что одному изъ нихъ въ угодность сдѣлается, то бываетъ другому не въ угодность и по большей части первое, сіе послѣднее едва только превышаетъ. Къ противнымъ же и не согласнымъ съ порочными нашими намѣреніями произшествіямъ не инако какъ чрезвычайно много случаевъ быть натурально должно; потому что пороки не иное что суть, какъ мятежники противъ учрежденнаго Богомъ вещамъ порядка и стараются, такъ сказать, плыть въ верьхъ рѣки противъ стремленія

ленія воднаго. Не должноли жъ натурально встрѣчаться съ ними тысячи препятствіямъ и помѣшательствамъ и подать поводъ къ безчисленнымъ досадамъ и неудовольствіямъ человѣку; ибо натурально когда порочной духъ не получаетъ того, чего ищетъ, то терпитъ отъ того досаду, и прискорбіе его бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ желаніе его было не обузданнѣе. Когда же наконецъ такой человѣкъ примѣтитъ, что онъ самъ себя обманулъ, то произойдетъ отъ того раскаяніе, стыдъ, боязнь и угрызеніе совѣсти; напротивъ того пороки лишаются совсѣмъ того истиннаго и основательнаго увеселенія, которое произошлобъ отъ добродѣтели.

Чтожъ касается до слѣдствій отъ худыхъ склонностей и желаній въ разсужденіи нашего тѣла и до вреда ими въ немъ производимаго, то о семъ не для чего мнѣ много говорить. Кому не извѣстно, коль многія и печальныя слѣдствія бываютъ порочной и невоздержной жизни? Я то только скажу,

что они ни въ чемъ иномъ состоятъ, какъ въ многочисленныхъ болѣзняхъ и наконецъ въ преждевременной смерти и мню, что сего уже довольно будетъ къ изображенію того, важныли они, или не важны.

Сіи суть слѣдствія касающіяся до человѣка въ особливости. Теперь посмотримъ, каковы они въ разсужденіи всего человѣческаго общества и того содержанія, о какомъ мы въ случаѣ пороковъ съ прочими людьми находимся. Но надобно ли мнѣ и о семъ много говорить? Кому не извѣстно, какой великой вредъ происходитъ отъ пороковъ въ человѣческомъ обществѣ? Не разрушается ли единственно отъ нихъ союзъ онаго, отъ котораго единственно все благосостояніе человѣковъ зависитъ? Не вредитъ ли одинъ другому, а сей третьему? Одинъ обижаетъ того, а самъ отъ другаго такія же обиды претерпѣваетъ! Къ какимъ неправдамъ, къ какимъ утѣсненіямъ, къ какимъ вѣроломствамъ, наглостямъ, беззаконіямъ, злымъ или паче сказать

звѣр-

звѣрскимъ и человѣку ни мало не приличнымъ и толь всему ихъ обществу вреднымъ дѣламъ, не доводятъ человѣковъ негодныя ихъ склонности и желанія? И не мѣшаютъ ли они чрезъ то одинъ другому въ достиженіи какъ главнаго конца своей жизни, такъ и въ наслажденіи спокойствомъ и веселіемъ. Я то только скажу, что ежели прямо разсмотрѣть, то большая часть зла угнѣтающаго человѣческой родъ не отъ теченія натуры, но отъ пороковъ происходитъ и что часто слѣдствія порочныхъ дѣлъ единаго человѣка распростираются на многихъ другихъ, дѣлающихся отъ того несчастными.

Что касается до содержанія, въ какомъ мы въ случаѣ порочной жизни съ прочими людьми находимся: то порочныя дѣла дѣлаютъ насъ обыкновеннымъ образомъ другимъ людямъ ненавистными и производятъ то, что они насъ не любятъ и не оказываютъ намъ нужныхъ услугъ, для того что почитаютъ насъ того не достойными. А иныхъ пороки наши доводятъ до того, что они

они готовы намъ вредить, для отмщенія либо за себя, либо за своихъ пріятелей, или опасаясь, чтобъ такіе порочные люди не могли впредь для насъ быть вредными. Кромѣ сего многіе пороки доводятъ насъ до безчестія и поношенія и до того, что мы не можемъ быть никѣмъ терпимы, но какъ негодные отъ всѣхъ презираемы, или до того, что насъ всѣ честные люди любя свою честь и спокойства, какъ нѣкоего яда бѣгаютъ.

Наивреднѣйшими же бываютъ они намъ въ разсужденіи того несчастнаго содержанія, въ какое мы чрезъ нихъ приходимъ съ своимъ производителемъ. Но о семъ пунктѣ не знаю говорить ли мнѣ или нѣтъ? Ибо та несчастная истинна мнѣ съ лишкомъ довольно извѣстна, что мы дожили наконецъ до такихъ временъ, что многіе затыкаютъ того момента уши и отвращаются и мысленными и тѣлесными очами, какъ скоро рѣчь дойдетъ до Бога и до нашихъ къ Нему должностей; и вмѣсто того, чтобъ важнѣйшую сію мате-

матерію всего болѣе внимать, оную не только своимъ примѣчаніемъ не удостоиваютъ и не только отъ ней отвращаются, но какъ отъ огня бѣгая даже до того доходятъ, что въ стыдъ себѣ ставятъ не только говорить, но и помышлять объ оной; но и о тѣхъ не вѣдомо, какія предосудительныя мысли получаютъ, которые о томъ говорить по глупости своей предпринимая тѣмъ нѣжной ихъ слухъ раздражать отваживаются. Сія неоспоримая правда за вѣрное меня увѣряетъ, что и я многимъ не угожу и отъ нихъ не отмѣнно включенъ буду въ число глупцовъ, естьли я въ матерію сію часто углубляться и имъ сими такъ отъ нихъ называемыми старинными вракамм надоѣдать и наскучивать буду. Это я довольно знаю. Но что дѣлать, что я зараженъ сею глупостію! Обычай, говорится, не клѣтка, съ мѣста на мѣсто не переставишъ: а я какъ-то уже привыкъ о томъ болтать и находить въ томъ лучшей вкусъ, нежели какой другіе находятъ; и для того прошу помянутыхъ Господъ

мнѣ

мнѣ поелику сродному къ слабостямъ человѣку, сію слабость отпустить и дозволить нѣсколько словъ сказать и о семъ пунктѣ. Тѣмъ паче, что они, естьли имъ угодно, такъ могутъ сего и не читать и тѣмъ не раздражать своего слуха, но оставлять сіе тѣмъ которые такой же глупости подвержены, какъ я, и коихъ душевной вкусъ не такъ еще испорченъ, чтобъ они не могли терпѣть таковыхъ душевныхъ пищей, но находить въ нихъ нѣкоторые пріятные и питательные соки.

И такъ вамъ, любезные мои товарищи, хочу я нѣсколько словъ о семъ пунктѣ сказать. Вамъ они будутъ не противны и вы не поскучите вѣрно удостоить ихъ своимъ прочтеніемъ.

Содержаніе, въ которое впадаемъ мы чрезъ питаніе въ себѣ худыхъ нашихъ склонностей и желаній и чрезъ производство по нихъ различныхъ дѣлъ поистиннѣ достойно наивеличайшаго примѣчанія; и слѣдствія произстекающія отъ того ужасны и несравненно

важ-

важнѣе всѣхъ другихъ выше сего изочтенныхъ. Тутъ дѣло касается до содержанія не самихъ насъ съ собою и не съ другими человѣками, но съ тѣмъ, которой всѣхъ насъ побольше и коего Имя безъ трепета мы вспомнить не долженствовалибъ. Ужасность онаго содержанія не многія слова изобразить могутъ! Одного слова почти довольно къ выраженію оной! Довольно, когда сказать, что чрезъ порочную нашу жизнь приходимъ мы въ вражду съ своимъ Создателемъ и дѣлаемся мятежниками, врагами, ослушниками и противниками противъ Бога! Противъ такого всемогущаго Существа, которое въ одинъ мигъ моглобы насъ въ ничто обратить, естьлибъ только похотѣло и то учинить другія святыя его свойства ему не мѣшали, и теряемъ чрезъ то несказанное множество неоцѣненныхъ выгодъ и вкупѣ не только будущее, но самое нынѣшнее благополучіе! Сего, говорю, одного довольнобъ уже было для изображенія намъ всей важности!

Одна-

Однако дозвольте мнѣ еще сказать нѣсколько словъ тому въ изъясненіе. И такъ спрошу я только васъ. Не такого ли сіе великое Существо свойства, которое какъ доброе въ безконечномъ градусѣ любитъ, такъ напротивъ того всякое зло безконечно ненавидитъ, и которому всѣ такія отъ худыхъ нашихъ склонностей происходящія злыя дѣла противны и ненавистны, и не для того ли самаго онъ намъ толь накрѣпко повелѣваетъ убѣгать оныхъ? Когдажъ сіе не оспоримо и справедливо: то напомнимъ же, кто бы сей таковъ былъ, кто сіе намъ повелѣваетъ и того хочетъ и желаетъ, чтобъ мы ихъ бросили и старались не имъ а тому слѣдовать, что онъ намъ предписуетъ? Не безконечное ли Существо имѣющее такую власть, что небо и земля повинуются его мановенію, и коего одно слово могло весь міръ создать и можетъ опять уничтожить? Не такое ли, у котораго въ безпредѣльной власти не только что иное, но самая наша жизнь и дыханіе состоитъ? Не такое ли, отъ котораго мы все, что

ни имѣемъ, получили, и у котораго все не смотря на наше мнимое владѣніе и самихъ себя обманываніе, состоитъ въ совершенной власти? Ибо можемъ ли мы по справедливости почесть собственно своимъ, когда бездѣльной пылинки произвесть изъ ничего не въ состояніи и ничего съ собою на свѣтъ не принесли, да и жизнь свою не сами себѣ дали и не отъ насъ зависѣло родиться въ такомъ званіи и состояніи, въ какомъ мы родились? — Не такое ли, котораго отъ произволенія бытіе всѣхъ вещей начало свое получило, и которое вкупѣ и насъ создало и натуру нашу учреждало и лучше нашего знаетъ, что для насъ дурно, что хорошо, что вредно, что полезно, и намъ добра всего паче желаетъ? Не такое ли, которое всѣми произшествіями въ свѣтѣ, слѣдовательно и благоденствіями и несчастіями нашими по наипремудрѣйшему своему провидѣнію управляетъ и ихъ распоряжаетъ, и безъ котораго воли и попущенія ничего не дѣлается? .... Не въ правду ли думаемъ мы, что всѣ произшествія въ свѣтѣ

безъ его воли и попущенія происходятъ и онъ о нашихъ дѣлахъ не печется и что мы сами ковачи собственнаго своего благоденствія? Или не въ правду ли думать, что всѣ произшествія въ свѣтѣ происходятъ по непремѣнному предѣлу и опредѣленному напередъ порядку, и что чему назначено быть, то уже никакъ миновать и намъ того ничѣмъ перемѣнить не можно? Ахъ нѣтъ, любезные собратія! Въ обоихъ сихъ случаяхъ совсѣмъ уже не къ стати и съ лишкомъ грубо обманемъ мы себя! Это двѣ крайности, которыя насъ погубить могутъ, и коихъ намъ остерегаться надобно! Пускай говоритъ кто какъ хочетъ и самъ себя насильно обманывать и натуру на свой ладъ передѣлывать старается: но истинна останется всегда истинна и во вѣки не преодолѣется, а натура для мнѣнія ихъ не передѣлается. Она останется всегда тажъ и всѣмъ устроеніемъ своимъ всегда намъ свидѣтельсвовать и благовѣстить будетъ, что все не слѣпымъ случаемъ, равно какъ и не все по неизбѣжной необхо-

димости дѣлается; но что Производитель не только ее создалъ и распорядилъ, но ею произвольно правительствуетъ и всегда имѣлъ, нынѣ имѣетъ и впредь имѣть будетъ объ ней вообще и о созданныхъ по образу и подобію своему созданіяхъ наипремудрѣйшее попеченіе и далеко отъ того удаленъ, чтобъ оставить ихъ безъ всякаго уже присмотра, или такъ себѣ связать руки, чтобъ въ разсужденіи ихъ не могъ уже учинить никакихъ перемѣнъ, не противныхъ святымъ своимъ свойствамъ, а къ пользѣ ихъ клонящихся, какъ то въ нынѣшнія времена многіе стараются себя увѣрить, позабывъ, что они не безконечны, а имѣютъ ограниченной и такой разумъ, которой какъ бы ни старался, но всѣ дѣла непостижимаго постигнуть не въ состояніи!

И такъ когда все сіе справедливо и когда то неоспоримая истинна, что непремѣнное распоряженіе въ теченіи натуры касается болѣе только до устроенія вещественнаго міра: въ разсужде-

сужденіижъ духовнаго, или разумомъ и свободностію одаренныхъ созданій непремѣнное положеніе состоитъ въ томъ, что всякое доброе отъ произвола ихъ происходящее дѣло и производитъ добрыя послѣдствія и когда нибудь неотмѣнно наградится, а злое никогда добрыхъ послѣдствій, а такоежъ зло, само собою производитъ и необходимо долголи, или коротко накажется, естьли сему показанными средствами предварено не будетъ; прочеежъ зависитъ отъ произвола всемугущаго нашего Бога, управляющаго всѣмъ міромъ самовластно и могущаго толь часто въ вещественномъ мірѣ дѣлать перемѣны, коль часто то для какихъ нибудь причинъ въ разсужденіи духовнаго, для котораго тотъ созданъ, востребуется. Зло же ему въ безконечномъ градусѣ противно: то разберите, какія слѣдствія должны проистекать отъ произвольнаго послѣдованія и производства нами помянутаго зла! Не должноли оно по самому учрежденію натуры производить намъ паки зло и сверьхъ того навлечь на насъ

 не-

неотмѣнное наказаніе и справедливой гнѣвъ отъ Владѣтеля міра; потому что мы ему тѣмъ досаждаемъ и не только повелѣнія его въ ничто обращаемъ, но и желанію его противободрствуемъ? Но подумаемъ только, кто и кому въ семъ случаѣ противободрствуетъ? Кто и кому досаждаетъ, и кто и кому не хочетъ повиноваться? Равной ли человѣкъ человѣку, или созданіе себѣ подобному созданію? Не сущей ли немощной червь такому великому властителю, отъ котораго гнѣва не въ состояніи его или насъ никакая тварь избавить, естьли онъ на насъ наконецъ прольется и мы продолжаемыми и на всѣ его старанія о исправленіи нашемъ и поощреніе къ обращенію на истинной путь не смотря, толь часто повторяемыми досадами, упорствомъ, грубостію и противоборствомъ во зло употребимъ его долготерпѣніе и принудимъ его наконецъ себя по достоинству наказать.

Сіе въ состояніи, надѣюсь, каждому изъяснить ужасность слѣдствій отъ

поро-

пороковъ. Однако сего еще не довольно, но кромѣ всего того питая въ себѣ худыя склонности и слѣдовавъ имъ только однимъ большую часть нашихъ дѣлъ предпринимая, не теряемъ ли мы безчисленныхъ и неоцѣненныхъ выгодъ, а особливо не лишаемся ли мы чрезъ то въ семъ великомъ нашемъ, насъ хотя безконечно любящемъ, однако притомъ всякое зло безконечно ненавидящемъ Создателѣ, наилучшаго себѣ друга, милостивѣйшаго благодѣтеля, вѣрнѣйшаго защитника и покровителя, и однимъ словомъ наилучшаго и такого Отца, на котораго мы во всякое время и во всемъ дерзновенно надѣяться и полагаться можемъ, и подъ его покровительствомъ счастливо, спокойно и безконечно жизнь препровождать? Ибо разберите, хотя онъ и милостивъ, человѣколюбивъ, милосердъ и о всѣхъ печется, но такъ ли уже можетъ обращаться къ тѣмъ, которые не только того не достойны, но не хотятъ усильно того никогда и достойными быть, и всего меньше имѣть о томъ какое нибудь старанiе и попеченiе, но всю

жизнь свою такъ препровождаютъ, какъ бы надъ ними ни Господа, ни повелителя не было, или того еще хуже не только не исполняютъ, но еще на смѣхъ поднимаютъ его повелѣнія? Не долженъ ли онъ натурально имъ какую нибудь отмѣну дѣлать отъ тѣхъ, которые сами его любятъ, о исполненіи повелѣній его пекутся и усердно стараются включить себя въ число тѣхъ, коихъ онъ удостоиваетъ называть своими дѣтьми, друзьями и любимцами.

Наконецъ самыя оныя господствующія въ насъ и нами обладающія худыя склонности и желанія не всего ли болѣе отдаляютъ и отводятъ насъ отъ любви, почтенія и послушанія сему великому страшному, но притомъ такому Существу, котораго милость и любовь всего для насъ полезнѣе, всего нужнѣе и всего прочаго необходимо надобнѣе, а гнѣвъ всего ужаснѣе? Не они ли занимаютъ все наше время, такъ что мы въ цѣлые годы, мѣсяцы и недѣли не находимъ и нѣсколькихъ не многихъ праздныхъ минутъ на здра-

здравое помышленіе о себѣ и о немъ и о истинныхъ своихъ пользахъ, но всѣ свои дни и часы на помышленія и старанія о удовольствованіи и насыщеніи сихъ внутреннихъ нашихъ злодѣевъ не только въ настоящее, но и въ будущее и такое время, до котораго сами знаемъ, что не доживемъ, употребляемъ, и чрезъ то всего болѣе истинному своему благополучію мѣшаемъ и оное не искать, но всякой часъ разрушать и ему препоны полагать стараемся!

Вотъ все, что я за нужное почелъ упомянуть о семъ вкратцѣ. Теперь окончу сіе сказавъ: что когда отъ худыхъ склонностей и отъ происходящихъ отъ того порочныхъ нашихъ дѣлъ со всѣхъ сторонъ толь вредныя слѣдствія для насъ произтекаютъ; когда мы и въ тѣлѣ и душѣ претерпѣваемъ отъ того ужасной вредъ; когда и людямъ въ ненависть приходимъ и вредъ всему обществу причиняемъ, а паче всего когда гнѣвимъ своего Создателя и къ наказанію его

себя приневоливаемъ, а чрезъ все то не только никакой пользы, кромѣ суетныхъ и кратковременныхъ и ложныхъ увеселенiй не получаемъ, но паче и нынѣшнее временное и будущее вѣчное благополучiе самопроизвольно теряемъ: то не должно ли всему тому по справедливости ежечасно насъ побуждать къ помышленiю получше о своей истинной пользѣ и о возможномъ уменьшенiи сего въ насъ обитающаго зла, прилагая старанiе искать всѣ удобовозможные къ тому способы и не откладывать того отъ времени до времени, но приступать къ тому чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

РАЗСУЖДЕНІЕ X.

О возможности уменьшенія нравственнаго зла и о исправленіи нашемъ вообще.

Теперь хочу я съ вами, любезной мой читатель, о весьма важной и особливой матеріи говорить, и просить васъ объ одной бездѣлицѣ, а именно, чтобъ вы слѣдующія строки удостоили благосклоннымъ своимъ вниманіемъ. Сдѣлайте сіе пожалуйте. Можетъ быть не будете вы сами послѣ въ томъ раскаяваться. Да хотябъ сего не было, такъ по крайней мѣрѣ для меня это сдѣлайте. Я испрашиваю отъ васъ сего въ награжденіе за всѣ мои труды, которые имѣлъ я при сочиненіи сей книги для пользы моихъ согражданъ и въ томъ числѣ для собственно вашей предпріятые. И буде я чѣмъ нибудь вамъ въ оной угодилъ, такъ заплатите мнѣ за то исполне-

ніемъ

ніемъ теперешней прозьбы. Я употребляю къ вамъ ее не для того, чтобъ побуждало меня къ тому какое нибудь суетное или честолюбивое намѣреніе. Нѣтъ любезной читатель! Но усердіе къ собственной вашей пользѣ меня къ тому поощряетъ. Мнѣ хочется того, чтобъ они въ состояніи могли быть принесть вамъ хотя маленькую существительную пользу, которую безъ того не можете получить, буде не удостоите ихъ особливаго вниманія. Не сдѣлайте того, чтобъ я и въ разсужденіи васъ принужденъ былъ вздохнуть о тщетности трудовъ сему подобныхъ и для такихъ же намѣреній предприниманныхъ, для какого сей трудъ предпріятъ, и докажите, что вы болѣе себя любите, нежели многіе другіе и усерднѣе своей истинной пользы желаете.

Надпись сего разсужденія изъяснила, можетъ быть, вамъ уже отъ части будущее содержаніе онаго. Но какъ я и съ сей стороны боюсь, чтобъ вы не почли и сіе разсужденіе такимъ же по мнѣ-

мнѣнію вашему постороннимъ и къ главному предмету сей книги не принадлежащимъ дѣломъ, какимъ всѣ предслѣдующія можетъ быть вы почитали: такъ и въ семъ случаѣ принужденъ я васъ просить, чтобъ вы возъимѣли объ немъ лучшія мнѣнія, и повѣрилибъ мнѣ какъ сочинителю оныхъ, что какъ сіе, такъ и прежнія съ помянутымъ главнымъ предметомъ сей книги, то есть показаніемъ способовъ къ снисканію благополучія, болѣе связаны, нежели вы думаете. Сами вы послѣ сіе усмотрите, и увидите, что не втунѣ и не попустому изъяснилъ я самъ и говорилъ такъ много какъ о существѣ и свойствахъ, такъ и о происхожденіи и разныхъ родахъ нашихъ желаній, равно какъ и нравственнаго зла и слѣдствіяхъ онаго, и всѣмъ тѣмъ надоѣдалъ и наскучивалъ вашему слуху; да хотябъ сего не было и хотябъ сіе такое жъ постороннее вранье было, такъ по крайней мѣрѣ возьмите уже терпѣніе прочесть и послѣднее. На многое васъ стало, не уже ли на малое не станетъ? По крайней мѣрѣ будьте увѣ-

увѣрены, что сія посторонняя матерія уже послѣдняя и болѣе сего я вамъ надоѣдать не стану, но приступлю къ главному моему предмету.

Теперь приступая къ дѣлу повторю, что предметъ сего разсужденія составляетъ не только важную, но и совсѣмъ особливую вещь. Въ предслѣдующихъ разсужденіяхъ разбиралъ я, что такое нравственное зло, откуда получило свое происхожденіе и какія производитъ отъ себя слѣдствія: а въ семъ хочу съ вами, любезной читатель, о томъ говорить, естьли намъ или нѣтъ возможности къ освобожденію себя отъ сего пагубнаго для насъ зла, и буде есть, то совершенноли оно можетъ истреблено быть, или до какого нибудь только градуса. И естьли можетъ сколько нибудь уменьшено быть: то какими же бы собственно средствами могло то наиудобнѣе въ дѣйство производимо быть и что при томъ наблюдать слѣдуетъ. Вотъ будущее содержаніе сего и послѣдующаго за симъ разсужденія.

Не многія сіи слова, надѣюсь, въ состояніи были изобразить великую важность онаго. Ибо естьли что извѣстнѣе и достовѣрнѣе того, что весь человѣческой родъ вздыхаетъ подъ тяжкимъ игомъ сего зла, и найдется ли кто нибудь, которой бы когда не явнаго, такъ по крайней мѣрѣ сокровеннаго желанія не имѣлъ быть отъ того освобожденнымъ, то есть чтобъ лишеннымъ пороковъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ? Общее и хотя неравное и когда не подлинное, такъ ложное и притворное любленіе и почтеніе добродѣтели и омерзѣніе и ненависть къ порокамъ иноели что, какъ не сіе доказываетъ? Отъ чего происходитъ то, что мы себя только не хотимъ исправить, а прочихъ всѣхъ за пороки и беззаконія ежеминутно готовы казнить и вѣшать? Не первые ли бы мы готовы опредѣленіе подписать, чтобъ въ свѣтѣ никто никакого зла не дѣлалъ, но чтобъ всѣ были неотмѣнно честные и добрые люди и исполнялибъ только добродѣтель? Не требуемъ ли мы того отъ всякаго, кромѣ

мѣ самихъ только себя? Не вздыхаемъ ли, не смѣемся ли, не осуждаемъ ли, не бранимъ ли, не досадуемъ ли, не проклинаемъ ли мы всякой день злость и развратную жизнь другихъ людей; а они не тою же ли монетою самимъ намъ отплачиваютъ? Что иное, говорю все сіе доказываетъ, какъ не общую и врожденную въ насъ ненависть къ порокамъ и природное любленіе добродѣтели? — Но когда такъ, то скажите, почтожъ мы не любимъ первыхъ и желаемъ вторыхъ только въ другихъ людяхъ, а не въ самихъ себѣ? Къ чему не хотимъ слѣдовать симъ самимъ Богомъ въ насъ врожденнымъ святымъ стремительствамъ, и тѣмъ явить въ себѣ участокъ святаго его свойства и подобія? Не доказываетъ ли сіе, что въ насъ самихъ пагубное оное зло обитаетъ, и что не иное что, какъ оно причиною тому, что мы по словамъ Устроителя нашей натуры, въ очахъ другихъ людей сучокъ, а въ своихъ собственныхъ бревна не видимъ.

Когдажъ все сіе справедливо, и когда по предслѣдующимъ разсужденіямъ

ніямъ зло сіе толь пагубныя для насъ производитъ слѣдствія: то не истинной ли долгъ и не все ли благоразуміе велитъ принимать сей пунктъ въ лучшее уваженіе и почитать его такимъ, каковъ онъ въ самомъ дѣлѣ есть, то есть всѣхъ прочихъ вещей примѣчанія и разсмотренія достойнѣйшимъ?

Мудрые и почитали его во всякое время таковымъ и удостоивали его потребными разсмотреніями. Но я желалъ бы, чтобъ они въ изслѣдованіяхъ касающихся до сего пункта между предметами дѣлали лучшей выборъ и болѣе бы то изслѣдовать и находить старались, какимъ образомъ и какими средствами можнобъ было сіе зло въ насъ уменьшать и оное изъ себя истреблять, нежели о происхожденіи сего зла и о различныхъ онаго родахъ умствовали. Правда не льзя того сказать, чтобъ оба сіи пункты не были нужны. Оба они достойны разсмотренія: однако не смотря на то изслѣдованіе послѣдняго несравневно уже нужнѣе перваго. Ибо что пользы въ томъ, когда мы будемъ знать, откуда произошло сіе

зло и въ чемъ собственно оное состоитъ, когда не пойдемъ далѣе и не будемъ изслѣдовать, можноли и чѣмъ и какимъ образомъ оное истребить, или по крайней мѣрѣ уменьшить въ насъ? Поможетъ ли намъ одно знанiе наше? Не принужденыль мы будемъ остаться при прежнихъ жалобахъ, стенать подъ тягостiю сего бремени, и только то твердить, что мы несчастны, а пособить себѣ быть не въ состоянiи? Не доказываетъ ли намъ того ежедневное искусство и не происходитъ ли отъ того то слѣдствiе, что большая часть нравоучительныхъ нашихъ книгъ наполнена только общими и подробными предписанiями, что дѣлать и чего не дѣлать намъ должно, а какъ то дѣлать, или не дѣлать и какимъ образомъ къ тому наиудобнѣе приступать и желающему себя исправлять должно, о томъ всего меньше упоминается. Всѣ только твердятъ: дѣлай, дѣлай! Исправляй себя, исправляй! А какъ то дѣлать и чего не дѣлать должно и какъ себя исправлять, того никто почти не сказываетъ

ваетЪ. И такЪ можно ли при такихЪ обстоятельствахЪ имѣть старанію и трудамЪ нравоучителей вожделѣнное дѣйствіе? И не представляютЪ ли многіе вЪ семЪ случаѣ собою такихЪ врачей, которые больнымЪ и помощи отЪ нихЪ требующимЪ только сказываютЪ, что вЪ нихЪ такая да такая болѣзнь, то-то и то худо, сіе да сіе поправленія требуетЪ: нужнагожЪ кЪ тому лекарства не только сами не даютЪ, но иногда и не сказываютЪ, какое оное, вЪ чемЪ должно состоять, гдѣ оное взять, или какимЪ образомЪ его всякому для себя составлять и вЪ какое время и когда принимать и употреблять надобно. Не выходитЪ ли изЪ всего вышеупомянутаго наконецЪ того слѣдствія, что мы чрезЪ то узнаемЪ только часЪ отЪ часу больше величину нашего несчастія и тѣмЪ болѣе только получаемЪ причины жаловаться на оное.

И такЪ не распространяя словЪ и не ходя далѣе, остановимся на часокЪ и разберемЪ напередЪ, естьли полно

возможность, къ совершенному истребленію сего зла и къ освобожденію себя вовся отъ досадныхъ, худыхъ и намъ всѣмъ свойственныхъ склонностей и страстей, или ее вовся уже нѣтъ? Вопросъ этотъ важенъ, дорогой читатель! И какъ рѣшеніе онаго для всей связи моей книги необходимо надобно: то извините меня, что я по мѣрѣ силъ моихъ теперь оной разобрать постараюсь и отвѣдаю, не могу ли я рѣшить онаго.

Въ семъ случаѣ желалъ бы я, чтобъ могъ отвѣтствовать на сей вопросъ по желанію многихъ. Но что дѣлать, когда при размышленіи о семъ пунктѣ нахожу, что существо вещи требуетъ противнаго, а долгъ мнѣ не велитъ подтверждать того, чему вѣрить многихъ суетныя ихъ сердца преклоняютъ, но напротивъ того повелѣваетъ держаться самой истинны, и бѣлаго чернымъ не стараться насильно дѣлать.

Сіе сказалъ я для того, что изъ ежедневнаго искусства довольно мнѣ из-

извѣстно, что есть многіе люди, которые охотнобъ пожелали слышать, что истребленіе сего зла есть совсѣмъ невозможное дѣло. Кому не извѣстно, что вошло уже въ привычку утверждать, что многія худыя страсти нѣтъ намъ никакого способа истреблять и что человѣкъ родится уже съ ними и натуры своей никакъ перемѣнить не можетъ? Не жалуются ли многіе, что они родились уже таковыми, и отъ природы уже напримѣръ злы, сердиты, вспыльчивы, мстительны, завистливы, честолюбивы, своенравны, скупы, непостоянны, сластолюбивы, лѣнивы, расточительны, и прочее тому подобное, и тѣмъ однимъ всѣ свои худыя склонности и страсти извинить и себя оправдить стараются? Не всѣ ли мы къ таковымъ извиненіямъ какъ въ помянутыхъ, такъ и во многихъ другихъ случаяхъ склонны? Но сіе и натурально. Кому хотѣлось бы быть виноватымъ и кто бы не хотѣлъ быть чистъ, непороченъ и освобожденъ отъ всякаго рода обвиненій. И не отъ того ли самаго прои-

стекаетъ, что всякому изъ насъ не мило, когда кто насъ въ нашихъ погрѣшностяхъ обличать и за нихъ обвинять станетъ. И такъ всѣ таковые одну природу свою обвинять привыкшiе охотно бы хотѣли, чтобъ то была подлинная правда, что имъ ее перемѣнить и исправить никоимъ образомъ не можно. Но что дѣлать, говорю, когда существо вещи велитъ другое говорить и сама натура требуетъ, чтобъ свободить ее отъ напраснаго ей нареканiя!

Въ сходствiе чего принужденъ я противное имъ и многимъ другимъ сказать, что невозможность сiя далеко не такова велика, каковою они ее себѣ представляютъ; совершенной же ей быть никоимъ образомъ не можно. Знаю, что сiе требуетъ великаго доказательства и объясненiя; но и доказать сiе не великаго труда стоитъ, ибо я прошу только слѣдующее принять въ разсужденiе.

Естьлибъ была совершенная невозможность перемѣнить намъ своей худой

дой природы, то есть истребить господствующія въ насъ и отъ части съ нами родящіяся худыя склонности и желанія: то не слѣдовалобъ уже само собою, что мы съ своей стороны уже вовся не виноваты тому, что даемъ имъ надъ собою владычествовать и имъ во всѣхъ нашихъ дѣлахъ слѣдуемъ. Ибо чѣмъ мы виноваты тому, что уже такъ рождены, когда рожденіе наше не отъ насъ зависѣло, а перемѣнить мы не въ состояніи, и можно ли по справедливости обвинять и наказывать насъ за то, что учинить не было намъ никакой возможности? Какъ же скоро сіе положить: то не послѣдуетъ ли само собою, что во первыхъ Творцу и Богу нашему не можно и взыскивать отъ насъ того, чтобъ мы исправились и натуру свою перемѣнили; потому что сему пресовершеннѣйшему Существу неотмѣнно надобно быть правосуднѣйшему, такоежъ взысканіе было бы не согласно съ правосудіемъ и ему не прилично. Во вторыхъ не можно бы ему намъ и предписывать того и давать намъ законы требующіе

именно сего исправленія, потому что вЪ семЪ случаѢ стало бы, что онЪ либо не вѢдаетЪ нашей натуры, либо требуетЪ отЪ насЪ невозможнаго; но обоего сего положить никакЪ не можно. Ибо натуру нашу не можно ему не знать, когда онЪ самЪ ее учреждалЪ и притомЪ всевѢдущее Существо, а невозможнаго отЪ насЪ требовать было бы не согласно сЪ его безконечною премудростію, и противно его святымЪ и безконечнымЪ совершенствамЪ. Не ясное ли и не довольное ли сіе уже доказательство? Ибо не выходитЪ ли изЪ сего, что одному чему нибудь быть надобно; либо тому, чтобЪ помянутой перемѢнѢ и истребленію худыхЪ склонностей и страстей быть возможной, либо Богу нашему быть не правосудному, не справедливому и притомЪ не благоразсудному? Но какая тварь отважится утвердить сіе послѢднее о своемЪ СоздателѢ? И не всѢли здравой разумЪ имѢющіе согласятся вЪ томЪ, что такому Богу быть никоимЪ образомЪ не можно. И такЪ не выйдетЪ ли само собою, что помянутой

пере-

перемѣнѣ такъ называемой нашей натуры надобно быть неотмѣнно возможной и намъ исправить себя есть способы.

Вотъ короткое, но непреоборимое и такое доказательство, которымъ всѣ вѣрующіе откровенному слову Божію могутъ быть уже довольны. Но какъ въ нынѣшнія времена есть по несчастію много такихъ, которые онымъ не уважаютъ, но давая предъ нимъ преимущество гласу суетнаго и развращеннаго своего сердца, хотятъ не иному чему, какъ одному своему къ погрѣшностямъ и заблужденію всего болѣе способному разуму слѣдовать, и позабывъ, что онъ имѣетъ опредѣленные предѣлы и не безконеченъ, дѣлаютъ его судьею всѣмъ дѣламъ и поступкамъ непостижимаго и безконечнаго своего Создателя и тѣмъ надъ самымъ имъ превознестись стараются: то знаю, что для нихъ сіе доказательство не будетъ еще составлять дальней важности. По извѣстной ихъ и пагубной склонности къ возраже-

нiямъ, которыя мнѣ довольно извѣстны, всего скорѣе они сказать могутъ, что они и того еще не знаютъ, подлинно ли Богъ такого исправленiя отъ насъ требуетъ и того взыскиваетъ и что говорится о томъ только въ священномъ писанiи, которое само еще требуетъ доказательства: то симъ господамъ я также не многими словами сiе требованiе и не касаясь до священнаго писанiя докажу, а именно самымъ тѣмъ обстоятельствомъ, о которомъ я впереди имѣлъ случай упомянуть. А именно, я прошу *только* ихъ мнѣ сказать: откуда же происходило бы то общее во всѣхъ человѣкахъ желанiе, чтобъ другiе люди исправились и отвыкли отъ пороковъ и худыхъ склонностей? Отъ чего имѣемъ мы хотя слабую, но во всѣхъ человѣкахъ одинакую любовь къ добродѣтели? Отъ чего самыхъ беззаконниковъ трогаютъ иногда добродѣтельныя дѣла? Отъ чего въ обществахъ и самыхъ злодѣевъ требуется наблюденiе нѣкоторыхъ должностей, также правды, вѣрности и другихъ видовъ добродѣтели и наказываютъ-

зываются обманы и невѣрности? Кто научилъ сердце наше ненавидѣть всякое постороннее зло и быть защитникомъ правды и добродѣтели и требовать отъ всякаго, чтобъ оказывана намъ была справедливость и не дѣлана была никакая обида и зло? Не врождено ли во всѣхъ насъ уже природное и самое то стремленіе, которое я прежде подъ именемъ совѣстнаго имѣлъ случай описать? А когда всего сего они оспорить не могутъ: то спрошу я ихъ далѣе, чтожъ иное доказываетъ намъ сіе какъ не то, что помянутое Божеское требованіе написано у насъ уже на сердцѣ, и что собственное наше сердце намъ на ухо шепчетъ, что Творецъ міра, сего исправленія отъ насъ требуетъ и хочетъ, чтобъ мы тоже и прежде еще въ самихъ себѣ въ дѣйство произвели, чего въ другихъ желаемъ. А когда справедливо то, что онъ сего и натурою и изустно требуетъ, то надобно сему по предслѣдующему доказательству быть уже и возможнымъ. А сія возможность и дѣлаетъ насъ уже виновными,

ными, когда мы сему требованію будучи въ состояніи не послѣдуемъ и не похотимъ о премѣненіи натуры своей, или о исправленіи своемъ приложить старанія.

Теперь знаю, что многіе не смотря на всѣ сіи доказательства на семъ пунктѣ упрутся и остановятся. Предразсудокъ, что натура наша не преоборима, съ лишкомъ великъ и такъ сильно въ насъ вкоренился, что не скоро можетъ насъ допустить въ сей истиннѣ удостовѣриться. Какъ бы я и многіе другіе ни говорили, что страсти намъ преодолѣвать и зло господствующее въ насъ когда не совсѣмъ истребить, такъ знатнымъ градусомъ уменьшить возможно, и чтобы ни предлагали тому въ доказательство, но всегда найдутся многіе, которые въ семъ случаѣ усмѣхнутся и не престанутъ утверждать, что сіе нестаточное дѣло и что противное утвержденію моему доказываетъ ежедневное искусство. Кому не извѣстно, скажутъ они мнѣ, сколь не многіе себя испра-

исправляютЪ и кто не знаетЪ, что не смотря на наши старанія и труды мы вЪ томЪ дальнаго успѣха имѣть не можемЪ? И оспоримая ли то истинна, что единЪ БогЪ только безгрѣшенЪ, а изЪ человѣковЪ и праведникЪ безЪ грѣха не бываетЪ? ОднимЪ словомЪ, можноли отЪ природы вспылчивому и сердитому на примѣрЪ человѣку сдѣлаться смирнымЪ и кроткимЪ? Можно ли завистному позабыть свою зависть? Можно ли лѣнивому сдѣлаться трудолюбивымЪ, упрямому неупрямымЪ, своенравному несвоенравнымЪ, честолюбивому смиреннымЪ, скупому щедрымЪ и такЪ далѣе? И сходное ли сЪ разумомЪ утверждать тому возможность, и погрѣшаемЪ ли мы вЪ томЪ, когда полагаемся вЪ семЪ случаѣ на свидѣтельство и доказательство глазЪ нашихЪ . . . ?

Говорите, государи мои, говорите; вы сказывайте все, что только можете вспомнить. Я все отЪ васЪ буду выслушивать сЪ терпѣніемЪ и дамЪ вамЪ волю. А самЪ между тѣмЪ вамЪ ска-

скажу, что всѣ такія возраженія происходятъ отъ самаго сего господствующаго въ насъ зла, о которомъ теперь рѣчь идетъ. Оно, а неиное что васъ къ тому побуждаетъ. Оно влагаетъ въ васъ сіи мысли и старается васъ о невозможности увѣрить, дабы вы на него когда нибудь прямо не осердились и не вздумалибъ его изъ себя взашей выгнать. Пребываніе его въ васъ и жилище ему мило. Оно родившись съ вами готово и во гробъ итти и не подумаетъ никогда само выттить, буде вы его всегда ласкать и насильно въ себѣ удерживать и защищать станете. . . . Теперь все ли вы переговорили и все ли вы сказали? Ежели все, такъ я на всѣ ваши возраженія, которыя мнѣ довольно и безъ васъ извѣстны, слѣдующее вамъ въ отвѣтъ скажу, а именно: что всѣ помянутыя мнимыя невозможности и трудности не иное что доказываютъ, какъ то, что сіе пагубное зло съ лишкомъ глубоко въ сердцахъ нашихъ вкоренилось и пустило въ оныхъ толь глубокіе коренья, что никакая человѣческая рука

ка одна и сама собою не въ состояніи онаго изъ него совсѣмъ исторгнуть.

Ба! закричите вы теперь, не давъ мнѣ далѣе говорить; не на нашемъ ли теперь сталось и не самъ ли ты на тожъ согласился и теперь прежнему противное утверждаешъ? Никакъ государи! Никакъ, пожалуйте не спѣшите такими восклицаніями. Я еще не все выговорилъ, а вы не только не все выслушали, но и не все, можетъ быть, запримѣтили. Это правда, что человѣку самому собою нѣтъ никакого способа совершенно истребить изъ себя сіе обитающее въ насъ зло. Но что скажете вы мнѣ, когда скажу что сего отъ него именно и не требуется?

Вотъ новое противорѣчіе, закричите, можетъ быть, вы теперь опять. Никакъ! Отвѣтствую вамъ: а я говорю то, что въ самомъ дѣлѣ есть, и хочу сказать то, чему многіе, можетъ быть, засмѣются. Однако смѣхъ сихъ господъ для меня не важенъ. Они пускай остаются при своихъ высокихъ мнѣніяхъ, а я буду держаться истинны

ны, которой безсомнѣнно вѣрю и имѣю многія причины тому вѣрить. А именно, что всевѣдущему Творцу и Устроителю нашей натуры довольно было извѣстно, сколь сильны дѣйствія вкоренившагося въ насъ по несчастію зла и сколь мы сами собою сдѣлались уже слабы и немощны къ совершенному истребленію и искорененію онаго. Но какъ онъ и прежде паденія нашего не сдѣлалъ насъ машинами, а свободными существами: то тѣже самыя святыя причины, которыя его къ тому побудили, не допустили его и послѣ оставить насъ въ такомъ состояніи, чтобъ мы сему злу остались на вѣкъ порабощены и не имѣли способовъ къ преодолѣнію онаго и чрезъ то быть подобнымъ машинамъ, или безсловеснымъ животнымъ. И что для самаго того безконечная его любовь и побудила его сыскать средство, которымъ бы сему злу пособить и насъ въ такое состояніе привесть можно было, чтобъ мы могли прежде помянутое нравственное зло преодолѣвать, и когда не совсѣмъ истребить, такъ по крайней

мѣрѣ

мѣрѣ уменьшить знатнымъ градусомъ, и привесть въ такое изнеможеніе, чтобъ оно остаточнымъ своимъ дѣйствіемъ не составляло дальней важности. Сіе средство состоитъ въ собственномъ его вспоможеніи. Онъ самъ положилъ помогать намъ въ томъ своею десницею. А какъ ему уже ничего невозможнаго нѣтъ, то чрезъ самое сіе дѣлается и наше исправленіе и премѣненіе натуры въ разсужденіи насъ возможнымъ.

Чтобъ далѣе сію великую истину изъяснить: то скажу, что и сіе Божеское вспоможеніе не просто намъ обѣщано и дается, но сопряжено со многими условіями. Наиглавнѣйшія изъ оныхъ состоятъ во первыхъ въ томъ, чтобъ мы признались, что безъ его помощи сами собою себя исправить не въ состояніи. Во вторыхъ, чтобъ мы сему его обѣщанію безсомнѣнно вѣрили. Въ третьихъ принималибъ къ нему прибѣжище и его о томъ просили. Въ четвертыхъ старались бы непремѣнно пріобрѣтать себѣ сіе вспомо-

женіе такими средствами, какія онъ самъ предписалъ и доходить до того такими путями, какіе онъ назначилъ; то есть чрезъ принятіе и последованіе всему его откровенному намъ слову и вкупе Христіянскому закону. Въ пятыхъ и что важнее всего, чтобъ мы неотменно сами напередъ исправленію своему учинили начало, но и после всеми своими силами и возможностьми тому поспешествовать старались, а не сиделибъ безъ дела, но трудились въ томъ сколько нашихъ силъ есть.

Сіи суть наиглавнейшія условія, безъ которыхъ намъ онымъ обещаннымъ вспоможеніемъ пользоваться, следовательно натуру свою переменить и себя исправить никоимъ образомъ не возможно. Ежелижъ спросите теперь меня, любезной читатель, для чегожъ не просто Богъ намъ сіе вспоможеніе даетъ и для чего должно происходить съ такими околичностьми: то на сіе скажу, что сіе въ тонкость объяснить, мне безъ объясненія напередъ всей

всей связи Христіянскаго и толь для насЪ спасительнаго закона и важнѣйшихЪ онаго таинствЪ никоимЪ образомЪ не можно. Но какЪ сіе не только завелобЪ меня вЪ великое пространство, но притомЪ и не мое званіе входить вЪ сіе великое дѣло и изЪяснять касающіяся до сего важныя Богословскія истинны: то я предоставляя самимЪ вамЪ искать дальнѣйшаго обЪясненія вЪ ученіяхЪ нашего святаго закона, обЪясню вамЪ сіе коротксими словами и скажу, что все то предположить великой, премудрой и попустому ничего не дѣлающей нашЪ Создатель имѣлЪ свои святыя причины. Наиглавнѣйшія изЪ оныхЪ состояли во первыхЪ вЪ томЪ, что по неизреченному своему человѣколюбію хотѣлЪ онЪ, чтобЪ самое сіе обѣщанное и ниспосылаемое намЪ его собственное и сильное вспоможеніе не дѣлалобЪ свободности или произволу нашему никакого насилія, но чтобЪ мы оставалисЪ при совершенномЪ онаго дѣйствіи, а чрезЪ самое то можнобы ему было, не смотря на сіе постороннее вспоможе-

нie, исправленie наше приписать самимЪ намЪ и насЪ за то, такЪ какЪ за произвольное наше дѣло, наградить. Во вторыхЪ, чтобЪ самое сie могло служить средствомЪ кЪ побужденiю насЪ кЪ охотнѣйшему послѣдованiю Христiянскому закону, и чрезЪ то преподать намЪ легчайшей способЪ кЪ снисканiю себѣ неоцѣненными онаго и извѣстными выгодами и вЪ тѣхЪ преступленiяхЪ отпущенiя, которыя мы и до того учинили, да и во время самаго исправленiя нашего по слабости нашей учинить всегда вЪ состоянiи и кои вЪ противномЪ случаѣ неотмѣнно вѣчно и безконечно наказаныбЪ быть долженствовали, а чрезЪ все то отворить намЪ врата и входЪ вЪ безконечную и ту жизнь, гдѣ совершенное блаженство обитаетЪ.

ВотЪ важнѣйшiя причины всѣхЪ помянутыхЪ условiй изЪявляющiя черты неизреченнаго человѣколюбiя нашего Зиждителя и вкупѣ великую важность, неоцѣненность и прелестныя выгоды спасительнаго закона, основаннаго

наго самимъ Богомъ. Ибо кто не видитъ изъ сего, что онъ намъ необходимо нуженъ и полезенъ и что безъ онаго намъ какъ въ исправленіи нашемъ, такъ и въ снисканіи благополучія нашего мало успѣть можно. А все сіе и объясняетъ вкупѣ и ту извѣстную изъ опытовъ истинну, что усердствующіе прямо оному закону и пользуясь онымъ Божескимъ вспоможеніемъ дѣйствительно себя до весьма высокаго градуса исправленія довели и доводятъ, какъ то мы въ примѣрѣ толь многихъ угодившихъ ему видимъ, и дѣламъ ихъ превосходящимъ по видимому человѣчество удивляемся, также и то, отъ чего не помышляющіе объономъ и мало объ немъ радящіе толь слабы и къ преодолѣнію страстей своихъ и обитающаго въ себѣ зла неспособны.

И такъ изъ всего вышеписаннаго надѣюсь довольно уже оказалось, что помянутое исправленіе по случаю паденія нашего праотца и отъ сдѣлавшагося отъ того въ душѣ нашей и

прежде мною довольно изъясненнаго поврежденія, хотя само собою и сдѣлалось невозможнымъ, но невозможность сія употребленными Божескими средствами уничтожена и сдѣлалась возможнымъ и такимъ, которое зависитъ отъ нашего произвола. А сіе не оправдаетъ ли великаго нашего Зиждителя во всѣхъ его святыхъ и справедливѣйшихъ отъ насъ требованіяхъ и взысканіяхъ. Естьлибъ не было искупленія, естьлибъ не обѣщана и не посылаема была намъ отъ самаго его помощь, естьлибъ не предложено было намъ отъ душевнаго нашего зла и болѣзни лекарства исцѣлить оное могущаго; тогдабъ не можно было и ему отъ насъ исправленія нашего и исполненія святыхъ его заповѣдей, какъ такого дѣла требовать, которое мы по поврежденію нашей натуры произвесть не въ состояніи; тогдабъ было сіе требованіе несправедливо, но такого онъ и не требуетъ. Но когда все сіе учинено, когда намъ снискана совершенная къ тому возможность, когда предписаны намъ самымъ тѣмъ, которой

рой учреждалъ нашу натуру и всѣ происшествія бывшія съ нею и нынѣшнее ея состояніе довольно знаетъ, способы, и показанъ путь, какимъ образомъ намъ себя вылечить и исправить можно и когда все то подвержено нашему произволу и притомъ такъ облегчено, что самъ Божественной Искупитель нашъ увѣряетъ насъ, что иго его благо и бремя его легко есть: то скажите, можно ли Творца нашего чѣмъ уже съ сей стороны обвинить, и не справедливо ли онъ поступилъ и поступаетъ требуя отъ насъ того, что къ нашей же истинной пользѣ служитъ? И онъ ли уже тому виноватъ, что мы не хотимъ предписаніямъ сего душевнаго нашего врача слѣдовать, и спасительныя его повелѣнія уважать и исполнять стараться, но болѣе воображенію своему нежели святымъ и справедливымъ его увѣреніямъ вѣримъ? И чѣмъ можемъ мы уже оправдаться того не учинивъ, когда учинить то было возможно и мы находились въ состояніи? Ахъ государи мои! Будетъ ли когда нибудь время

мя, чтобъ мы опамятовались и слова и повелѣнія господни удостоили лучшаго уваженія, нежели какимъ мы нынѣ ихъ удостоиваемъ? Будетъ ли когда нибудь конецъ тому общему заблужденію и самихъ себя ослѣпленію, въ которомъ мы всѣ находимся? Прекратится ли когда нибудь тотъ душевной сонъ, въ которомъ мы всѣ погружены наиглубочайшимъ образомъ? Проснемся ли когда нибудь изъ онаго и очнувшись взглянемъ ли когда нибудь на себя душевными очами? Или уже на вѣкъ зареклись мы не просыпаться и не вѣрить и не уважать словами того, котораго всякой день устами исповѣдуемъ, но всѣмъ исповѣданіемъ своимъ и словами и повелѣніями его равно какъ играть и упоминать ихъ только для препровожденія времени. Но игрушкали это и на толи намъ они даны, чтобъ ими только забавляться?

Но я удалился уже отъ главнаго моего предмета и любовь къ истиннѣ завела меня въ великое пространство

ство и вЪ сію надобную посторонность. Отпустите мнѣ сіе дорогой читатель. Теперь не буду болѣе вамЪ скучать сими можетЪ быть непріятными вамЪ доказательствами и изЪясненіями и приступлю кЪ собственному намѣренію.

И такЪ знайте, любезной читатель, что нравственное зло, или всѣ худыя наши склонности, страсти и привычки одолѣвать намЪ конечно есть возможность, и что сіе одолѣваніе должно быть двоякое, посредственное и безпосредственное. ПодЪ именемЪ посредственнаго разумѣю я такое, когда мы будемЪ пользоваться постороннею, то есть Божескою помощію, а подЪ именемЪ безпосредственнаго то, которое мы безпосредственно сами собою вЪ дѣйство производить должны. Оба они должны неотмѣнно сопрягаемы быть неразлучно вмѣстѣ и одно безЪ другаго быть никоимЪ образомЪ не можетЪ. Причину тому вы изЪ предслѣдующаго надѣюсь усмотрѣли. Ибо посредственное надобно для того, что мы

съ лишкомъ слабы и безъ Божеской помощи исправить себя не можемъ, а безпосредственное для того, что Богу намъ безъ собственнаго нашего старанія и содѣйствія упомянутую помощь подавать намъ для сохраненія нашей свободности, и для другихъ святыхъ причинъ не можно. Почему необходимо надобно намъ самимъ призвавъ его въ помощь начинать и употреблять всѣ къ тому удобовозможные и тѣ способы, какіе намъ въ семъ случаѣ нашъ разумъ показать можетъ.

Теперь порядокъ велѣлъ бы мнѣ оба сіи рода одолѣванія разобрать въ тонкость и сказать вамъ объ нихъ все, что знать надобно: но я долженъ признаться, что мнѣ въ разсужденіи обоихъ того учинить не можно. Ибо первое, то есть посредственное на большую часть есть таинственное, невидимое, отъ насъ сокрытое и принадлежащее къ великимъ таинствамъ Христіанскаго закона, слѣдовательно не мое дѣло входить въ сію важную матерію, но я долженъ оставлять то на-

нашимъ пастырямъ и учителямъ. И такъ могу вамъ, дорогой чатататель, услужить только въ разсужденіи втораго и сказать, какимъ образомъ и чрезъ что мы сами исправленію нашему съ своей стороны поспѣшествовать должны и можемъ и подать къ тому по мѣрѣ силъ своихъ довольное уже но хотя краткое и буде осмѣлюсь сказать отъ части на практикѣ основанное руководство. Послѣдующее разсужденіе будетъ содержать оное, въ которомъ найдете вы то, чего донынѣ вамъ читать, можетъ быть, не случалось.

РАЗ-

РАЗСУЖДЕНІЕ XI.

О существѣ и порядкѣ исправленія вообще.

Доказавъ въ предслѣдующемъ разсужденіи возможность исправленія и обѣщавъ сказать вамъ, дорогой читатель, какимъ образомъ и чѣмъ намъ съ своей стороны къ тому поспѣшествовать должно и можно и какія средства предписываетъ намъ къ тому разумъ, исполню теперь мое обѣщаніе, но не прежде какъ попросивъ васъ опять напередъ, чтобъ вы послѣдующія строки удостоили своего благосклоннаго вниманія. Сдѣлайте сіе любезной читатель! Можетъ быть самимъ вамъ понравится послѣдующая матерія по своей особливости, а можетъ быть и по новости. Я предложу вамъ въ семъ разсужденіи краткое опи-

описаніе одной войны, которая достойна любопытства и вниманія. Когда охотники вы читать вѣдомости, такъ по крайней мѣрѣ сочтите сіе иностранными вѣдомостьми, сообщающими извѣстія о военныхъ и внутреннихъ происшествіяхъ въ нѣкоей особой и такой области, которая намъ нужна и съ которою сопряжена наша польза, и удостойте послѣдующія строки хотя такимъ же вниманіемъ, какимъ удостоилибъ вы такія вѣдомости, когда не хотите ихъ удостоить лучшаго. Сверьхъ того напередъ вамъ сказываю, что разсужденіе сіе не велико, и естьли вы не любите читать длинныхъ піэсъ, такъ въ разсужденіи сей не опасайтесь, чтобъ вы съ лишкомъ утрудились.

И такъ приступая къ дѣлу прежде всего долженъ я вамъ сказать, что великое дѣло нашего исправленія достойно наивеличайшаго примѣчанія и сколько можно подробнѣйшаго разобранія и изъясненія. Однако я жалѣя васъ и боясь отяготить длинною матеріею не отважился приступить къ такому

въ

вѣ семѣ разсужденіи, а назначилѣ кѣ тому особо и за симѣ слѣдующее, а вѣ теперешнемѣ для лучшаго угожденія вамѣ положилѣ сократить рѣчь мою о семѣ какѣ можно короче, но притомѣ такѣ, чтобѣ была она и не безѣ пользы; а именно: чтобы вѣ случаѣ когда не можете вы терпѣть длинныхѣ сочиненій моглобѣ и сіе вамѣ все нужное вкратцѣ изѣяснить, а ежели для васѣ сносны и длинныя сочиненія, когдабѣ только были они полезныя, то чтобѣ тѣмѣ яснѣе и удобопонятнѣе могло быть и послѣдующее, вѣ которомѣ содержаться будетѣ дальнѣйшее сему изѣясненіе.

Размышляя о помянутомѣ исправленіи и о способахѣ, какимѣ бы образомѣ мнѣ наиспособнѣе, яснѣе и такѣ все нужное вамѣ вкратцѣ изобразить можно было, чтобѣ вамѣ тонкая сія философическая матерія не могла наскучить, но была бы любопытна, инаго кромѣ того не нахожу, что мнѣ не отмѣнно надобно взять прибѣжище мое кѣ прежней моей Аллегоріи, которою

ста-

старался я изобразить все внутреннее состояніе души нашей и обстоятельства касающіяся до свойствЪ и дѣйствій различныхЪ силЪ ея. И сіе для того, что исправленіе наше должно на томЪ какЪ на фундаментѣ имѣть свое основаніе: ибо всѣ правила касающіяся до исправленія нашего наиспособнѣе и всего надежнѣе могутЪ извлечены быть изЪ свойствЪ нашихЪ склонностей и желаній. По которой причинѣ естьли вамЪ была прежняя моя Аллегорія не угодна, я прошу васЪ, дорогой читатель, отпустить мнѣ то, что я опять о мысляхЪ и желаніяхЪ нашихЪ, сихЪ невещественныхЪ силЪ и дѣйствій души нашей, подЪ видомЪ естественныхЪ птичекЪ и звѣрковЪ говорить буду. Вещественное такое ихЪ воображеніе, сколько я самЪ изЪ себя и изЪ другихЪ примѣтить могЪ, помогаетЪ много намЪ при семЪ нужномЪ и важномЪ нашемЪ подвигѣ. Почему хочу, чтобЪ и вамЪ оно столькожЪ пользовало, сколько самому мнѣ.

Итакъ позабывъ на часокъ себя, представте, дорогой читатель, себѣ въ мысляхъ, что душа человѣческая представляла бы цѣлую область звѣрковъ и птичекъ, находящуюся въ превеликой и такой разстройкѣ, какую я прежде имѣлъ случай изобразить. То есть, чтобъ она наполнена была внутренними мятежами и беспокойствами и всякой бы часъ происходили въ ней замѣшательства и беспорядки. Причиною тому было бы то, что по случаю премѣнился порядокъ законнаго правительства и что верьховная власть природныхъ и законныхъ правителей похищена многими усилившимися бунтовщиками и злодѣями, воюющими всегда между собою и приводящими всю область часъ отъ часу въ худшее состоянiе, и что законные правители находились у нихъ въ порабощенiи и въ неволѣ и принуждены бъ были отъ части исполнять повелѣнiя оныхъ, отъ части быть безъ дѣйствiя. Верьховнѣйшимъ законнымъ начальникомъ или самымъ владѣтелемъ почтите разумъ, а произволъ его товарищемъ и сопраните-

вителемъ. Прочія же хорошія склонности ихъ офицерами, находящимися съ государемъ своимъ въ такомъ же порабощеніи; а бунтовщиками и злодѣями наши страсти и худыя склонности.

Теперь не трудно уже заключить, что существо всего желаемаго исправленія должно не въ иномъ въ чемъ состоять, какъ въ освобожденіи помянутыхъ начальниковъ съ ихъ офицерами изъ ихъ неволи и въ приведеніи ихъ въ такое состояніе, чтобъ они могли помянутыхъ бунтовщиковъ одолѣть, низложить ихъ силу, поработить себѣ и возстановить во всей области природной порядокъ и спокойство.

Теперь спрашивается, какимъ же образомъ все сіе намъ или паче сказать помянутымъ начальникамъ, разуму и произволу въ дѣйство произвесть былобъ наиудобнѣе? Ибо легко можно всякому заключить, что никому иному какъ имъ самимъ, то есть разуму и произволу, а особливо сему по-

слѣднему въ томъ трудиться и наиглавнѣйше работать надобно. Они должны себя освобождать. Они должны себя усиливать и они должны одолѣвать своихъ злодѣевъ и враговъ.

Сей вопросъ не труднобъ было рѣшить, естьлибъ не было одного обстоятельства, а именно, когдабъ оба сіи главные начальники не находились въ неволѣ и не приведеныбъ были въ такое изнеможеніе, что имъ не можно уже съ усилившимися бунтовщиками, овладѣвшими всею областью, порядочную начать войну и преодолѣвать ихъ собственною своею силою. Въ семъ случаѣ стоило бы имъ только возстать противъ оныхъ, пойтить на нихъ грудью и низложивъ силою оружія взойтить на тронъ правительства. Но какъ сіе то самое обстоятельство по несчастію есть и они съ лишкомъ уже обезсилены, а сверьхъ того и злодѣевъ къ преодолѣнію имѣютъ не немногихъ, а многихъ: то легко можно разсудить, что силою тутъ имъ ничего сдѣлать не можно и все стараніе ихъ къ преодолѣнію

ленію оружіемъ или грудью будетъ тщетно.

Чтожъ въ такомъ случаѣ дѣлать, спросите вы? Инаго не остается, отвѣтствую, какъ слѣдовать такимъ же обыкновеніямъ и правиламъ, какія въ вещественныхъ и настоящихъ войнахъ между людьми въ подобныхъ сему случаяхъ употребляются. А именно, когда не можно надѣяться на свою силу: то надобно награждать недостатокъ силъ хитростію и проворствомъ, или такъ называемою политикою, и стараться непріятелей своихъ одолѣть не столько силою, сколько умѣньемъ.

Ежели спросите меня теперь, въ чемъ же бы должна состоять сія политика: то скажу, что я размышляя о духовной сей воинѣ у разума и произвола съ своими бунтовщиками или у насъ съ страстями, нахожу, что она очень во многомъ подобна вещественной и настоящей, и нужно только перемѣнить нѣкоторыя обстоятельства, какъ такія же правила употре-

блять можно, какія въ оныхъ употребляются, а по крайней мѣрѣ могутъ они показать намъ слѣдъ къ усмотрѣнію того, что намъ дѣлать надобно. Въ сходствіе чего скажу, что и помянутая хитрость и проворство не въ иномъ въ чемъ состоитъ какъ въ томъ, чтобъ весть напередъ войну не явную, а тайную политическую, состоящую въ томъ, чтобъ себя напередъ разными средствами тайно усилить и привесть въ такое состояніе, чтобъ можно было съ лучшею надежностію начать явную войну или противоборство, а непріятелямъ безъ бою причинить существительной вредъ и тѣмъ уменьшить ихъ силу и привесть въ изнеможеніе, и чрезъ то сдѣлать хорошее и сильное къ послѣдующей войнѣ пріуготовленіе.

Ежели спросите далѣе, какимижъ средствами сіе произвесть можно и что притомъ наблюдать надобно: то скажу, что я въ разсужденіи сего пункта нахожу разныя достойныя примѣчанія обстоятельства, изъ которыхъ могутъ

из-

извлечены быть толь многіяжъ и разныя къ наблюденію правила. Въ особливости же примѣчаю, что всѣ военныя дѣйствія нашего разума и произвола могутъ раздѣлены быть на три рода и состоять во первыхъ, въ предварительныхъ и тайныхъ военныхъ пріуготовленіяхъ. Во вторыхъ, въ первыхъ и начальныхъ военныхъ предпріятіяхъ и болѣе тайныхъ, нежели явныхъ надъ непріятелемъ поискахъ. Въ третьихъ, въ самыхъ сраженіяхъ или дѣйствительной войнѣ. Чтобъ лучше изъяснить, что именно я подъ сими разными родами разумѣю и что къ каждому собственно принадлежитъ: то упомяну о каждомъ въ особливости.

И такъ что касается до предварительныхъ и тайныхъ къ войнѣ пріуготовленій: то они могутъ и должны состоять въ слѣдующемъ.

Во первыхъ начало учинено быть должно тѣмъ, чтобъ разуму и произволу нашему, или лучше сказать самимъ намъ стараться должно узнать въ по-

дробность и въ тонкость всѣ обстоятельства и состоянiе своихъ злодѣевъ и бунтовщиковъ, то есть сколько именно оныхъ; сколь каждой изъ нихъ великъ и силенъ; которые изъ нихъ другихъ важнѣе, сильнѣе, для насъ опаснѣе и не преоборимѣе, то есть болѣе усилились и имѣютъ власти, дабы тѣмъ лучше можно было принимать противъ нихъ потребныя мѣры. Сiе составляетъ первое обстоятельство войны нашей, а сколь оно важно и примѣчанiя достойно, можно потому заключить, сколь нужны бываютъ такiя предварительныя знанiя въ вещественныхъ войнахъ, и коль много пользуетъ, когда мы будемъ напередъ знать величину, силу и многочисленность нашихъ непрiятелей и не будемъ принуждены узнавать то послѣ и съ своимъ ущербомъ. Напротивъ того сколь предосудительно воевать съ такимъ непрiятелемъ, о котораго силахъ не имѣемъ мы никакого свѣденiя.

Во вторыхъ надобно имъ стараться узнавать нравы и обыкновенія своихъ непріятелей и другія касающіяся до нихъ обстоятельства. Какъ на примѣръ, храбры ли они отъ натуры въ сраженіи или трусливы? Искусны ли и хитры, или глупы и просты? Какія употребляютъ оружія? Чѣмъ питаются, откуда получаютъ военные снаряды и амуницію? Отъ чего болѣе усиливаются? Чѣмъ подкрѣпляются, и такъ далѣе. Однимъ словомъ всѣ выгодныя для нихъ обстоятельства. Но сего одного не довольно, а надобно распровѣдываніе свое простирать далѣе и узнавать, не подвержены ли они какимъ природнымъ слабостямъ, не боятся ли чего въ особливости? Не можно ли и чѣмъ именно довесть ихъ до того, чтобъ они сами собою пришли въ разстройку и изнеможеніе? Чѣмъ скорѣе и удобнѣе можно имъ сдѣлать диверсію, и такъ далѣе. Однимъ словомъ, всѣ невыгодныя касающіяся до нихъ обстоятельства, дабы тѣмъ удобнѣе можно было лишеніемъ первыхъ, а поспѣшествованіемъ симъ послѣднимъ

ихъ обезсилить, сдѣлать слабѣйшими и съ ними потомъ скорѣе сладить. Сіе составляетъ второе обстоятельство войны нашей, коего о важности можно по такомужъ обстоятельству при вещественныхъ войнахъ заключить. Ибо кто не знаетъ, сколь много можетъ намъ поспѣшествовать въ оныхъ, естьли мы подобныя сему знанія о непріятеляхъ своихъ заблаговременно имѣемъ и оными при случаяхъ будемъ умѣть пользоваться.

Въ третіихъ, надобно разуму нашему и произволу стараться освободить себя подъ какимъ нибудь видомъ изъ неволи и получить свободныя руки. И какъ оба помянутые начальники не во всѣхъ людяхъ сидятъ въ совершенной заперти, а только у не многихъ, а у прочихъ по большей части только временно и на то только время сажаются подъ караулъ, когда господа бунтовщики выходятъ наружу и упражняются въ своихъ дѣлахъ, а въ прочее выпускаются опять изъ подъ онаго и на свободѣ ходятъ: то слѣ-

слѣдуетъ само собою, что надобно имъ не отмѣнно сими свободными минутами пользоваться, и употреблять ихъ на чиненіе дальнѣйшихъ пріуготовленій и для всего того стараться какъ можно далѣе продлить сіе свободное время и всѣми способами убѣгать неволи и посаженія себя въ оковы. Естьлижъ у кого разумъ находится въ легчайшемъ еще, но поноснѣйшемъ у бунтовщиковъ игѣ и поспѣшествуетъ самъ ихъ вреднымъ замысламъ и тиранству: то стараться сіе безчестное иго съ себя сбросить, и признавъ ихъ своими злодѣями престать имъ толь подло раболѣпствовать. Сіе составляетъ третіе обстоятельство войны нашей, которое не менѣе важно, какъ и прочіе.

Въ четвертыхъ, въ помянутое свободное время, то есть когда оба помянутые главные начальники разумъ и произволъ находятся на свободѣ, во время недѣйствія или въ отсутствіе бунтовщиковъ, то есть въ то время, когда сіи злодѣи спятъ, надобно про-

изволу нашему какъ соправителю и такой особѣ, которой представляетъ равно какъ Фелдмаршала и вѣрнѣйшаго друга и наперсника своего Государя, всѣми образами стараться себя усиливать природными своими упражненіями и тѣмъ равно какъ экзерцироваться или навыкать лучше и проворнѣе владѣть своими членами и оружіями и драться, дабы чрезъ все то укрѣпить природныя свои силы и дѣлаться къ будущему сраженію способнѣе, тѣмъ паче что ему надобно будетъ послѣ быть въ самомъ огнѣ и самому наиглавнѣйше съ непріятелями драться на поединкахъ. Сіе составляетъ четвертое войны нашей обстоятельство, которое составляетъ великую важность. Ибо чѣмъ сильнѣе будетъ сей предводитель и герой, тѣмъ страшнѣе будетъ онъ своимъ непріятелямъ.

Въ пятыхъ, въ то же время не надобно и разуму нашему какъ государю быть безъ дѣла, но не упускать такого свободнаго времени тщетно, но въ оное съ одной стороны Фелдмаршалу своему произволу всѣми возможность-

ностьми помогать, а съ другой упражняться въ разныхъ размышленіяхъ и дѣланіи дѣйствительныхъ военныхъ пріуготовленій. Сіи пріуготовленія состоятъ въ слѣдующемъ. 1) Въ тайномъ заготовленіи всякаго рода военныхъ снарядовъ, припасовъ и аммуниціи, а особливо такихъ, которые болѣе непріятелей вредить могутъ. 2) Въ набираніи рекрутъ или такихъ птичекъ, то есть мыслей, которыя непріятелямъ противны и съ тѣми птичками драться могутъ, которыя обыкновенно присутствуютъ при дѣйствіи бунтовщиковъ и ихъ войсками почесться могутъ, и въ доставленіи ихъ въ такія мѣста, откуда бы они тотчасъ могли призваны быть и на сраженіе выведены. 3) Но какъ сего не довольно, то о снисканіи себѣ изъ звѣрковъ единомышлениковъ и пріятелей и въ приглашеніи ихъ къ себѣ на помощь, а особливо тѣхъ, которые отъ природы противны главнѣйшимъ бунтовщикамъ и завсегда съ ними готовы драться, дабы въ нужномъ случаѣ можно было ихъ тотчасъ призвать на помощь и вы-

выставить на брань противЪ самихЪ ихЪ соперниковЪ и ихЪ помощію подкрѣпить вЪ сраженіи произволЪ и тѣмЪ удобнѣе побѣдить непріятелей. Таковыхъ единомышленниковЪ можно множество найтить всякому; потому что они суть самые тѣ порабощенные вмѣстѣ съ государями своими бунтовщикамЪ, нижніе офицеры или природныя хорошія стремительства и склонности, которыя находятся только во снѣ и вЪ великомЪ безсиліи и изнеможеніи: и такЪ дѣло вЪ томЪ только состоитЪ, чтобЪ ихЪ разбудить и не примѣтно увеличить, укрѣпить и снабдить всѣми нужными имЪ оружіями и военными припасами. 4) ВЪ снисканіи паче всего посторонней какой нибудь помощи, то есть дружбу отЪ сильнаго какого государя, дабы вЪ нужномЪ случаѣ можно было пользоваться не только его защищеніемЪ и покровительствомЪ, но и самымЪ дѣйствительнымЪ, вспоможеніемЪ. Все сіе составляетЪ пятое войны нашей обстоятельство, важность котораго я довольно изобразить не вЪ состояніи.

Сіи

Сіи суть всѣ тѣ нужныя и не обходимо надобныя предварительныя военныя пріуготовленія, о которыхъ я упоминалъ выше. Всѣ оныя учинить, имѣютъ разумъ и произволъ нашъ, или паче сказать сами мы въ помянутое свободное время наиудобнѣйшей случай. Теперь пойдемъ далѣе и посмотримъ, какія должны быть первыя и начальныя военныя дѣйствія и поиски.

Вооруживъ себя исподоволь помянутымъ образомъ и приведя себя въ нарочитое уже состояніе, а именно снабдивъ себя и оружіями и друзьями и помощниками и свободивъ себя и ихъ изъ подъ неволи, надобно обоимъ начальникамъ приступать къ самому уже дѣлу, то есть къ воеванію съ своими врагами. Однако и тутъ должны они употреблять великую предосторожность и не вдругъ соваться къ нимъ въ глаза, но воевать съ начала болѣе хитростію, обманами и проворствомъ и дѣйствовать болѣе оборонительно, нежели наступательно, то есть, чтобъ первыя во-

енныя

енныя дѣйствія и поиски были болѣе политическія. Въ сходствіе чего и должно имъ наблюдать слѣдующее.

Первое, стараться всѣми возможностьми убѣгать отъ большихъ сраженій и отъ кровопролитной, такъ сказать, брани и для того во первыхъ всего болѣе остерегаться, чтобъ самимъ не подать къ тому поводъ, и непріятелю случай къ атакованію себя. Во вторыхъ, хотя бы онъ и самъ сталъ искать случая, или готовился уже учинить на насъ нападеніе, такъ стараться добромъ или хитростію отъ него отдѣлаться и убѣжать баталіи. Въ третьихъ, удерживать его какъ можно на одномъ мѣстѣ и не допускать выходить, такъ сказать, изъ своего лагеря и приводить чрезъ то въ ослабленіе, тревожить всегда маленькими партіями не давая нигдѣ спуску появляющимся малымъ его разъѣдамъ и фуражирамъ, и не прежде съ нимъ вступать въ бой, какъ по самой уже необходимости, то есть, когда онъ самъ нечаянно нападетъ и намъ себя обо-

ро-

роняшь должно. Однимъ словомъ всѣми средствами выигрывать себѣ длиннѣйшее свободное время. Все сіе требуется не попустому, но для того, что съ начала всѣ дѣйствительныя сраженія съ непріятелями не только для человѣка съ великимъ трудомъ и отягощеніемъ сопряжены; но какъ съ начала бунтовщики очень еще сильны, а мы къ сраженію не навычны, то всего скорѣе могутъ такія неравныя сраженія оканчиваться съ предосужденіемъ и вредомъ нашихъ полководцевъ, а съ выгодою бунтовщиковъ и злодѣевъ. Сіе составляетъ шестое обстоятельство войны нашей, котораго о важности можно заключить изъ того, коль вредны бываютъ иногда таковыя рановременныя сраженія въ вещественныхъ войнахъ и коль много разумные полководцы пользуются проваживая непріятелей своихъ цѣлыя компаніи попустому и безъ дѣла и приводя въ ослабленіе либо долговременнымъ удержаніемъ на одномъ мѣстѣ, либо маршами и контрмаршами и дѣланіемъ малыхъ безпокойствъ, а между тѣмъ выигрыва-

ва-

ваніемъ времени на полученіе множайшихъ сикурсныхъ войскъ и о снабдѣніи себя множайшимъ числомъ снарядовъ и припасовъ.

Второе, между тѣмъ какъ сіе будетъ производимо, должно разуму нашему и произволу стараться дѣлать надъ непріятелемъ тайные поиски, изъ которыхъ первѣйшимъ можетъ почесться то, чтобъ какими нибудь средствами лишить его всѣхъ тѣхъ выгодныхъ обстоятельствъ, о которыхъ я впереди упоминалъ и кои напередъ узнать надобно. Какъ напримѣръ 1.) прилагать стараніе отхватить отъ нихъ магазейны и цейхгаузы съ оружіями и припасами, или тайно въ оныя вкрадываясь ихъ такъ перепортить, чтобъ они къ употребленію сдѣлались неспособны, или того еще лучше сдѣлать ихъ самимъ имъ вредными. 2.) Уничтожать тѣ причины, отъ которыхъ они усиливаются. 3.) Преграждать имъ пути къ полученію помощи отъ своихъ товарищей такихъ же бунтовщиковъ и къ приво-

зу

зу я снабденію себя рекрутами и нужными припасами и прочая тому подобная. Все сіе составляетъ седмое обстоятельство войны нашей и пунктъ весьма важной и примѣчанія достойной. Ибо кто не знаетъ, коль великія выгоды получаемъ мы въ вещественныхъ войнахъ надъ непріятелями, естьли намъ удастся отхватить у нихъ толь нужныя и необходимо надобныя имъ вещи. И не побѣждаетсяли однимъ тѣмъ и безъ бою иногда непріятель?

Третье, вторымъ и столь же или еще дѣйствительнѣйшимъ и для насъ полезнѣйшимъ, а для непріятелей вредительнѣйшимъ поискомъ можно почесть и то, когда разумъ и произволъ нашъ станетъ стараться всѣми возможностьми поспѣшествовать и тѣмъ природнымъ слабостямъ и невыгоднымъ непріятелей своихъ обстоятельствамъ, о которыхъ узнаваніи я прежде упоминалъ; какъ напримѣръ стараться усыплять ихъ и приводить въ разстройку и внутреннее замѣшательство раз-

ными хитростьми: то есть 1.) стараться всѣми образами доводить ихъ до того, чтобъ они далѣе спали и не дѣйствовали и такъ сказать стоя долѣе на одномъ мѣстѣ находились въ праздности. Сіе имъ всего болѣе вредить, а намъ пользовать можетъ, потому что въ семъ случаѣ равно какъ въ вещественныхъ войнахъ не только они болѣе ослабѣютъ, но имъ труднѣе будетъ доставать себѣ и нужные съѣстные припасы и снаряды, а намъ между тѣмъ свободное время будетъ дѣлать надъ ними дальнѣйшіе поиски и пріуготовленія; 2.) въ случаѣ когда станетъ выходить изъ своего лагеря или предпринимать итти насъ искать: то предполагать ему важнѣйшія препоны и стараться разными хитростьми и движеніями его устрашать и прогонять опять въ прежней лагерь; 3.) когда то не успѣетъ, то въ разсужденіи опаснѣйшихъ злодѣевъ перехватывать у нихъ путь своими войсками, а ежели въ скорости своихъ доставить не можно, такъ по нуждѣ войсками самыхъ ихъ, но такихъ товари-

щей,

щей, которые бы были малы, не гораздо съ ними согласны, а для насъ не столь опасны, и съ которыми мы скорѣе потомъ уже сладить можемъ, и чрезъ то дѣлать тѣмъ задержки и остановки, заводить между ними междуусобныя ссоры и несогласія и давать поводы другъ съ другомъ къ сраженіямъ и къ причиненію вреда и ущерба; а вразсужденіи себя чтобъ симъ случаемъ можно было пользоваться и получать время къ доставленію своихъ войскъ и къ прогнанію потомъ и всѣхъ ихъ въ прежнія ихъ логовища и къ очищенію поля. Все сіе составляетъ осьмое обстоятельство войны нашей и какъ всѣмъ тѣмъ можно имъ причинить наисущественнѣйшей вредъ, а себѣ безъ бою снискать великія надъ ними выгоды: то можно сказать, что сіе обстоятельство достойно великаго примѣчанія.

Четвертое. Наконецъ третей и послѣдней, но наиважнѣйшей политической поискъ, которой разуму и произволу надъ своими непріятелями чи-

нить должно, состоитЪ вЪ томЪ, чтобЪ вЪ случаЂ естьли предслЂдующіе поиски не удадутся и его не можно будетЪ удержать отЪ выступленія изЪ лагеря и отЪ шествія кЪ мЂсту баталіи или самому трону повелительства: то прилагать послЂднія силы и стараться, какЪ можно захватить у него передЪ и занять помянутое мЂсто прежде его туда прибытія. Для изЪясненія могущей произойти отЪ того для насЪ пользы, долженЪ я сказать, что сіе одно почти обстоятельство нЂсколько *отмЂнно* отЪ *обстоятельств*Ъ вещественной войны. Ибо вЪ сихЪ сраженіяхЪ бываютЪ вЪ разныхЪ мЂстахЪ и гдЂ трафится, а вЪ духовной войнЂ для всЂхЪ сраженій у разума и произвола нашего сЪ бунтовщиками находится только одно мЂсто или поле имЂющее посреди равно какЪ нЂкое высокое, но крайне выгодное мЂсто или гору, и весь успЂхЪ вЪ баталіи зависитЪ наиболЂе отЪ того, кто прежде успЂетЪ захватить передЪ и взойти прежде на сію гору, разумЪ ли и произволЪ сЪ своими вой-

войсками или идущей на сраженіе бунтовщикЪ. Ибо какЪ и самая драка единственно о сей горѣ производится, по причинѣ что сЪ возшествіемЪ на нее и овладѣніемЪ оною сопряжена и власть повелительская надЪ всею областію, и состоитЪ вЪ стараніи однихЪ о согнаніи другихЪ сЪ ней и о завладѣніи оною: то натурально захватившему оную напередЪ, будетЪ несравненно уже выгоднѣе сЪ ней драться и сбивать на нее лѣзущихЪ, нежели другому лѣзть и на нее вздираться. По чему ни вЪ которомЪ случаѣ не надобно и не полезно такЪ проворство какЪ вЪ семЪ, а особливо потому что не рѣдко и все дѣло тѣмЪ кончится; ибо какЪ скоро одинЪ успѣетЪ оную заблаговременно захвативЪ наполнить ее своими войсками и установить орудіями: то другому нѣчего дѣлать и онЪ либо безЪ всякаго дѣла принужденЪ будетЪ прочь итти, либо подравшись нѣсколько и увидѣвЪ невозможность принужденЪ будетЪ оставить свое предпріятіе. Сіе составляетЪ девятое обстоятель-

ство войны нашей и такое, котораго важность довольно изобразить не можно, по чему оно и достойно наивеличайшаго примѣчанія.

Вотъ въ чемъ состоятъ первыя и начальныя военныя дѣйствія и политическіе поиски. Теперь пойдемъ дале и станемъ говорить о послѣднемъ родѣ, то есть о дѣйствительныхъ сраженіяхъ.

Когда уже всѣми вышеупомянутыми средствами съ одной стороны приведетъ разумъ нашъ и произволъ, или паче сами мы себя въ нарочитое уже и несравненно лучшее предъ прежнимъ состояніе и запасеніемъ себя нужными снарядами и многими сильными помощниками себя усилимъ и укрѣпимъ, а съ другой самыми тѣмижъ средствами безъ бою съ наиглавнѣйшихъ бунтовщиковъ пособьемъ на половину спѣси и въ знатное приведемъ уже изнеможеніе: тогда уже пригласивъ помянутаго сильнаго посторонняго союзника и друга въ помощь и испросивъ

сивъ у него въ нужномъ случаѣ себѣ подмоги и подкрѣпленія должно уже нашимъ главнымъ начальникамъ разуму и произволу не упуская времени ополчить себя мужествомъ и приступивъ къ самому дѣлу или объявивъ бушовщикамъ, шакъ сказать, явную войну, положить твердое намѣреніе при всякомъ случаѣ какъ они ни попадутся на встрѣчу, ихъ колотить и драться съ ними до послѣдней возможности. Таковое предпріятіе само собою составляетъ уже десятое и весьма примѣчанія достойное войны нашей обстоятельство. Потому что отъ него равно какъ и на вещественныхъ войнахъ, очень многое зависитъ; ибо кто не знаетъ, сколь много пользуетъ намъ, когда мы ополчимъ себя храбростію, неустрашимою отвагою и мужествомъ, и не побѣждаются ли въ семъ случаѣ часто и сильные безсильными? Напротивъ того сколь вредительно, естьли мы сердца наши наполнимъ трусостію и малодушіемъ и мы не постараемся истребить оную изъ себя. Не бываетъ ли въ семъ случаѣ того, что и

сильныя арміи не смотря на всѣ свои многочисленные снаряды и оружія побѣждаются безсильными и слабыми, но имѣющими только храброе и отважное сердце. Впрочемъ таковое предпріятіе потому наиболѣе надобно, что къ сраженіямъ случаи и прежде того времени и невольные бываютъ, а именно когда непріятели нечаянно и во время еще самыхъ нашихъ пріуготовленій насъ атаковать и наши замыслы разрушить стараться станутъ.

По приступленіи къ такому предпріятію должно потомъ не отмѣнно и въ дѣйство оное проиводить и никогда оное не выпуская изъ пямяти въ случающихся необходимыхъ случаяхъ къ сраженію, то есть когда бунтовщики захотятъ овладѣть или овладѣютъ уже горою, драться не оплошно, но храбро, мужественно и такъ сказать до послѣдней капли крови и не прежде пашевать, какъ при самой необходимости, и когда никоимъ образомъ устоять или согнать уже не можно. Сіе составляетъ первоенадесять и велика-
го

го примѣчанія достойное обстоятельство войны нашей.

Таковыя сраженія будутъ уже тогда натурально имѣть гораздо лучшей, хотя не всегда равной успѣхъ, и отъ того война можетъ длиться долѣе или короче. Причиною тому то, что принуждено будетъ сражаться не со всѣми бунтовщиками вдругъ и разомъ, но съ немногими поодиначкѣ, а изъ оныхъ бунтовщиковъ не всѣ могутъ быть одинаково сильны; и такъ въ разсужденіи иныхъ и тѣхъ, которые слабѣе, сраженія могутъ оканчиваться въ одинъ мигъ и герои наши того момента могутъ ихъ низложить, прогнать, или совсѣмъ взявъ въ полонъ себѣ поработить. А въ разсужденіи иныхъ сраженіе можетъ быть кровопролитнѣе и продлиться долѣе и побѣда зависѣть отъ искусства, проворности, терпѣнія, храбрости и неустрашимости нашихъ полководцевъ и ихъ воиновъ, и чрезъ то бой оканчиваться иногда благополучно, иногда худо; то есть поелику приложено бу-

детъ къ тому отъ первыхъ стараніе. Однимъ словомъ бой бываетъ равновѣсной и побѣда сомнительная. А въ разсужденіи третьихъ и самыхъ сильныхъ обстоятельства иногда могутъ быть и того еще хуже; побѣда не только бываетъ сомнительна, но въ самомъ началѣ уже склоняться и обращаться на сторону бунтовщиковъ и бой оканчиваться къ предосужденію разума и произвола. Бунтовщики будучи съ лишкомъ еще сильны побѣждаютъ ихъ либо скоро, либо не скоро, не смотря на всю ихъ еще храбрость и проворство, а особливо когда съ стороны разума и произвола учинена будетъ какая погрѣшность и оплошность, какъ напримѣръ въ случаѣ когда они съ лишкомъ скоро силы ихъ убоявшись придутъ въ трусость, малодушіе и отчаяніе и не приложатъ всего своего старанія, не употребятъ всѣхъ орудій или будутъ имѣть недостатокъ въ снарядахъ или не призовутъ на помощь своихъ союзниковъ, или имѣть будутъ мало оныхъ, а особливо когда не призовутъ они въ помощь помянутаго

таго посторонняго помощника и государя. Изъ чего явствуетъ, что успѣхъ въ сраженіи наиглавнѣйше зависитъ отъ предслѣдующихъ предуготовленій и благоразумія предводителей. Имъ надобно быть и героямъ и политикамъ и прямо разумѣть, какъ съ непріятелями и когда и какимъ образомъ драться.

Однако таковые случающіеся несчастные случаи не должны приводить ихъ въ отчаяніе, но паче дѣлать ихъ впередъ благоразумнѣйшими и осторожнѣйшими. Первыя такія неудачныя сраженія не должны они съ лишкомъ много уважать, но помнить, что они имъ и не безъ пользы были, потому что всякое такое сраженіе низлагаетъ уже много силы у бунтовщиковъ, нагоняетъ на нихъ страхъ и уменьшаетъ въ нихъ охоту впередъ драться; чего ради разуму и произволу претерпѣвъ однажды или дважды такое отъ бунтовщика пораженіе и узнавъ чрезъ то, сколь много еще онъ силенъ, надобно уже взять предосторожность, и продол-

должив на день первые тайные поиски и средства, самим между тем запасаться против него новыми союзниками и оружіями и потом не инако уже против него выходить, как с приглашеніем к себе на помощь помянутаго посторонняго помощника и Государя, и кричаніем к нему и прозьбою о помощи в самое то время, когда начинается сраженіе и предвидится опасность, пободряясь твердым и безсомненным упованіем, что он поможет и что при его вспоможеніи победа получится, употреблять с своей стороны всю возможною силу и храбрость и драться, сколько сил и возможностей есть. И тогда уже не может такое сраженіе окончиться неблагополучно. Непріятель много ли или мало смотря по обстоятельствам пребдится, а нужно с него однажды посбить спесь и принудить хотя не много ретироваться и место баталіи оставить, как в другой раз он уже несравненно слабее будет драться и уже в бегство обратится, а в третей и в чет-

четвертой и того слабѣе, и къ великому удовольствію и тріумфу совершенно разбитъ и пораженъ быть можетъ; а впредъ уже никакого почти труда не будетъ стоить его одолѣвать и онъ до того доведенъ будетъ, что и въ полѣ показаться не посмѣетъ, а наконецъ и совершенно въ неволю взятъ и порабощенъ быть можетъ. Сіе составляетъ второенадесять и послѣднее, а притомъ наиважнѣйшее войны нашей обстоятельство и такое, которое требуетъ наивящшаго примѣчанія; ибо было бы съ лишкомъ много, естьлибъ хотѣли мы вдругъ и однимъ разомъ отъ всего зла избавиться и побѣдить всѣхъ своихъ непріятелей, чего и въ подлинныхъ войнахъ не всегда требовать и ожидать можно, кольми паче въ сихъ, гдѣ не вдругъ со всѣми, а поодиначкѣ съ разными бунтовщиками дѣло имѣть надобно. Но намъ надобно потрудиться и взять терпѣніе, а за то и побѣда надъ ними будетъ намъ пріятнѣе и торжество веселѣе.

Ежели

Ежели спросите теперь все ли тѣмъ кончится и получитъ ли война все свое чрезъ то окончаніе? На то скажу, что то рѣдко случается, чтобъ тѣмъ все уже кончилось. Правда разумъ и произволъ побѣдивъ и низложивъ главнѣйшихъ своихъ злодѣевъ и похитителей престола и восходитъ хотя на престолъ законнаго своего правительства: но легко можетъ опять его лишиться, естьли и въ началѣ о сохраненіи и утвержденіи власти своей не приложитъ старанія, да и послѣ не будетъ о томъ имѣть попеченія. Причиною тому то, что побѣжденныхъ злодѣевъ своихъ преданіемъ смерти вовся истребить и тѣмъ всѣ могущія впредъ отъ нихъ произойти беспокойства отвратить имъ нѣтъ способа. По несчастію они безсмертны и всѣми побѣдами надъ ними можно только ихъ уменьшить и чрезъ то привесть въ изнеможеніе и равно какъ посадить въ неволю. Но изъ сей неволи легко могутъ они опять выдраться и надѣлать множество бѣдъ и беспокойствъ, естьли по оплошности

пра-

правительства получатъ они и къ увеличиванію себя удобной случай и имъ заблаговременно не сдѣлается опять остановки и они вновь въ тюрьму заперты не будутъ. Къ тому присовокупляется еще другое несчастное обстоятельство, а именно то, что по великому множеству оныхъ не всѣ они равно сильно могутъ быть побѣждены и равно приведены въ изнеможеніе, но многія изъ нихъ останутся, не смотря на свои пораженія, сильны и будучи отъ натуры очень хитры, льстивы лукавы и проворны въ состояніи, сидячи въ самой тюрьмѣ, вредить обществу и когда не сами собою, такъ возбужденіемъ сообщниковъ своихъ находящихся на свободѣ возжигать новые мятежи и безпокойства и колебать престоломъ разума и произвола, а не рѣдко опять свергая оныхъ съ него восходить на него сами или возводить своихъ товарищей. Отъ чего и происходитъ, что многіе исправившіеся впадаютъ опять въ пороки и въ прежнюю беззаконную и распутную жизнь и тогда послѣднее зло бываетъ горше перваго. Для всѣхъ сихъ при-

причинѣ слѣдуетѣ уже само собою, что разуму и произволу о каждомѣ побѣжденномѣ своемѣ врагѣ и злодѣѣ не надобно никогда позабывать, но имѣть отѣ него всегда опасность и осторожность и не только его, но и всѣхѣ товарищей его стараться содержать вѣ безпрерывной неволѣ, имѣть за ними крѣпкой и прилѣжной присмотрѣ и какѣ скоро примѣтится, что которой нибудь изѣ нихѣ подниметѣ опять носѣ и старается выдраться или послучаю изѣ тюрьмы выбѣжитѣ: то того момента и не упуская ни малѣйшаго времени надобно его хватать и не давать ему усилиться. Вѣ противномѣ случаѣ не успѣешь оглянуться, какѣ онѣ соберетѣ уже сильную партію и явится предѣ стѣнами столицы и готовѣ потрясти оною. А чтобѣ все сіе разуму и произволу учинить удобнѣе можно было: то надобно имѣ между тѣмѣ стараться часѣ отѣ часу болѣе утверждать престолѣ свой, освобожденіемѣ и усиливаніемѣ своихѣ законныхѣ и бывшихѣ вѣ заточеніи Генераловѣ и Офицеровѣ и стараться, чтобѣ они полу-

чили

чили свободность упражняться вЪ природныхЪ своихЪ дѣйствіяхЪ и отправлять свои должности и чрезЪ самое то востановить вЪ душѣ натуральной порядокЪ. Ибо когда онЪ сими вѣрными рабами и подданными и прямыми подпорами престола окруженЪ будетЪ, тогда нѣчего уже будетЪ, бунтовщикамЪ дѣлать, но которой бы и захотѣлЪ что нибудь злое предпріять, такЪ Генералы и безЪ Государей своихЪ ихЪ угнѣсть и сЪ ними сладить во всякое время вЪ состояніи будутЪ.

ВотЪ метода, которою должно воевать нашему разуму и произволу противЪ своихЪ злодѣевЪ и непріятелей! И вотЪ краткое описаніе найважнѣйшихЪ обстоятельствЪ сей войны душевной и вкупѣ порядка нашего исправленія. Теперь не знаю, какого мнѣнія были и будете вы, любезной читатель, о семЪ моемЪ аллегорическомЪ изображеніи, и угодна ли она вамЪ будетЪ или неугодна? Но только вЪ томЪ не сомнѣваюсь, что мно-

гимъ покажется сіе одною только забавною шуткою. Они подумаютъ, что я хотѣлъ только ихъ позабавить, и можетъ быть сочтя сіе излишнимъ, здорнымъ и безтолковымъ умствованіемъ поднимутъ все вышеписанное на смѣхъ. Но я дамъ имъ волю и оставлю то дѣлать, что угодно, а между тѣмъ только вамъ, дорогой читатель, на ухо шепну, чтобъ вы, ежели мила вамъ ваша польза, пожаловалибъ имъ въ томъ не слѣдовали, но повѣрилибъ мнѣ, что я во всемъ ономъ аллегорическомъ изображеніи не говорилъ ни единаго почти слова излишняго и пустаго, и что изъ сей мнимой шутки и изъ всѣхъ обстоятельствъ сей шуточной войны выйдутъ наконецъ существительныя и великаго примѣчанія достойныя важности! Возьмите только терпѣніе и выслушайте, что я далѣе въ послѣдующемъ разсужденіи говорить буду. По сіе время я только вамъ вскользъ и мимоходомъ о обстоятельствахъ и состояніи сей войны упомянулъ, и вамъ оную равно какъ издали и на театрѣ представилъ,

для

для того что боялся, чтобъ вамъ пространствомъ не наскучить; а въ последующемъ разсужденіи коснусь ей поближе, разберу въ тонкость всѣ обстоятельства, изъясню, что каждое малѣйшее изъ нихъ составляетъ великую важность, и изъ каждаго почти изъ оныхъ можно извлечь намъ весьма нужныя и примѣчанія достойныя правила. Но трудъ мой былъ бы тщетенъ, естьлибъ я изображая все то не постарался вкупѣ пріобщить ко всѣмъ нужнымъ вещамъ и потребнаго хотя краткаго руководства. Сіе я не премину сдѣлать, и можетъ быть чрезъ то буду имѣть счастіе, что какъ вы, такъ и многіе другіе возъимѣютъ выгоднѣйшія о Аллегоріи моей мнѣнія, и оная вамъ не такова сумазбродна и безтолкова, какъ теперь, покажется.

Конецъ перпой части.

Тимонова 1799 въ февр.

